

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**2026
Т. 26, № 3**

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

СЕРИЯ

«СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Решением ВАК России включен в Перечень рецензируемых научных изданий

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Основной целью журнала является продвижение новейших исследований в области социально-гуманитарных наук: исторических, филологических (литературоведения и журналистики), искусствоведения. Приоритетное право на публикацию имеют результаты качественных исследований по истории, историографии, источниковедению, искусствоведению, методологически актуальные исследования в области литературоведения и журналистики, результаты исследований общих методологических вопросов социально-гуманитарных наук.

Редакционная коллегия

д. филол. н., доц. **Шестеркина Л. П.**
(гл. редактор)
д. филол. н., проф. **Семьян Т. Ф.**
(зам. гл. редактора)
д. ист. н., проф. **Сибиряков И. В.**
(зам. гл. редактора)
к. социол. н., доц. **Салганова Е. И.**
(отв. секретарь)
к. филол. н., доц. **Афанасьев А. С.**
д. полит. н., доц. **Балынская Н. Р.**
д. филол. н., проф. **Варганова Е. Л.**
к. культурологии **Ворошин С. Д.**
д. ист. н., проф. **Епимахов А. В.**
д. филол. н., доц. **Лободенко Л. К.**
д. ист. н., доц. **Никонова О. Ю.**
д. ист. н., д. искусств., проф. **Парфентьев Н. П.**
д. искусств., проф. **Парфентьева Н. В.**
к. филол. н. **Смышляев Е. А.**
д. ист. н., проф. **Таиров А. Д.**
к. филол. н. **Федорова Е. В.**
Ph. D., проф. **Шенк Б.**

Редакционный совет

академик РАН, д. ист. н., проф. **Алексеев В. В.**
д. ист. н., проф. **Ахметова Л. С.**
Ph. D., проф. **Баберовски Й.**
Ph. D., проф. **Байрау Д.**
Dr. habil **Буренина-Петрова О. Д.**
к. филол. н., доц. **Градюшко А. А.**
Ph. D., проф. **Ичин К.**
Ph. D., проф. **Кайзер Э.**
д. искусств. **Москалюк М. В.**
д. ист. н. **Нарский И. В.**
д. ист. н. **Самашев З. С.**
Ph. D., проф. **Хелльбек Й.**

BULLETIN

OF THE SOUTH URAL
STATE UNIVERSITY
SERIES

2026
Vol. 26, no. 3

“SOCIAL SCIENCES
AND THE HUMANITIES”

ISSN 1990-8466 (Print)
ISSN 2413-1024 (Online)

Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta.
Seriya “Sotsial'no-gumanitarnye Nauki”

South Ural State University

The main purpose of the journal is to promote the latest research in the field of social and humanities sciences: historical, philological (literature and journalism), art history. Priority is given to publishing the results of qualitative research in history, historiography, source studies, art criticism, methodologically relevant research in the field of literary studies and journalism, the results of research on general methodological issues of social and humanities sciences.

Editorial Board

Shesterkina Lyudmila Petrovna, editor-in-chief, D. Sc. (Philology), associate professor
Semyan Tatiana Fedorovna, Deputy Chief Editor, D. Sc. (Philology), professor
Sibiriyakov Igor Vyacheslavovich, Deputy Chief Editor, D. Sc. (History), professor
Salganova Elena Ivanovna, executive secretary, Cand. Sc. (Sociology), associate professor
Afanasiev Anton Sergeevich, Cand. Sc. (Philology), associate professor
Balynskaya Natalia Rinatovna, D. Sc. (Politics), associate professor
Fyodorova Ekaterina Viktorovna, Cand. Sc. (Philology)
Lobodenko Lidia Kamilovna, D. Sc. (Philology), associate professor
Nikonova Olga Yurievna, D. Sc. (History), associate professor
Parfentyeva Natalia Vladimirovna, D. Sc. (Art History), professor
Parfentyev Nikolay Pavlovich, D. Sc. (History), D. Sc. (Art History), professor
Smyshlyaev Evgeny Alexandrovich, Cand. Sc. (Philology)
Schenk Benjamin, Ph. D., professor
Tairov Alexander Dmitrievich, D. Sc. (History), professor
Vartanova Elena Leonidovna, D. Sc. (Philology), professor
Voroshin Semyon Dmitrievich, Cand. Sc. (Culturology)
Yepimakhov Andrey Vladimirovich, D. Sc. (History), professor

Editorial Council

Alekseev Veniamin Vasilyevich, academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (History), professor (Russian Federation)
Akhmetova Laila Seisembekovna, D. Sc. (History), professor (Kazakhstan)
Baberowski Joerg, Ph. D., professor (Germany)
Beyrau Dietrich, PhD, professor, Tübingen University (Tübingen, Germany)
Burenina-Petrova Olga Dmitrievna, Dr. habil (Switzerland)
Gradyushko Alexander Aleksandrovich, Cand. Sc. (Philology), associate professor (Belarus)
Ichin Cornelia, Ph. D., professor (Serbia)
Jochen Hellbek, PhD, professor (USA)
Kaiser Elke, Ph. D., professor (Germany)
Moskalyuk Marina Valentinovna, D. Sc. (Art History), professor (Russian Federation)
Narsky Igor Vladimirovich, D. Sc. (History) (Russian Federation)
Samashev Zainolla Samashevich, D. Sc. (History) (Kazakhstan)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии.....	5
-------------------------------	---

Исторические науки

АГУНИКЯН Н. Т. «За кулисами советского досуга»: коммерческая деятельность парков культуры и отдыха в СССР на примере Челябинска, Свердловска и Перми (1930–1950-е гг.).....	6
ГРИЦАЙ Л. А. Трансформация представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг.: символические модели, ритуальные формы и практики коллективной памяти.....	17
МОТРЕВИЧ В. П., МАМЯЧЕНКОВ В. Н. Ресурсная база совхозов Челябинской области в 1946–1953 гг.....	27
САЛЬНИКОВ Л. С. Концепция «Москва – Новый Иерусалим» в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв.: истоки, семантика, коммуникация.....	37
САФАРАЛЕЕВА Ю. У. Ходатайства мусульманских общин Тобольской губернии о строительстве, ремонте и статусе мечетей (1860–1870-е гг.).....	47

Искусствоведение

АЛЕКСЕЕВА Ю. Г. Советская женщина как художественный проект в отечественной живописи 1920–1950-х гг.....	54
ДЕМЕНОВА В. В. «Принцип телесности» в произведениях искусства ваджраяны и его взаимосвязь с религиозно-философским положением «каю» (санскр.: «тело»).....	61
ПАРФЕНТЬЕВ Н. П. Песнопения к службам в честь «новых чудотворцев» древнерусского мастера Маркела Безбородого (XVI в.).....	68

Литературоведение. Журналистика

ЗЫХОВСКАЯ Н. Л., БЕЗМЕНОВ Д. Э. Славянская мифология в видеоиграх: способы репрезентации, трансформации и функции в современном игровом нарративе.....	79
КИРЯКОВА Е. М., РАСПАЕВА Г. Д. Библийские прецедентные феномены в прозе Павла Улитина (на материале книги «Макаров чешет затылок»).....	87
КОРОЛЕВА В. В., ХВОРОСТЯННАЯ Ю. С. Символика чая в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».....	94
ЧЕРЕДНЯКОВА А. Б., АСТАШОВА Ю. В., ЛОБОДЕНКО Л. К., КАЧКО С. С., ЗАБОЛОТНЕВА К. Д. Особенности репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ.....	102
ЯЩЕНКО А. Н. Военная кинодокументалистика как инструмент контрпропаганды: основные приемы репрезентации.....	109

CONTENTS

From the Editorial Board	5
---------------------------------------	---

Historical studies

AGUNIKYAN N. T. “Behind the scenes of Soviet leisure”: commercial activities of recreation and leisure parks in the USSR using the example of Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm (1930s–1950s).....	6
GRITSAI L. A. Transforming ideas about death and immortality in the Soviet culture of the 1920s and 1930s: symbolic models, ritual forms, and practices of collective memory.....	17
MOTREVICH V. P., MAMYACHENKOV V. N. The resource base of state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953.....	27
SALNIKOV L. S. The concept of “Moscow as the New Jerusalem” in the Russian religious culture of the 16th–17th centuries: origins, semantics, and communication.....	37
SAFARALEEVA Y. U. Petitions from the Muslim communities of the Tobolsk region for the construction, renovation, and status of mosques (1860s–1870s).....	47

Art criticism

ALEKSEEVA Y. G. The Soviet woman as an artistic project in Soviet painting of the 1920s–1950s.....	54
DEMENOVA V. V. “The principle of corporeality” in Vajrayana artworks and its relationship with the religious and philosophical concept of “kaya” (Skr.: “body”).....	61
PARFENTIEV N. P. Chants for services honoring the “new Wonderworkers” by the Old Russian master Markel Bezborody (16th century).....	68

Literary criticism. Journalism

ZYKHOVSKAIA N. L., BEZMENOV D. E. Slavic mythology in video games: ways of representation, transformation, and functions in contemporary game narrative.....	79
KIRIAKOVA E. M., RASPAEVA G. D. Biblical precedent phenomena in the prose of Pavel Ulitin (based on the book <i>Makarov scratches the back of his head</i>).....	87
KOROLEVA V. V., KHVOROSTYANNAYA Y. S. The symbolism of tea in F. M. Dostoevsky’s novel <i>Demons</i>	94
CHEREDNIKOVA A. B., ASTASHOVA Y. V., LOBODENKO L. K., KACHKO S. S., ZABOLOTNEVA K. D. Features of representing a media image of an industrial region in the mass media.....	102
YASHCHENKO A. N. War documentaries as a counter-propaganda tool: basic representation techniques.....	109

От редакционной коллегии

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается выпуск «Вестника Южно-Уральского государственного университета» в серии «Социально-гуманитарные науки». Цель данной серии – представить научному сообществу новейшие исследования в сфере социально-гуманитарного знания.

Раздел «Исторические науки» открывает статья Н. Т. Азуньян «“За кулисами советского досуга”: коммерческая деятельность парков культуры и отдыха в СССР на примере Челябинска, Свердловска и Перми (1930–1950-е гг.)», в которой рассмотрены механизмы коммерциализации в СССР в середине XX века, а также реконструирован конфликт между партийными установками и экономической целесообразностью. Л. А. Грицай в статье «Трансформация представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг.: символические модели, ритуальные формы и практики коллективной памяти» уточняет культурно-антропологические основания советского проекта бессмертия и показывает, что раннесоветская культура организовывала взаимодействие живых и мертвых как элемент исторического движения к утопическому будущему. В статье В. П. Мотревича и В. Н. Мамяченкова «Ресурсная база совхозов Челябинской области в 1946–1953 гг.» исследованы основные компоненты ресурсной базы совхозов Челябинской области в первое послевоенное десятилетие. Л. С. Сальников в статье «Концепция “Москва – Новый Иерусалим” в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв.: истоки, семантика, коммуникация» приходит к выводу, что становление концепции «Москва – Новый Иерусалим» в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв. демонстрирует сложный и многогранный путь формирования национальной и религиозной идентичности. Ю. У. Сафаралеева в статье «Ходатайства мусульманских общин Тобольской губернии о строительстве, ремонте и статусе мечетей (1860–1870-е гг.)» на основе анализа архивных источников и опубликованных данных реконструировала участие прихожан и духовных лиц в строительстве мечетей на территории Тобольской губернии.

В разделе «Искусствоведение» представлены исследования, освещающие актуальные аспекты изучения различных видов искусства. В статье Ю. Г. Алексеевой «Советская женщина как художественный проект в отечественной живописи 1920–1950-х гг.» анализируются механизмы культурной политики визуального конструирования женского образа в контексте социалистической мифологии и культурной политики советского государства. В статье В. В. Деменовой «“Принцип телесности” в произведениях искусства ваджраяны и его взаимосвязь с религиозно-философским положением “каю” (санскр.: “тело”))» рассматривается буддийская религиозно-философская концепция «трех тел Будды» и ее влияние на смысловую и иконографическую составляющую искусства ваджраяны. В статье Н. П. Парфентьева «Песнопения к службам в честь “новых чудотворцев” древнерусского мастера Маркела Безбородого (XVI в.)» доказано, что Маркел Безбородый был не только выдающимся гимнографом, но и распевщиком, сумевшим создать музыкальное оформление для ряда служб «новым» святым.

В разделе «Литературоведение. Журналистика» представлены статьи, освещающие различные аспекты филологической отрасли. В статье Н. Л. Зыховской и Д. Э. Безменова «Славянская мифология в видеоиграх: способы репрезентации, трансформации и функции в современном игровом нарративе» показано, что славянская мифология в видеоиграх выступает не только как источник образов и сюжетных мотивов, но и как способ организации игрового мира и визуальной стилистики. Е. М. Кирякова и Г. Д. Распаева в статье «Библийские прецедентные феномены в прозе Павла Улитина (на материале книги “Макаров чешет затылок”))» делают вывод о том, что в прозе П. Улитина библийские прецедентные феномены являются важной частью авторской стратегии и помогают читателю лучше понять интенцию автора. В статье В. В. Королевой и Ю. С. Хворостянской «Символика чая в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”» утверждается, что образ чая играет важную роль в раскрытии идейного содержания и поэтики произведения, раскрывает характер персонажей, транслирует авторскую оценку. В исследовании А. Б. Черediaнковой, Ю. В. Асташовой, Л. К. Лободенко, С. С. Качко, К. Д. Заболотневой «Особенности репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ» представлены результаты изучения особенностей репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ и контент-анализа его тематической структуры. В статье А. Н. Яценко «Военная кинодокументалистика как инструмент контрпропаганды: основные приемы репрезентации» рассматриваются основные контрпропагандистские стратегии, реализуемые средствами документального кино: разоблачение через факт, аргумент и эмоциональное воздействие.

«ЗА КУЛИСАМИ СОВЕТСКОГО ДОСУГА»: КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРКОВ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА В СССР НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКА, СВЕРДЛОВСКА И ПЕРМИ (1930–1950-е гг.)

Н. Т. Азунян^{1,2}

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²МБУК «Центр историко-культурного наследия г. Челябинска», г. Челябинск, Российская Федерация

В статье анализируется феномен коммерческой активности советских парков культуры и отдыха (ПКиО) в 1930–1950-е гг. на примере ПКиО Челябинска, Свердловска и Перми. В статье рассматривается, как в условиях хронического дефицита финансирования со стороны городских бюджетов и жесткого идеологического контроля парки вырабатывали собственные стратегии экономического выживания. Внимание уделяется стратегиям выживания и экономическим инициативам, которые были призваны компенсировать дефицит финансирования парков. На примере ПКиО Челябинска, Свердловска и Перми рассматриваются механизмы коммерциализации: организация платных услуг и мероприятий, развитие сети торговых павильонов, ресторанов, аттракционов. Все три культурно-досуговых учреждения создавали подсобные производства, такие как мастерские и рекламные бюро, выполнявшие сторонние заказы.

В статье реконструируется конфликт между партийными установками и экономической целесообразностью. Автор анализирует, как администрация парков решала проблему выживания в условиях бюрократического регулирования, нестабильности спроса и сезонности доходов. Тяжелые условия порождали не только легальные инициативы, но и «теневые практики»: мошенничество с билетами, злоупотребления в системе общепита и финансовые махинации. Коммерческая активность ПКиО стала неотъемлемой частью их функционирования и постепенно трансформировала жесткую идеологическую «рамку» деятельности, превращая их в пространства не только для идеологического воспитания, но и для частной жизни и отдыха горожан.

Ключевые слова: советский досуг, парк культуры и отдыха, прагматизм, экономика досуга, коммерциализация досуга, хозяйственная деятельность парков.

Введение

Парки культуры и отдыха (ПКиО) в СССР, как правило, изучаются как важнейшие центры массового социалистического досуга и идеологического воспитания городского населения. Помимо официальной пропаганды коллективизма, просветительской работы и организации культурного времяпрепровождения парки жили «скрытой», динамичной и противоречивой хозяйственной жизнью. Опираясь на опыт Челябинского, Свердловского и Пермского парков, можно проследить, каким образом эти культурно-досуговые учреждения создавали советскую хозяйственную модель коммерциализации досуга. В исследовании рассматриваются механизмы экономической адаптации советских ПКиО к условиям нехватки финансирования и жестким идеологическим рамкам в 1930–1950-е гг.

Обзор литературы

В исследованиях, посвященных работе дореволюционных досуговых учреждений, показано, что хозяйственная основа увеселительных садов формировалась за счет вложений частных предпринимателей, просветительских обществ и поддержки городских властей [1–2]. Работа парков

и садов строилась с учетом хронического дефицита городских бюджетов, поэтому их планировка редко менялась, а внешний облик оставался неизменным на протяжении десятилетий. Исследователи подчеркивают, что до 1917 г. для оптимизации расходов городские власти сдавали сады в аренду, а прибыльность садов и парков определялась умением сочетать коммерческие инициативы и интересы посетителей [3–4].

Вопрос коммерческой деятельности ПКиО на региональном уровне остается недостаточно изученным в историографии. Исследователи рассматривают парки как инструменты воспитания «нового человека» и социальной мобилизации населения на примере столичного ЦПКО им. М. Горького [5–14]. Ученые [15–17] анализируют ПКиО как институты социалистической культуры досуга, косвенно затрагивая коммерческие аспекты. Экономические аспекты деятельности парков практически не освещаются в краеведческой литературе и локально-исторических исследованиях [18–24]. Поэтому важным для нашего исследования является литература, посвященная истории советской повседневности и досуга [25–29].

Методы исследования

В основу анализа коммерческой деятельности ПКиО положена концепция «социального иммунитета» Е. А. Осокиной [30, с. 387], отражающая парадокс функционирования сталинской системы. Жесткость централизованного управления не всегда исключала, а иногда и стимулировала развитие неформальных практик. Социальный иммунитет подразумевает такую форму адаптации окружающей действительности и сопротивления ей, которая не ставит под сомнение легитимность самой государственной модели. Неформальные практики при этом функционируют как жизненно необходимые механизмы выживания в условиях хронического дефицита ресурсов и противоречий плановой экономики [30, с. 397]. Применительно к парковым хозяйствам адаптация к идеологически жесткой системе происходила на организационном уровне [30, с. 398]: участником подпольных экономических операций в большей степени становился не конкретный индивид, а само парковое хозяйство как организационная структура. Правонарушения, мошеннические схемы и теневые практики коммерческой парковой деятельности встраивались в повседневность ПКиО, становясь звеном в системном механизме адаптации.

Результаты и дискуссия

В советской городской среде ПКиО были призваны стать ядром массового и просветительского досуга, однако размах декларируемой миссии советских парков не совпадал с их возможностями. Финансирование парков осуществлялось из городских бюджетов, небольшой вклад ситуативно вносили профсоюзы и предприятия. Формально три культурно-досуговых учреждения находились в ведении городских советов, но фактически по ведомственной линии они оставались беспризорными и не получали должного внимания от властей. Городские советы могли не только игнорировать проблемы, но и препятствовать росту доходов парков. Так, свердловский городской совет в 1930-е гг. обязал дирекцию ПКиО бесплатно предоставлять территории и развлечения для проведения массовых городских мероприятий в праздничные дни [31, л. 6.]. Для парка это означало потерю потенциальной прибыли.

В 1930-е гг. парки Челябинска и Свердловска создавались на неосвоенных территориях и зачастую не имели развитой инфраструктуры, однако природа сама по себе привлекала горожан, поэтому руководство парков делало ставку на развитие точек общественного питания, что увеличивало посещаемость и приносило дополнительный доход. Возможность перекусить в кафе и провести время в компании привлекала посетителей и пополняла бюджеты парков. В жаркое время года успех обеспечивался за счет продажи кваса, содовой или мороженого [32]. Свердловскому и челябинскому ПКиО организовать общественное пита-

ние помогали городские комитеты народного питания (Горнарпит). В парках работали столовые, ларьки с прохладительными напитками, буфеты, а в Свердловске также специальный киоск детского питания [33].

Еще одним источником дохода были музыкальные и развлекательные мероприятия. Несмотря на то, что эстраду обвиняли в легковесности, именно это искусство вошло в повседневную жизнь, став неотъемлемой частью праздников, молодежных фестивалей и массовых мероприятий [34, с. 11–12]. Эстрадные концерты, цирковые представления, популярные песни стали компромиссом между коллективистским пафосом и жадой отдыха, эмоций и индивидуального переживания.

Противоречивость советского досуга сталинской эпохи заключается, как отмечает Н. Лебина, в том, что власть и идеология выражались через организацию коллективистских форм досуга, а люди наполняли их индивидуальными смыслами. Официальное нормирование структуры и содержания досуга оборачивалось тем, что люди искали «щели» для личной, неидеологизированной жизни [35, с. 255].

Вкусы посетителей диктовали программу, в которой эстрадные концерты опережали по популярности мероприятия с классической музыкой. Челябинский ПКиО с середины 1930-х гг. ориентировался преимущественно на эстрадные концерты с участием московских и ленинградских артистов [36, л. 35 об.], а также уральских творческих коллективов. Простая инфраструктура, состоявшая из обычной деревянной сцены с крышей-ракушкой летней эстрады, позволяла проводить недорогие концерты. Только в 1935 г. эстрадные концерты посетило 70 200 зрителей [36, л. 35 об.]. Легкая эстрадная музыка, юмористические номера собирали зрителей в большом количестве. На сцене летнего театра звучали джазовые композиции, исполнялись комические песни «Самара городок», «Мятелки». Благоклонностью публики пользовалась артистка З. Кавецкая, обладавшая мастерством перевоплощения и пародирования [37].

В эстрадных театрах появлялись новые формы массового отдыха, отражавшие специфику «позднего тоталитарного гламура» [38, с. 315]. Власть требовала проведения мероприятий, символизирующих радость и благополучие советской жизни. Одной из таких инноваций стали карнавалы и маскарады, переосмысленные в духе советской идеологии.

В 1937 г., к XX годовщине Октябрьской революции, Свердловский областной дом народного творчества выпустил «Методическое письмо по подготовке к празднованию» [38, с. 315], в котором подчеркивалась важность организации балов-карнавалов, где неотъемлемым атрибутом были выразительные костюмы, иллюстрировавшие

отдельные статьи сталинской конституции, образы счастливой матери, лозунги из речей Сталина [38, с. 315]. Особое место должны были занимать персонажи, тематически связанные с достижениями социалистического строя. Важными стали темы бдительности и борьбы с врагами социализма, среди которых были «троцкисты-предатели» и «шпионы-диверсанты» [38, с. 315]. Инструкции по визуализации идеологически корректных образов отсутствовали. Предполагалось, что организаторы должны руководствоваться пролетарской интуицией.

В Свердловске Управление по делам искусств в 1936 г. вложило 70 тысяч рублей в создание зеленого открытого театра (летней эстрады) [39, л. 20]. С конца 1930-х гг. здесь периодически выступали артисты театров Москвы и Ленинграда [40, л. 3], что обеспечивало высокий уровень посещаемости. Руководство парка обращало внимание на погодный фактор, в хорошую погоду администрация увеличивала количество и стоимость входных билетов, цена поднималась с одного рубля до двух. В теплое время года старались проводить фестивали художественной самодеятельности и концерты [41, л. 91 об.].

Пермский городской сад им. М. Горького также делал ставку на массовые зрелища и организацию гастролей. Вот как звучал один из анонсов: «На эстраде: гастроль ленинградского театра, обл. дома безбожников» [42]. В послевоенный период концерты популярных артистов, танцевальные площадки, а также платные лекции составляли основные статьи доходов сада. Скидки для коллективных посещений, а также активная рекламная политика поддерживали интерес посетителей и обеспечивали стабильный поток выручки. Как в Челябинске и Свердловске, в саду Перми также преобладали легкие жанры: концерты художественной самодеятельности, сатирические и музыкальные программы, карнавалы. Если в Челябинске и Свердловске посетители покупали карнавальные аксессуары, то в Перми арендовали костюмы. Система аренды карнавальных костюмов оказалась прибыльной и просуществовала целое десятилетие.

Дирекции ПККиО и сада вынужденно снижали идеологические стандарты в пользу массового успеха и финансовой самоокупаемости, что делало парки и сад своеобразной «ареной компромисса» между идеологическими ожиданиями и повседневными потребностями населения. Такая ситуация демонстрирует противоречивость советского досуга, когда формально унифицированные пространства и практики так или иначе наполнялись личными, не всегда совпадающими с замыслом власти смыслами.

Осенний и зимний период был для сада особенно сложным. Из-за отсутствия приспособленных обогреваемых помещений (гардероба, лыжной

базы, буфетов) поток посетителей сокращался, и доходы падали. Дирекция сада обращалась в горисполком с просьбой о переоборудовании и ремонте эстрадного театра, однако обращения не приносили результата. Сад выживал частично за счет дотаций и собственного рекламного бюро [43, л. 25]. Рекламное бюро принимало заказы сторонних организаций, выполняло художественно-оформительские, живописные и рекламные работы, что компенсировало сезонное снижение доходности и нехватку дотаций. Стоимость работ рекламного бюро и пиротехнической мастерской утверждал городской исполнительный комитет [44, л. 49].

Культ здорового тела был важным элементом официального сталинского дискурса [45, с. 72]. Все крупные политические события и праздники, такие как 1 Мая, День Конституции, годовщина Октябрьской революции, День молодежи, открытие партийных съездов, сопровождались проведением спортивных мероприятий в ПККиО [46, с. 226].

Советская физкультурная политика находилась под влиянием военизированных структур, в первую очередь, Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим), сыгравшего ключевую роль в милитаризации спорта и массового физкультурного движения. В 1935 г. Осоавиахим передавались все виды вневойсковой подготовки [47, с. 207]. В ПККиО устанавливались парашютные вышки, полосы препятствий и стрелковые тир. Так, кроссы, сдача нормативов ГТО, а также другие физкультурные праздники в ПККиО приобрели особое значение как форма вовлечения широких масс в подготовку к труду и обороне страны. С 1932 г. проводился кросс имени Н. Шверника, который часто совпадал с днем сдачи ГТО [48]. В Челябинске кросс имени Н. Шверника состоялся 18 мая 1934 г. – в день открытия ПККиО [49]. После открытия водной станции проводились соревнования по плаванию, прыжкам и нырянию [50]. Свердловский ПККиО тоже сопровождал значимые политические даты физкультурными праздниками. Так, в честь X съезда и областной конференции ВЛКСМ в ПККиО были организованы состязания лыжников и сдача ГТО [51].

ПККиО в 1930-е гг. становились местом для занятий спортом и отдыха вне идеологических рамок. В челябинском ПККиО можно было арендовать спортивный инвентарь: мячи, сетки, лыжи, коньки, сани и др. Высокая арендная плата обеспечивала стабильный доход. Для защиты от краж и порчи дирекция внедрила страхование спортивного инвентаря через залог, вызывавшее недовольство у части посетителей, поскольку это ограничивало доступ к спортивным играм и занятиям для тех, кто не располагал достаточными денежными средствами. Техник-конструктор ЧТЗ Е. Смирнов жаловался через газету, что в киоске за аренду

мяча потребовали залог в 20 рублей, а за сетку 15 рублей: «...нельзя ли изменить такой порядок пользования спортивным инвентарем» [52]. В связи со сложившимся порядком часть посетителей, которая была не готова платить за разовое спортивное развлечение, приносила в парк собственные сетки для игр с мячом и устанавливала их между деревьями.

Свердловский ПККиО также смог успешно интегрировать спортивный сектор в свою финансовую модель: парашютная вышка, тир, зимние кроссы и лыжные соревнования поддерживали жизнь парка. Прокат лыж, обустройство специальных спортивных площадок под массовые занятия (лыжные и конькобежные базы [53]), проведение турниров по различным видам спорта гарантировали стабильный поток доходов. Лодочные и лыжные базы, прокат саней и велосипедов были типичными источниками поступлений не только летом, но и зимой. В зимний сезон 1939 г. лыжной базой в свердловском ПККиО воспользовались 3190 человек, было арендовано 437 пар лыж и 522 пары ботинок [54, л. 4]. За этот период было организовано 11 соревнований областного уровня и соревнование всесоюзного масштаба. В 1934 г. дирекция свердловского парка организовывала для посетителей, приезжавших накануне выходных, палаточный лагерь [5, с. 14]. Гостям предоставлялись ночлег с постельным бельем, а также питание в столовой, включая обеды и ужины. Без организованного питания проживание в палаточном лагере стоило 2 рубля [23, с. 1005].

Для городского сада им. М. Горького г. Перми спортивное направление играло важную роль в формировании доходов, но доля доходов от такой деятельности была ниже, чем в ПККиО Челябинска и Свердловска. Установленная в 1938 г. парашютная вышка проработала недолго. Посетители были недовольны: «...Средства затрачены, а результатов не видно. Наладить работу парашютной вышки должны городской совет Осоавиахима, спортивные организации города и, в особенности, аэроклуб, которому эта вышка принадлежит» [55].

Городской сад делал ставку на традиционные развлекательные аттракционы (силомеры и тир), которые были популярными в саду и в дореволюционный период. Для поддержания интереса посетителей в 1940-е гг. дирекция установила в саду баланsir и кегли [56, л. 13–19]. В зимний сезон в саду можно было взять напрокат коньки и лыжи, покататься с горок. В помещении ресторана работал пункт проката спортивного инвентаря, а наличие гардеробных и теплых комнат делало спорт привлекательным в холодное время года.

В тяжелых финансовых условиях одним из способов выживания для ПККиО стала организация подсобных и вспомогательных производств. В ПККиО Челябинска, Свердловска и городском

саду им. Горького Перми существовали собственные огороды, мастерские, подсобные хозяйства. Благодаря им многие работы парки выполняли своими силами и получали доход от выполнения сторонних заказов. Наиболее успешными направлениями оказались художественно-столярная и пиротехническая мастерские свердловского парка и пермского городского сада. Сотрудники ПККиО Свердловска и Челябинска занимались цветочным хозяйством, выращивали растения для озеленения парка и на продажу.

В годы Великой Отечественной войны свердловскому и челябинскому ПККиО управлять подсобными хозяйствами стало труднее. Так, часть подсобного хозяйства свердловского ПККиО, включая тягловую силу (лошади, грузовой транспорт), была мобилизована для нужд фронта [57, л. 9], временно прекратила работу художественная мастерская. Пермский городской сад сумел сохранить пиротехническую мастерскую, но ее продукцией в годы войны пользовались редко [58, л. 12].

К началу 1950-х гг. досуг занял более заметное место в жизни горожан, отражая сдвиг в общественных ценностях после Великой Отечественной войны. Досуг стал частью стратегии обретения новой «нормальности», в которой культ труда и коллективизм постепенно уступали место отдыху и общению. Как отмечает Е. Ю. Зубкова, послевоенное общество находилось в атмосфере надежды и ожидания перемен, и власть пыталась организовать повседневную реальность как «жизнь-праздник» [59, с. 48].

Культурная программа парков в послевоенные годы была традиционной. В Челябинске стабильно пользовались успехом концерты и лекции на международные темы. Свыше 700 человек привлек хор Магнитогорской капеллы, более 250 – лекция о новейших достижениях ракетно-реактивной техники. Особый интерес у публики вызвали творческие встречи, например, около 500 человек посетили встречу с режиссером фильма «Руслан и Людмила» В. Неvejeиным [60]. Посетители не только участвовали в мероприятиях, но и активно в газете предлагали меры по улучшению пространства, например, возвращение гамачной зоны и организация выставок работ фотолюбителей и местных художников [60].

Свердловская дирекция ПККиО в 1951 г. в качестве лектора приглашала режиссера свердловской киностудии с темой «Работа режиссера над созданием хроникальных фильмов» и оператора с темой «Как создаются кинофильмы» [61, л. 6]. Кроме того, в летнем театре проходили встречи с представителями интеллигенции из других областей науки и производства, например, с конструкторами шатающегося экскаватора – лауреатами Сталинской премии Кабучеком и Винокурским [61, л. 13].

Одним из самых известных мест в любом ПКЮ была танцплощадка. Советская власть безуспешно пыталась монополизировать и идеологизировать эту форму досуга. Еще в середине 1930-х гг. центральный ПКЮ им. М. Горького в Москве взял на себя функцию своеобразного методического центра, где растили будущих профессиональных артистов, в том числе танцовщиков [62, с. 94]. Танец рассматривался как инструмент культурного и эстетического воспитания трудящихся. Однако парковые танцплощадки оставались местом, где можно было свободно потанцевать под популярную музыку и пообщаться. Вход на танцевальные площадки в парках был платным, что делало танцплощадки источником стабильных доходов. До войны в свердловском ПКЮ программа обычно ограничивалась танцевальными вечерами под оркестровую музыку, баян или радиолу. В начале 1950-х гг. в свердловском ПКЮ ежедневно проводились танцевальные вечера, на которых в антрактах бесплатно проводились уроки танцев [61, л. 31.]. В челябинском парке и пермском городском саду также уделялось внимание развитию танцевальной культуры – регулярно проводились конкурсы на лучшее исполнение бального танца и русской пляски. Танцплощадки были простыми и просторными. В городском пермском саду в 1959 г. танцплощадка вмещала 200–300 танцующих [63, л. 16], программа танцплощадки вывешивалась регулярно, четыре раза в неделю бесплатно работала танцевальная школа.

Обратим внимание на еще один аспект коммерческой деятельности парков. Платные услуги парков с неизбежностью порождали теневую активность. В работе парков и сада встречались разные формы злоупотреблений со стороны сотрудников с целью личного обогащения. Одним из наиболее распространенных способов стали мошеннические схемы с билетами. В 1933 г. случаи обмана владельцев абонементов отмечались в пермском городском саду. Несмотря на наличие приобретенных абонементов, посетителей не пропускали в парк в выходные дни. Как выразился один из владельцев абонемента, ему «любезно» предлагали приобрести билет за деньги по общей цене [64]. В 1934 г. в свердловском ПКЮ кассиры вместо билетов продавали только корешки, которые не регистрировались и не учитывались как доход учреждения. Спустя год вскрылись случаи, когда продавались билеты на концерты без обещанных владельцам абонементов скидок [65].

Распространенным явлением было жульничество в системе общепита. Продавщица свердловского ПКЮ Журавлева систематически недоливала напитки, обчитывая покупателей. При обыске у нее обнаружили 3500 рублей и множество ценных вещей [66].

В 1949 г. в пермском городском саду в пиротехнической мастерской отсутствовал бухгалтер-

ский контроль. Руководство сада доверило пиротехнику вести бухгалтерию самостоятельно. В результате пиротехник начислял себе заработную плату: ежемесячно пиротехник-бухгалтер выписывал себе от 3 000 до 6 955 рублей [67, л. 12]. В ходе проверки выяснилось, что только за 1948 г. он получил на 28597 рублей больше, чем следовало по нормативу.

Выводы

Опыт коммерческой деятельности ПКЮ Челябинска, Свердловска и пермского городского сада им. М. Горького в 1930–1950-е гг. показывает двойственность их функционирования. Несмотря на официальную роль массовых идеологических и воспитательных центров, хроническая нехватка финансирования, сезонные колебания доходов вынуждали учреждения проявлять хозяйственную самостоятельность и находчивость.

Вызов для парков и сада заключался в сезонной нестабильности доходов и финансовой уязвимости. Дирекции максимально использовали благоприятные периоды – организовывали платные эстрадные концерты, карнавалы с арендой тематических костюмов, развивали сеть общественного питания и платных услуг проката спортивного инвентаря. Особое место занимало развитие спортивной инфраструктуры: прокат лыж и коньков, зимние массовые соревнования способствовали привлечению посетителей и стабилизации доходов вне основного сезона.

Руководство парков и сада маневрировало между идеологическими задачами, удовлетворением досуговых потребностей населения и поиском экономической рентабельности. В рамках комплексных хозяйственных стратегий создавались собственные подсобные производства: мастерские, огороды, рекламные бюро, – что позволяло снижать собственные затраты, обеспечивать внутренние потребности и находить внешние заказы. Эти практики являлись ответом на бюрократические барьеры, сезонность и дефицит поддержки со стороны городских структур.

Конфликт между партийными установками и экономическими потребностями выражался не только в недостаточном финансировании и частичном игнорировании проблем учреждений, но и в препятствиях для расширения коммерческой активности, когда вышестоящие органы не давали разрешения на повышение стоимости билетов. Отчасти в таких условиях распространение получили серые и теневые практики (мошенничество с билетами, злоупотребления служебным положением, завышение зарплат в мастерских свидетельствуют о системном характере подобных явлений).

Активная хозяйственная инициатива, внедрение коллективных механизмов адаптации к системе государственного контроля позволяли учреждениям не только выживать, но и развиваться,

становясь пространствами частной жизни, отдыха и развлечения, зачастую существовавшими «вне идеологии».

Литература

1. Рябова, С. А. Увеселительные сады в социокультурном пространстве городов России в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук / С. А. Рябова. – М., 2016. – 304 с.
2. Семенова, Е. Ю. Охрана городского ландшафта в условиях революционного 1917 года: проблемы и пути их решения (на примере г. Самара) / Е. Ю. Семенова // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9, № 2(31). – С. 188–193.
3. Палий, Л. В. Роль Публичных садов и скверов в социокультурной повседневности российского провинциального города XIX – начала XX в. (на материалах г. Курска) / Л. В. Палий // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 3(51). – С. 46–51.
4. Романов, Р. Н. Городские парки в Сибири как места отдыха и развлечений во второй половине XIX в. – начале XX в. / Р. Н. Романов // Вестник Югорского государственного университета. – 2012. – № 1(24). – С. 39–44.
5. Кочухова, Е. С. «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs клубные сады 1920-х. Случай Свердловска / Е. С. Кочухова, Е. И. Рабинович // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 2. – С. 6–18.
6. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М. : Стройиздат, 1996. – 715 с.
7. Сидорчук, И. В. Советский город эпохи нэпа как пространство досуга / И. В. Сидорчук, Е. А. Цимерман // Россия в глобальном мире. – 2023. – Т. 26, № 4. – С. 117–135.
8. Голубева, Е. П. Принципы формирования архитектуры рекреационно-досуговых комплексов : дис. ... канд. архитектуры / Е. П. Голубева. – Нижний Новгород, 2006. – 195 с.
9. Барышева, Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. / Е. В. Барышева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 1(148). – С. 9–25.
10. Кухер, К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941 / К. Кухер. – М. : РОССПЭН, 2012. – 350 с.
11. Угрехелидзе, Е. А. К вопросу о создании Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького: историко-социологический аспект / Е. А. Угрехелидзе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2018. – № 3(13). – С. 84–91.
12. Фан, И. Б. Отношение к человеку в официальной советской политической культуре конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя и мобилизация масс / И. Б. Фан // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 30–47.
13. Кур-Королев, К. Новый человек или социальная инженерия при сталинизме: некролог по местам о новом человеке / К. Кур-Королев // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы международной научной конференции. – М. : РОССПЭН : Фонд Б. Н. Ельцина, 2011. – С. 372–377.
14. Shaw, C. A fairground for «building the new man» Gorky Park as a site of Soviet acculturation / C. Shaw // Urban History. – 2011. – № 38 (2). – P. 324–344.
15. Siegelbaum, L. H. Soviet State and Society Between Revolutions, 1918–1929 / L. H. Siegelbaum. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 284 p.
16. Petrone, K. Life has become more joyous, comrades: Celebrations in the time of Stalin / K. Petrone. – Bloomington (Ind.) ; Indianapolis : Indiana Univ. press, Cop. 2000. – 266 p.
17. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. яз. Л. Ю. Пантинной. – М. : РОССПЭН, 2001. – 332 с.
18. Строкова, Н. П. Парки / Н. П. Строкова // Челябинск : энциклопедия ; сост. : В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – С. 606.
19. Оршулевич, П. М. Центральный парк культуры и отдыха / П. М. Оршулевич // Челябинск : энциклопедия ; сост. : В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Челябинск : Каменный пояс, 2001. – С. 927.
20. Верхованцев, В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее: (краткий историко-статистический очерк) / В. Верхованцев. – Пермь : Электро-типография Губернского земства, 1913. – С. 186–187.
21. Спешилова, Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917 / Е. А. Спешилова. – Пермь : Курсив, 1999. – С. 383–387.
22. Свердловск: строительство и архитектура / Н. С. Алферов [и др.]. – М. : Стройиздат, 1980. – С. 138–139.
23. Рабинович, Е. И. Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского. адрес Екатеринбург, ул. Мичурина, д. 230, годы строительства 1930-е, архитекторы А. Дукельский и В. Соколов / Е. И. Рабинович. – Екатеринбург, 2019. – С. 981–1092.
24. Агунимян, Н. Т. Центральный парк культуры и отдыха города Челябинска: проект – обсуждение – воплощение (1930-е гг.) / Н. Т. Агунимян, Н. В. Гришина // Архив в социуме – социум в архиве : материалы четвертой Всероссийской

научно-практической конференции. – Челябинск, 2021. – С. 306–309.

25. Frederiksen, M. *Ethnographies of Grey Zones in Eastern Europe: Borders, Relations and Invisibilities* / M. Frederiksen, I. Knudsen. – 2015. – 205 p.

26. Ledeneva, A. V. *Russia's Economy of Favors: «Blat», Networking and Informal Exchange* / A. V. Ledeneva. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 235 p.

27. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – 2-е изд. доп. – М. : РОССПЭН : Фонд Б. Н. Ельцина, 2008. – 351 с.

28. Лебина, Н. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917–1991 / Н. Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с.

29. Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* / S. Kotkin. – Berkeley, 1997. – 639 p.

30. Осокина, Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. – М., 2011. – С. 387–406.

31. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 1.

32. 50 000 трудящихся в ПКЮ // Уральский рабочий. – 1937. – № 134. – 14 июня.

33. Завтра открывается Свердловский парк культуры и отдыха // Уральский рабочий. – 1933. – № 139. – 17 июня.

34. MacFadyen, D. *Red Stars: Personality and the Soviet Popular Song* / D. MacFadyen. – Montreal & Kingston, 2001. – 331 p.

35. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1950-х годов / Н. Б. Лебина. – СПб. : Д. Буланин, 1999. – 316 с.

36. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р-485. – Оп. 5. – Д. 39.

37. Город отдыхает // Челябинский рабочий. – 1936. – № 120. – 26 мая.

38. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 537 с.

39. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 83.

40. ГАСО. – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 1.

41. ГАСО. – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 23.

42. Объявление // Звезда. – 1931. – № 134. – 17 июня.

43. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 34.

44. ГАПК. – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 7.

45. Куляпин, А. И. Мифология советской по-

вседневности в литературе и культуре сталинской эпохи / А. И. Куляпин, О. А. Скубач ; отв. ред. И. В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 239 с.

46. Барышева Е. В. Мир идеалов советского праздника (к вопросу конструирования социальной реальности) / Е. В. Барышева // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: сборник научных трудов – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. – С. 221–229.

47. Никонова, О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.) : монография / О. Ю. Никонова. – М. : Новый Хронограф, 2010. – 440 с.

48. Кросс имени товарища Шверника // Красный спорт. – 1934. – № 20. – 12 апреля.

49. На воздух, в парк! // Челябинский рабочий. – 1934. – № 88. – 20 мая.

50. Организовывается физкультурный городок в парке // Челябинский рабочий. – 1934. – № 128. – 6 июля.

51. Зимний праздник // Уральский рабочий. – 1936. – № 30. – 6 февраля.

52. Отдых под залог // Челябинский рабочий. – 1936. – № 129. – 3 июня.

53. Парк зимой // Уральский рабочий. – 1936. – № 234. – 10 октября.

54. ГАСО. – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 1.

55. Егошин, В. Парашютная вышка / В. Егошин // Звезда. – 1938. – № 164. – 17 июля.

56. ГАПК. – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 1.

57. ГАСО. – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 3.

58. ГАПК. – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 3.

59. Зубкова, Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е. Зубкова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 229 с.

60. В Парке Культуры и Отдыха // Челябинский рабочий. – 1951. – № 162. – 12 июля.

61. ГАСО. – Ф. Р-2709. – Оп. 1. – Д. 30.

62. Нарский, И. В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: культурная история советской танцевальной самодеятельности / И. В. Нарский. – М. : НЛО, 2018. – 751 с.

63. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ) – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 23.

64. «Коммерсанты» из ПКЮ // Звезда. – 1933. – № 128. – 15 июня.

65. Неудачное начало // Уральский рабочий. – 1935. – № 158. – 11 июля.

66. Ветошкин, Е. Суд. Обман покупателей / Е. Ветошкин, // Уральский рабочий. – 1941. – № 135. – 11 июня.

67. ПермГАСПИ. – Ф. Р-1010. – Оп. 1. – Д. 3.

Агуникян Нелли Тиграновна – аспирант кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет, старший научный сотрудник МБУК «Центр историко-культурного наследия г. Челябинска» (Челябинск), e-mail: golubeva_nelly@mail.ru

Поступила в редакцию 12 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260301

“BEHIND THE SCENES OF SOVIET LEISURE”: COMMERCIAL ACTIVITIES OF RECREATION AND LEISURE PARKS IN THE USSR USING THE EXAMPLE OF CHELYABINSK, SVERDLOVSK, AND PERM (1930s–1950s)

N. T. Agunikyan^{1,2}

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Center for Historical and Cultural Heritage in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russian Federation

The article analyzes the commercial activities of Soviet recreation and leisure parks in the 1930s and 1950s, using the example of parks in Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm, to examine how they developed their own strategies for economic survival in the conditions of chronic underfunding from city budgets and strict ideological control. It focuses on survival strategies and economic initiatives to address the lack of funding for parks and explores commercialization mechanisms using the example of recreation and leisure parks in Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm. These mechanisms include organizing paid services and events, developing a network of shopping pavilions, restaurants, and attractions, and establishing subsidiary industries, such as workshops and advertising bureaus to fulfill third-party orders.

The article reconstructs the conflict between party attitudes and economic feasibility, analyzing how the park administration addressed the challenge of survival in the face of bureaucratic regulation, unstable demand, and seasonal income. Severe conditions led both to legal initiatives and “shady practices”, such as ticket fraud, abuses in the catering system, and financial misconduct. The commercial activities of recreation and leisure parks have become an integral part of their operation, gradually transforming the rigid ideological “framework” of their activities into spaces for ideological education, private life, and leisure for citizens.

Keywords: Soviet leisure, recreation and leisure park, pragmatism, leisure economy, commercialization of leisure, economic activities of parks.

References

1. Ryabova S.A. Uveselitel'nye sady v sotsiokul'turnom prostranstve gorodov Rossii v kontse XIX – nachale KhKh veka [Pleasure Gardens in the Socio-Cultural Space of Russian Cities in the Late 19th – Early 20th Century]: dis. ... kand. ist. nauk. – Moscow, 2016. 304 p.
2. Semenova E.Y. Okhrana gorodskogo landshafta v usloviyakh revolyutsionnogo 1917 g.: problemy i puti ikh resheniya (na primere g. Samara) [Protection of the Urban Landscape in the Conditions of the Revolutionary 1917: Problems and Ways to Solve them (on the Example of Samara)] // *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2020. T. 9, № 2 (31). P. 188–193.
3. Palii L.V. Rol' Publichnykh sadov i skverov v sotsiokul'turnoi povsednevnosti rossiiskogo provintsial'nogo goroda XIX – nachala XX v. (na materialakh g. Kurska) [The Role of Public Gardens and Squares in the Socio-Cultural Everyday Life of a Russian Provincial City in the 19th and Early 20th Centuries (Based on Materials from Kursk)] // *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 3 (51). P. 46–51.
4. Romanov R.N. Gorodskie parki v Sibiri kak mesta otdykha i razvlechenii vo vtoroi polovine XIX v. – nachale XX v [Urban Parks in Siberia as Places of Recreation and Entertainment in the Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century] // *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 1 (24). P. 39–44.
5. Kochukhova E.S., Rabinovich E.I. “Kul'turno-politicheskii kombinat” pod otkrytym небом: tsentral'nyi park 1930-kh vs klubnye sady 1920-kh. Sluchai Sverdlovsk [“Cultural and Political Combine” in the Open Air: the Central Park of the 1930s vs the Club Gardens of the 1920s. The Sverdlovsk Case] // *Labyrinth. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2015. № 2. P. 6–18.

6. Khan-Magomedov S.O. Arkhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn. Kn. 1. Problemy formoobrazovaniya. Mastera i tehnika [Architecture of the Soviet Avant-Garde. In 2 b. B. 1. Problems of Shaping. Masters and Techniques]. Moscow: Stroiizdat, 1996. 715 p.
7. Sidorchuk I.V., Tsimmerman E.A. Sovetskii gorod epokhi nipa kak prostranstvo dosuga [The Soviet City of the NEP Era as a Leisure Space] // *Rossiia v global'nom mire*. 2023. T. 26, № 4. P. 117–135.
8. Golubeva E.P. Printsipy formirovaniya arkhitektury rekreatsionno-dosugovykh kompleksov [Principles of the Formation of Architecture of Recreational and Leisure Complexes]: dis. ... kand. arkhitektury. Nizhnii Novgorod, 2006. 195 p.
9. Barysheva E.V. “Fabrika peredelki soznaniia”: simbolika sovetskikh parkov kul'tury i otdykha v reprezentatsii vlasti 1920–1930-kh gg. [“Factory of Remaking Consciousness”: the Symbolism of Soviet Parks of Culture and Recreation in the Representation of Power in the 1920s and 1930s] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 2016. T. 18. № 1 (148). P. 9–25.
10. Kukher K. Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epokhu. 1928–1941 [Gorky Park. Leisure Culture in the Stalin Era. 1928–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2012. 350 p.
11. Ugrehelidze E.A. K voprosu o sozdaniі Tsentral'nogo parka kul'tury i otdykha im. M. Gor'kogo: istoriko-sotsiologicheskii aspekt [On the Creation of the Gorky Central Park of Culture and Recreation: Historical and Sociological Aspect] // *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2018. № 3 (13). P. 84–91.
12. Fan I.B. Otnoshenie k cheloveku v ofitsial'noi sovetskoi politicheskoi kul'ture kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh gg.: konstruirovaniye geroya i mobilizatsiya mass [The Attitude Towards Man in the Official Soviet Political Culture of the Late 1920s – Early 1950s: Constructing a Hero and Mobilizing the Masses] // *Diskurs-Pi*. 2022. T. 19. № 4. P. 30–47.
13. Kur-Korolev K. Novyi chelovek ili sotsial'naya inzheneriya pri stalinizme: nekrolog po mestam o novom cheloveke [A New Man or Social Engineering under Stalinism: an Obituary in Places about a New Man] // *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow: ROSSPEN: The Boris Yeltsin Foundation, 2011. P. 372–377.
14. Shaw C. A Fairground for “Building the New Man” Gorky Park as a Site of Soviet Acculturation. *Urban History*. 2011. P. 324–344.
15. Siegelbaum L.H. Soviet State and Society between Revolutions, 1918–1929. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 284 p.
16. Petrone K. Life has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington (Ind.); Indianapolis: Indiana univ. press, Cop. 2000. 266 p.
17. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm: Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod [Everyday Stalinism: Social. The Historical Council. Russia in the 30s: the City]; per. s angl. yaz. L.Y. Pantinoi. Moscow: ROSSPEN, 2001. 332 p.
18. Strokova N.P. Parki [Parks] // *Chelyabinsk: entsiklopediya*; sost.: V.S. Bozhe, V.A. Chernozemtsev. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2001. P. 606.
19. Orshulevich P.M. Tsentral'nyi park kul'tury i otdykha [Central Park of Culture and Recreation] // *Chelyabinsk: entsiklopediya*; sost.: V.S. Bozhe, V.A. Chernozemtsev. Chelyabinsk: Kamennyy poyas, 2001. P. 927.
20. Verkholtantsev V.S. Gorod Perm, ego proshloe i nastoyashchee: (kratkii istoriko-statisticheskii ocherk) [Gorod Perm, its Past and Present: (a Brief Historical and Statistical Essay)]. Perm': Electrophotography of the Provincial Zemstvo, 1913. P. 186–187.
21. Speshilova E.A. Staraya Perm: Doma. Ulitsy. Lyudi. 1723–1917 [Old Perm: Houses. Streets. People. 1723–1917]. Perm: Cursive, 1999. P. 383–387.
22. Sverdlovsk: stroitel'stvo i arkhitektura [Sverdlovsk: Construction and Architecture] / N.S. Alferov [i dr.]. Moskva: Stroiizdat, 1980. P. 138–139.
23. Rabinovich E.I. Tsentral'nyi park kul'tury i otdykha im. V. Mayakovskogo. adres Ekaterinburg, ul. Michurina, d. 230 gody stroitel'stva 1930-e, arkhitektory A. Dukel'skii i V. Sokolov [Central Park of Culture and Recreation Named after V. Mayakovsky. Address Yekaterinburg, Michurina St., 230 Years of Construction 1930s, Architects A. Dukelsky and V. Sokolov]. Ekaterinburg, 2019. P. 981–1092.
24. Agunikyan N.T., Grishina N.V. Tsentral'nyi park kul'tury i otdykha goroda Chelyabinska: proekt – obsuzhdenie – voploshchenie (1930-e gg.) [Central Park of Culture and Recreation of the City of Chelyabinsk: Project – Discussion – Construction (1930s)] // *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: materialy chetvertoi Vserossiiskoy. nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, 2021. P. 306–309.
25. Frederiksen M., Knudsen I. Ethnographies of Grey Zones in Eastern Europe: Borders, Relations and Invisibilities. 2015. 205 p.
26. Ledeneva A.V. Russia's Economy of Favours: “Blat”, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 235 p.

27. Osokina E.A. Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": Rasprezhenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Behind the Facade of "Stalin's Abundance": Distribution and Market in the Supply of the Population During the Years of Industrialization. 1927–1941]. 2-e izd. dop. Moscow: ROSSPEN: The Boris Yeltsin Foundation, 2008. 351 p.
28. Leбина N. Passazhiry kolbasnogo poezda: Etyudy k kartine byta rossiiskogo goroda: 1917–1991 [Passengers of the Sausage Train: Studies on the Everyday Life of a Russian City: 1917–1991]. Moscow: New Literature Review, 2019. 584 p.
29. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkley, 1997. 639 p.
30. Osokina E.A. O social'nom immunitete, ili kriticheskiy vzglyad na koncepciyu passivnogo (povsednevnogo) soprotivleniya [On Social Immunity, or a Critical Look at the Concept of Passive (Everyday) Resistance] // *Istoriya stalinizma: itogi i problemy izucheniya*. M., 2011. P. 387–406.
31. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk Region (SASR)]. F. R-2709. Op. 1. D. 1.
32. 50 000 trudyashchikhsya v PKiO [50000 Workers in the PCaR] // *Ural'skii rabochii*. 1937. № 134.
33. Zavtra otkryvaetsya Sverdlovskiy park kul'tury i otdyha [The Sverdlovsk Park of Culture and Recreation Opens Tomorrow] // *Ural'skiy rabochiy*. 1933. № 139. 17 iyunya.
34. MacFadyen D. Red Stars: Personality and the Soviet Popular Song. Montreal & Kingston, 2001. 331 p.
35. Leбина N.B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1950-h godov [Daily Life of the Soviet City: Norms and Anomalies of the 1920s and 1950s]. Saint Petersburg: D. Bulanin, 1999. 316 p.
36. Obyedinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (USACR)]. F. R-485. Op. 5. D. 39.
37. Gorod otdykhaet [The City is Resting] // *Chelyabinskii rabochii*. 1936. № 120. 26 maya.
38. Leбина N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow: New Literature Review, 2015. 537 p.
39. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (CDEPO) [Documentation Center for Public Organizations of the Sverdlovsk Region (DCPOSr)] F. 4. Op. 14. D. 83.
40. GASO [SASR]. F. R-2709. Op. 1. D. 1.
41. GASO [SASR]. F. R-2709. Op. 1. D. 23.
42. Obyavlenie [Announcement] // *Zvezda*. 1931. № 134. 17 iyunya.
43. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK) [The State Archive of the Perm Region (SAPR)]. F. R-1010. Op. 1. D. 34.
44. GAPK [SAPR]. F. R-1010. Op. 1. D. 7.
45. Kulyapin A.I., Skubach O.A. Mifologiya sovetskoy povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoy yepohi [Mythology of Soviet Everyday Life in Literature and Culture of the Stalin era]; otv. red. I.V. Silant'ev. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013. 239 p.
46. Barysheva E.V. Mir idealov sovetskogo prazdnika (k voprosu konstruirovaniya social'noy real'nosti) [The World of Ideals of the Soviet Holiday (on the Issue of Constructing Social Reality)] // *1917 g v Rossii: socialisticheskaya ideya, revolyucionnaya mifologiya i praktika: sbornik nauchnykh trudov*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2016. P. 221–229.
47. Nikonova O.Y. Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoi provintsii (1927–1941 gg.) [Education of Patriots: Osoaviakhim and Military Training of the Population in the Ural Province (1927–1941)]; monografiya. M.: New Chronograph, 2010. 440 p.
48. Kross imeni tovarishcha Shvernika [Cross Named after Comrade Shvernik] // *Krasnyi sport*. 1934. № 20. 12 aprelya.
49. Na vozdukh, v park! [To the Air, to the Park!] // *Chelyabinskii rabochii*. 1934. № 88. 20 maya.
50. Organizovuyaetsya fizkul'turnyi gorodok v parke [A Sports Camp is Being Organized in the Park] // *Chelyabinskii rabochii*. 1934. № 128. 6 iyulya.
51. Zimnii prazdnik [Winter Holiday] // *Ural'skii rabochii*. 1936. № 30. 6 fevralya.
52. Otdyk pod zalog [Vacation on Bail] // *Chelyabinskii rabochii*. 1936. № 129. 3 iyunya.
53. Park zimoi [Winter Park] // *Ural'skii rabochii*. 1936. № 234. 10 oktyabrya.
54. GASO [SASR]. F. R-2709. Op. 1. D. 1.
55. Egoshin V. Parashyutnaya vyshka [Parachute Tower] // *Zvezda*. 1938. № 164. 17 iyulya.
56. GAPK [SAPR]. F. R-1010. Op. 1. D. 1.
57. GASO [SASR]. F. R-2709. Op. 1. D. 3.
58. GAPK [SAPR]. F. R-1010. Op. 1. D. 3.
59. Zubkova E. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povse-dnevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 229 p.

60. V Parke Kul'tury i Otdyha [In the Park of Culture and Recreation] // *Chelyabinskiy rabochiy*. 1951. № 162. 12 iyulya.
61. GASO [SASR]. F. R-2709. Op. 1. D. 30.
62. Narskiy I. V. Kak partiya narod tancevat' uchila, kak baletmeystery ey pomogali, i chto iz etogo vyshlo: kul'turnaya istoriya sovetskoy tanceval'noy samodeyatel'nosti [How the Party Taught the People to Dance, how the Choreographers Helped her, and what Came of it: Cultural History of Soviet Amateur Dance]. Moscow: New Literature Review, 2018. 751 p.
63. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (PermGASPI) [Perm State Archive of Socio-Political History (PSASPH)]. F. R.-1010. Op. 1. D. 23.
64. "Kommersanty" iz PKiO ["Kommersants" from the PCaR] // *Zvezda*. 1933. № 128. 15 iyunya.
65. Neudachnoe nachalo [An unsuccessful beginning] // *Ural'skii rabochii*. 1935. № 158. 11 iyulya.
66. Vetoshkin E. Sud. Obman pokupatelei [Court. Deception of Buyers] // *Ural'skii rabochii*. 1941. № 135. 11 iyunya.
67. PermGASPI [PSASPH]. F. R.-1010. Op. 1. D. 3.

Nelly T. Agunikyan – Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign History, South Ural State University, Senior Researcher at the Center for Historical and Cultural Heritage in Chelyabinsk (Chelyabinsk), e-mail: golubeva_nelly@mail.ru

Received May 12, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Агуникян, Н. Т. «За кулисами советского досуга»: коммерческая деятельность парков культуры и отдыха в СССР на примере Челябинска, Свердловска и Перми (1930–1950-е гг.) / Н. Т. Агуникян // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 6–16. DOI: 10.14529/ssh260301

FOR CITATION

Agunikyan N. T. "Behind the scenes of Soviet leisure": commercial activities of recreation and leisure parks in the USSR using the example of Chelyabinsk, Sverdlovsk, and Perm (1930s–1950s). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 6–16. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260301

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1920–1930-х гг.: СИМВОЛИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ, РИТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ПРАКТИКИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

Л. А. Грицай

*Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация*

В статье рассматривается многоплановый процесс трансформации представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг., связанный с формированием новых символических моделей, светских ритуалов и устойчивых практик коллективной памяти, возникших на пересечении идеологического атеизма, внецерковных представлений о человеческой природе, позитивистских ориентаций и мифопоэтических структур массового сознания. Благодаря анализу научных трудов, посвященных некрологическому дискурсу, мемориальной политике и механизмам сакрализации революционной жертвы, выявляются ключевые элементы советской танатологической парадигмы, в рамках которой смерть трактовалась как социально значимый акт, открывающий возможность символического бессмертия через включение в пантеон героев и воспроизводство их образов в публичных пространствах, при этом особое внимание уделено взаимосвязи между политической ритуалистикой, визуальными репрезентациями и институциональными нормами, которые формировали нормативные модели переживания смертности. Полученные результаты позволяют уточнить культурно-антропологические основания советского проекта бессмертия и показать, что раннесоветская культура организовывала взаимодействие живых и мертвых как элемент исторического движения к утопическому будущему. Обобщение представленных данных создает основу для дальнейшего изучения механизмов трансформации смерти в условиях идеологически ориентированных культурных систем.

Ключевые слова: смерть, бессмертие, советская культура, танатология, ритуал, память.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что тема смерти и бессмертия является универсальной для любой культурной традиции, однако именно в советской культуре она приобрела новое звучание, связанное с радикальным отказом от религиозной трактовки смертности, провозглашением атеизма и формированием особой системы светских смыслов, в которой смерть рассматривалась как социальный акт и элемент коллективной памяти.

Целью работы является выявление структурных особенностей советских представлений о смерти и бессмертии, а также анализ тех символических моделей, ритуальных форм и коммеморативных практик, которые определяли культурное содержание данного феномена.

Задачи исследования включают в себя рассмотрение научных подходов к изучению танатологических сюжетов, реконструкцию основных элементов официальной мемориальной политики и анализ процессов сакрализации революционной жертвы; объектом исследования является советская культура 1920–1930-х гг., предметом выступают представления о смерти и бессмертии в их символических и практических проявлениях; терминологический аппарат опирается на культурологическое понимание символа, ритуала и памяти как категорий, фиксирующих способы коллектив-

ного осмысления пограничных состояний человеческого существования.

Обзор литературы

В раннесоветской историографии проблема трансформации представлений о смерти и бессмертии трактуется как результат сложного пересечения идеологических, социальных и интеллектуальных факторов, и, следовательно, в научных работах последних десятилетий исследователи выделяют несколько взаимосвязанных аналитических пластов, каждый из которых претендует на объяснение тех смыслов, которые придавались смерти в 1920–1930-е гг. Так, С. Ю. Малышева анализирует формирование раннесоветского «некротизма» как феномена, в котором сосуществовали пафос культа павших и прагматическая утилитаризация смерти, что позволило авторам говорить о специфической танатологичности советской культуры первых десятилетий XX века [1, с. 22–47], тогда как С. А. Еремеева делает акцент на и ритуальном измерении этой трансформации, показывая, что некрополи в центрах столицы и ритуалы массового почитания павших стали материализованными формами «советского пути в бессмертие», порожденными потребностью новой власти легитимировать себя через памятование о жертвах революции и гражданской войны [2, с. 23–34].

Второй аналитический пласт связан с влиянием интеллектуальных течений и философско-науч-

ных идеологом, и в связи с этим примечательно замечание Ж. Бодрийяра о том, что революционная мысль «колебалась между диалектизацией смерти как негативности и рационалистической задачей отменить смерть», что в советском контексте выразилось в одновременном культивировании ожиданий научного преодоления тленности и в разработке ритуалов, придававших смерти функцию политической символики [3, с. 268], а М. Хагемайстер и К. Мерридейл указывают на то, что элементы космистских и позитивистских представлений о возможности технического или научного восстановления жизни циркулировали в культурной среде 1920-х гг. в сильно вульгаризованном виде и выступали скорее как культурно-психологический ресурс, нежели как систематическая философская программа, способная сформировать официальную политику [4, 5].

Третий пласт интерпретаций касается семиотики и риторики смерти, и в этой плоскости Х. Гюнтер и С. Ю. Малышева обращают внимание на роль культа молодости и агиографизации пионерской и революционной героики как ключевого механизма символического бессмертия, то есть бессмертия, понимаемого не как метафизическая жизнь после смерти, а как долговременная интеграция личности в систему коллективной памяти, в которую входят митологизация подвигов, визуализация тел покойных и институционализация памятных мест (мавзолея, стен коммунаров, братских могил) [6, с. 743–784; 1, с. 23]; в рамках этой линии исследования показывают, что бессмертие становилось технологией политической коммуникации, обеспечивавшей преемственность революционного нарратива и легитимацию власти через ритуалы канонизации умерших.

Четвертый аспект, на который указывают ученые, касается прагматической стороны обращения с телом и изменения традиций похорон, и здесь исследователи полагают, что раннесоветские попытки десакрализовать тело (продвижение кремации, пропаганда «рационального» использования могильных пространств) часто были инструментом социального управления, а не результатом чисто идеологического желания разорвать связь с религией [1, с. 30–40].

Пятый блок аналитических наблюдений связан с трансформацией оценки суицида и сдвигом в нормативной семантике смерти: так, В. С. Тяжельникова демонстрирует процесс медиализации и последующей стигматизации самоубийств в 1920-е гг., что отражало не только изменения в научном дискурсе о психическом здоровье, но и политическую потребность партии понимать мотивацию людей, кончающих жизнь самоубийством, переводя этот феномен из разряда потенциального политического акта в разряд девиации или психического расстройства [7, с. 158–173].

Наконец, работы, в которых соотносятся разные уровни анализа, показывают, что советский проект бессмертия выстраивался на пересечении позитивистских ожиданий научного прогресса и потребности в символической сакрализации политического прошлого, и в этом плане В. Юровский, сопоставляя стилистику и функции некрологов в разные периоды советской истории, отмечает их эволюцию от агитационно-мифологической функции в 1917–1920-е гг. к растущей ритуализации и формализации в сталинский период, а затем к бюрократическому обезличиванию позднесоветского некрологического дискурса, что служит важным индикатором того, как изменялись и представления о допустимых формах смерти и о способах достижения бессмертия через память, и институциональные практики [8, с. 127–190].

Таким образом, объединяя позиции данных исследователей, можно констатировать, что в совокупности их работ смерть в советской культуре 1920–1930-х гг. предстает одновременно и как объект прагматической регламентации, и как символический ресурс власти, а бессмертие – как социально и политически конструируемая перспектива продолжения значимости личности в коллективной памяти.

Методы исследования

Методологическую основу составляют культурно-исторический и сравнительно-аналитический методы, позволяющие рассматривать смерть как культурно обусловленный феномен и сопоставлять различные формы ее репрезентации в контексте идеологических, социальных и художественных практик: применение структурно-семиотического метода обосновано необходимостью выявить устойчивые символические модели, закрепленные в советском дискурсе, а обращение к методам исторической антропологии позволяет реконструировать повседневные формы взаимодействия общества с опытом утраты.

Результаты и дискуссия

Рассматривая трансформацию представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг., необходимо исходить из принципиального положения о том, что отношение к смерти в раннем СССР подверглось значительным изменениям, вызванным не только политическими и социальными преобразованиями, но и радикальной попыткой построения нового порядка, который стремился охватить все сферы человеческого существования, включая сферу смертности и сферы, сопряженные с восприятием пределов человеческой жизни.

В этом отношении раннесоветская культура демонстрирует сложное переплетение просветительского, позитивистского и революционно-мифологического начал, на основе которых возник специфический дискурс, совмещающий рационалистические ожидания научной победы над смер-

тью и одновременно сакрализацию героической гибели как высшего проявления служения коллективу и будущему социалистическому обществу. Именно эта двойственность, сформировавшаяся в рамках советской идеологии, задает ключевую рамку анализа, позволяя выявить внутренние механизмы формирования символических моделей смерти, новых ритуальных форм и практик коллективной памяти, которые в совокупности создавали уникальную и ранее не существовавшую в русской культуре конструкцию отношения к человеческой смертности.

Указанные трансформации представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг. не могут быть поняты вне контекста интенсивного научного и мировоззренческого оптимизма первых послереволюционных десятилетий, в рамках которого наука осмыслялась как универсальный инструмент преобразования бытия, способный не только реорганизовать социальные структуры, но и поставить под вопрос фундаментальные пределы человеческого существования, включая конечность жизни. Данный тип сознания формировался не на пустом месте, а опирался на интеллектуальную традицию русского космизма конца XIX – начала XX в., представленного Н. Ф. Федоровым, К. Э. Циолковским и их последователями, для которых смерть трактовалась как исторически преодолимое зло, а человечество мыслилось как активный субъект космической эволюции. Федоровская идея «общего дела», предполагающая реальное физическое воскрешение умерших поколений средствами науки, создавала особую философскую атмосферу, в которой имморталистские проекты начала 1920-х гг. получали теоретическую легитимацию, соединяя материализм, технологический прогресс и эсхатологическую перспективу [9, с. 36].

Именно на этой почве формируется биокосмизм, наиболее радикальный вариант имморталистского проекта, связанный с именем А. Ф. Агиенко, выступавшего под псевдонимом Святогор. В программной статье «Биокосмизм» 1921 г. он провозглашал наступление новой исторической фазы: «Вся предшествующая история... это эпоха смерти и мелких дел. Мы же начинаем великую эру бессмертия и бесконечности» [10, с. 214]. В «Биокосмической поэтике» утверждалось, что «теперь же на повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия», а сама смерть рассматривалась как временное «равновесие натурального порядка», подлежащее разрушению через мобилизацию новых сил [10, с. 218], таким образом, биокосмисты настаивали на возможности «воскрешения мертвых» как восстановления личности «во всей полноте ее духовных и физических сил», подчеркивая при этом антирелигиозный характер своего проекта и объявляя «войну» мистике [10, с. 215].

Данный дискурс не оставался исключительно маргинальным явлением литературно-философской среды, но коррелировал с более широкими научными поисками 1920–1930-х гг., направленными на изучение механизмов старения и разработку методов биологического омоложения. Как отмечает Р. А. Фандо, исследования в области поиска биологически активных веществ, способных воздействовать на процессы старения, получали институциональную поддержку, поскольку научное сообщество исходило из представления о старении как о поддающемся регулированию процессе [11, с. 84], тем самым идея преодоления смерти приобретала квазинаучную легитимность и включалась в пространство государственной идеологии.

Характерным симптомом глубокой укорененности представлений о возможности научного вмешательства в пределы жизни и смерти становится дело В. Ф. Войно-Ясенецкого, известного как святитель Лука. В начале 1930-х гг. следственные органы использовали эпизод, связанный с профессором Михайловским, потерявшим рассудок после смерти сына и предпринявшим попытку оживления ребенка посредством переливания крови, как повод для обвинения Войно-Ясенецкого в противодействии «научному» подходу к восстановлению жизни. Подписав разрешение на церковное погребение по просьбе вдовы, он оказался вовлечен в интерпретацию, согласно которой религиозная позиция препятствовала гипотетическому научному воскрешению. Сам факт подобной логики обвинения свидетельствует о том, что идея преодоления смерти средствами науки воспринималась не как фантазия, а как потенциально реализуемая возможность, вписанная в культурное воображение эпохи [12].

Наряду с радикальными имморталистскими моделями формировалась и иная символическая конструкция, в рамках которой биологическая смерть признавалась неизбежной, но преодолевалась через коллективную память и продолжение дела умершего. Кульминацией данного осмысления стала поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» 1924 г., где утверждается: «Ленин и теперь живет всех живых», а сама смерть трактуется как «величайший коммунист-организатор» [13]. Бессмертие здесь переносится в плоскость исторического действия, воплощенного в партии как носителе коллективной воли и гаранте преемственности революционного проекта.

Экстренные выпуски «Правды» 22–29 января 1924 г., репортажи «Известий» фиксируют сакрализацию образа Ленина и утверждают формулу продолжения его дела, которая становится нормативной моделью интерпретации смерти [14, 15].

Показательно, что аналогичная формула воспроизводится и в некрологах, посвященных рядовым членам партии: «Тебя уже нет, но мы... довершим начатое вместе с тобой дело» (Правда,

28 июля 1924) [14]; «Его дело живет в нас» (Правда, 5 июля 1923) [14]; «Коллективной волей возместим потерю героя» (Правда, 15 июля 1931) [14]. Даже частные извещения о смерти членов ВКП(б), сопровождаемые указанием на «гражданские похороны» (Правда, 18 августа 1930) [14], включались в общую риторику коллективного продолжения и символического бессмертия. Таким образом, смерть становилась моментом мобилизации и подтверждения солидарности, а индивидуальная утрата интегрировалась в коллективный миф.

Одновременно с этим формировалась новая модель гражданских похорон, вытеснявшая церковный обряд и утверждавшая светскую сакральность революционного подвига: репортажи «Известий» о «красных похоронах» 1920-х гг. фиксируют стандартизацию ритуала, включавшего траурные митинги, партийные речи, клятвы продолжить борьбу. Смерть за революцию героизировалась и представлялась высшей формой служения, что подтверждается политическими некрологами в «Правде» 1930-х гг., где подчеркивалось, что «бессмертие – в социалистическом строительстве» (Правда, 3 ноября 1932) [14, 15].

Сами новые гражданские похороны выступали не просто как альтернатива церковному отпеванию, но как сложный символический механизм героизации смерти и включения индивидуального ухода из жизни в пространство коллективного мифа, а сам акт умирания наполнялся политическим и педагогическим смыслом. Как подчеркивал Л. Д. Троцкий, новая власть нуждалась в создании собственных ритуалов, способных заменить религиозные формы и одновременно дисциплинировать и мобилизовать массы, формируя у них «правильное» отношение к жизни и смерти [16, с. 92].

Судя по публикациям центральной и местной прессы 1920-х гг., а также по воспоминаниям современников, гражданские похороны представляли собой тщательно инсценированное действо, в котором сочетались элементы траурной церемонии, политического митинга и коллективного воспитательного акта. Газеты регулярно подчеркивали принципиальный отказ от священника, отпевания, заунывного пения и поминальной трапезы, заменяя их революционной символикой, оркестровой музыкой и публичными речами товарищей умершего, где его биография интерпретировалась через призму революционного подвига. В одном из фольклорных текстов, зафиксированных в 1920-е гг., эта трансформация формулировалась предельно наглядно, что свидетельствует о признании (газета «Смена», 22 апреля 1923) [17].

Практика гражданских похорон включала в себя торжественное шествие на кладбище, где впереди шли музыканты, за ними комсомольцы несли красный гроб, а процессия сопровождалась

революционными песнями, ружейными залпами и развернутыми красными флагами, что подробно описывалось в региональной прессе как образцовый сценарий «красных похорон» [18, с. 96]. Над могилой произносились речи, подчеркивающие, что смерть умершего не является концом, поскольку его жизнь продолжается в общем деле партии и в памяти коллектива, а поминки приобретали характер шумного и одновременно праздничного собрания, где траур сочетался с утверждением победы революции над частной утратой.

Важным элементом новой погребальной культуры становится кремация, активно продвигавшаяся как рациональный, гигиеничный и антирелигиозный способ обращения с телом умершего. Открытие Первого московского Донского крематория 12 января 1927 г., начавшееся с кремации рабочего мытищинской водокачки Ф. Соловьева, широко освещалось в прессе и рассматривалось как символ разрыва с православной традицией [19, с. 7]. В изданиях 1920-х гг. подчеркивалось, что кремировать себя завещали не только «старые большевики», но и рядовые граждане, сознательно выбирающие новый, советский способ погребения [19]. Показательны здесь и дневниковые записи К. И. Чуковского, посетившего крематорий в 1921 г., где он с шокирующей откровенностью фиксирует отсутствие сакральности, демонстративную «оголенность» процесса и циничный тон наблюдателей, обсуждающих физиологию горения трупа [20]. Подобная десакрализация смерти усиливалась и в журнальных очерках, например, в статье Д. Маллори «Огненные похороны», где процесс сжигания описывается в предельно натуралистических деталях, превращая смерть в объект научного и технического наблюдения [21].

Героизация смерти за революцию находила выражение и в особых издательских практиках, включая выпуск сборников некрологов, таких как «Вместо венка на могилу павших» (1922), где гибель участников революционных событий интерпретировалась как жертва, освящающая новый порядок. Некрологи в подобных изданиях подчеркивали не частную трагедию, а вклад умершего в коллективную борьбу, тем самым закрепляя модель символического бессмертия через память и пример [22].

Эта же логика отчетливо проявляется в художественной литературе 1920–1930-х гг., где смерть все чаще осмысливается как элемент коллективного мифа. В стихотворении Э. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932) умирающая девочка отказывается от религиозного символа и отдает честь пионерскому коллективу, а ее смерть сакрализируется через мотив вечного присутствия в памяти товарищей, что отражает принципиально новое понимание бессмертия, которое мыслится не в религиозной, а в социально-коллективной форме, как жизнь в памяти потомков и как продолжение су-

ществования через участие в общем историческом деле. Здесь смерть становится одновременно трагедией и средством конструирования коллективной памяти, то есть событием, уходящим из индивидуальной сферы в сферу коллективно значимого опыта [23].

Сходным образом, но в более сложной и противоречивой форме тема смерти и бессмертия разрабатывается в рассказе А. П. Платонова «Бессмертие» (1936), где смерть предстает не как единичный акт прекращения жизни, а как состояние «мертвения», связанное с утратой смысла, отчуждением и остановкой труда. В платоновском тексте бессмертие мыслится как коллективный процесс, достигаемый через честную работу, взаимную поддержку и включенность в общее дело, тогда как смерть становится угрозой, возникающей там, где человек выпадает из этого процесса [24].

Таким образом, в советской культуре 1920–1930-х гг. сосуществовали и взаимодействовали две основные символические модели: радикальный иммортализм, стремившийся к физическому преодолению смерти средствами науки, и социально ориентированная концепция бессмертия через память и дело, а также их промежуточные варианты: героическая смерть как акт жертвы ради будущего, материализация бессмертия в теле вождя и др. Их сопряжение создавало напряженное поле, в котором смерть одновременно объявлялась злом старого мира и сакрализировалась как высшая форма участия в строительстве нового общества, что и определило специфику ритуальных форм и практик коллективной памяти данного периода (табл. 1).

Таблица 1
Символические модели смерти и бессмертия в советской
культуре 1920–1930-х гг.

Table 1
Symbolic models of death and immortality in Soviet culture
of the 1920s and 1930s

Символическая модель	Краткое содержание
Героическая смерть как акт жертвы ради будущего	Смерть революционера трактуется как высшая форма служения коллективу, что создает основу для формирования канона «достойной» смерти
Бессмертие через социальную значимость	Бессмертие понимается как сохранение имени, деяний и образа героя в официальных нарративах, визуальных репрезентациях и воспитательных практиках
Революционная утопия как преодоление смертности	Смерть осмысливается как временное препятствие на пути к идеальному будущему, в котором человечество достигнет гармонии и коллективного бессмертия
Материализация бессмертия в теле вождя	Сохранение тела Ленина превращается в символ вечности революции, где телесная форма бессмертия служит центром сакрального пространства

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что важнейшим направлением трансформации представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг. стало радикальное переосмысление ритуальных и визуальных практик, в рамках которого смерть фиксировалась как социально значимое событие, подлежащее идеологической интерпретации и включению в механизмы коллективной памяти, что подтверждается как нормативными текстами партийных публицистов, так и материалами периодической печати, фотодокументами и художественными произведениями указанного времени.

Раннесоветская эпоха характеризуется интенсивной работой с символическим пространством, где смерть становилась инструментом героизации и политической сакрализации, что нашло отражение в массовом тиражировании посмертных образов революционных деятелей в журналах «Красная нива», «Огонек», в газете «Правда», публиковавших в 1919–1921 гг. фотографии погибших или умерших руководителей, представленных на смертном одре как фигуры исторического масштаба, тем самым визуальный ряд закреплял переход индивидуального существования в сферу коллективной истории, о чем свидетельствуют и исследования некротематики советской культуры [14, 15]. Подобная практика сопровождалась выпуском открыток с изображением В. И. Ленина и созданием архитектурной модели Мавзолея, окончательно оформленной в 1924 г., где материальная фиксация тела вождя становилась зримым воплощением идеи исторического бессмертия. Места захоронений, прежде всего братские могилы борцов революции, превращались в ритуальные центры, где проводились демонстрации и памятные мероприятия, регулярно освещавшиеся в «Известиях» и региональной прессе, что формировало новый мемориальный ландшафт, отличающийся от до-революционной поминальной традиции своей политической направленностью и включенностью в праздничный календарь.

Параллельно осуществлялась институциональная трансформация похоронного дела, включая продвижение кремации как рациональной и антирелигиозной практики, что отражено в публикациях 1920-х гг. о деятельности Донского крематория и в публицистике журнала «Безбожник», где огненное погребение интерпретировалось как гигиенически оправданный и идеологически корректный способ обращения с телом умершего [25].

Наконец, существенную роль играли риторические формы конструирования смерти, прежде всего партийные некрологи, публиковавшиеся в «Правде» и иных изданиях, где биография умершего выстраивалась как звено революционной судьбы, а его смерть представлялась вкладом в общее дело [14], и тем самым

формировалась устойчивая модель коллективного бессмертия, основанная на памяти, идеологической преемственности и символическом продолжении жизни в рамках социалистического проекта.

Таблица 2
Новые ритуальные формы, возникшие в советской культуре 1920–1930-х гг.

New ritual forms that emerged in Soviet culture in the 1920s and 1930s	
Ритуальная форма	Характеристика
Гражданская панихида светского типа	Заменяет религиозное отпевание, включает в себя коллективные прощания, политические речи, участие партийных организаций
Публичные похороны героев и партийных лидеров	Становятся инструментом формирования политической мифологии и консолидации сообщества вокруг образов жертвенности
Возведение мемориальных архитектурных объектов	Мавзолеи, братские могилы, памятники, аллеи героев создают новую пространственную структуру сакральности
Стандартизированный политический некролог	Фиксирует статус умершего, задает образец допустимого отношения к смерти и ее интерпретации
Коллективные ритуалы памяти в школах и трудовых коллективах	Чтение биографий героев, проведение памятных дат, создание уголков боевой и трудовой славы

На фоне описанных ритуальных преобразований возникает важный вопрос о том, какое понимание бессмертия формировалось в советской культуре. В отличие от христианской традиции, советская модель бессмертия не опиралась на трансцендентные категории, она не мыслила продолжение существования в загробном мире, не возводила смерть в ранг перехода к иному духовному состоянию, вместо этого бессмертие определялось через включенность личности в пространство коллективной памяти, через проживание жизни как служения общему делу. Таким образом, бессмертие становилось не индивидуальной метафизической перспективой, а формой социальной легитимации: герой оставался живым в том смысле, в каком его образ продолжал функционировать в структуре общественного сознания. Именно это позволяет говорить о формировании специфической модели социально-символического бессмертия, в которой тело умирает, но имя и подвиг личности продолжают существование в истории, в ритуалах и в визуальных образах.

Формирование подобной модели было обусловлено не только идеологическими задачами, но и культурными процессами, происходившими в обществе. Мотив героической смерти, восходящий как к революционной мифологии начала XX в., так и к культам павших в гражданскую войну, интегрировался в советскую символику, формируя образ героя-жертвы.

Таблица 3
Практики коллективной памяти в раннесоветской культуре

Table 3

Collective memory practices in Early Soviet Culture	
Практика	Содержание
Официальная канонизация героев	Создание устойчивого пантеона лиц, чьи биографии становятся основой для государственной идентичности
Музеефикация революционного прошлого	Формирование экспозиций, закрепляющих героическую интерпретацию событий, связанных со смертью
Коммеморативные практики в городском пространстве	Переименование улиц, создание мемориальных зон, внедрение символов героизма в структуру повседневности
Печатная фиксация памяти	Журналы, агитационные материалы и некрологи закрепляют нормативный образ смерти и бессмертия
Инкорпорация памяти в воспитательные и образовательные программы	Формирование идеала гражданина через обращение к фигурам павших героев, что создает непрерывность поколений

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что раннесоветская культура создала сложную систему обращения со смертью, в которой соединялись рационалистические ожидания научного прогресса, мифологические структуры революционного сознания, коллективистские модели памяти и институциональные практики, эта система обеспечивала устойчивость и транслируемость советских представлений о бессмертии, основанных на идее продолжения жизни в памяти общества и на символике героического подвига.

Рассматривая эволюцию представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг., следует отметить, что переход от периода раннего революционного энтузиазма к эпохе институциональной консолидации власти сопровождался переопределением культурных кодов, через которые осмыслялась смерть, поскольку именно в это время происходила стабилизация символических структур и формирование нормативного канона памяти. Если в первой половине 1920-х гг. доминировала установка на прорыв к «новому бытию», где смерть интерпретировалась как жертва во имя коллективного будущего, то к концу десятилетия усиливается тенденция к регламентации и бюрократическому управлению символическими ресурсами, что зафиксировано в исследованиях С. Ю. Малышевой, В. Юровского, Т. Ю. Щетковой [1, 8, 26].

Как отмечает С. Ю. Малышева, героическая смерть, составлявшая ядро раннесоветского танатологического мифа, постепенно утрачивает статус универсального образца и начинает функционировать как привилегия ограниченного круга лиц, чья биография признается государством исторически значимой, при этом культ жертвенности сохраняется, но перераспределяется в рамках офи-

циального пантеона [1, с. 108]. Таким образом, происходит переход от массовой модели героизации к вертикально организованной системе символического бессмертия, где право на память определяется институциональными механизмами.

Анализ В. Юровского показывает, что в 1930-е гг. политический некролог утрачивает прежнюю экспрессивность и превращается в стандартизированный текст, фиксирующий статус умершего и воспроизводящий нормативную модель скорби, что свидетельствует о смещении акцента с утопической риторики жертвы к формализованному языку государственной памяти [8, с. 174]. Одновременно, как подчеркивает Н. Б. Лебина, в советской культуре продолжают функционировать элементы архаического восприятия смерти, связанные с представлением о «правильном» завершении жизненного пути и сакрализованном статусе героя, что указывает на сохранение глубинных культурных стереотипов в условиях идеологической модернизации [27, с. 122].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что трансформация представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг. представляет собой многослойный и динамичный процесс, в котором пересекались различные культурные, философские и социальные дискурсы: советская культура создала собственный вариант «светской сакральности», основанный на идеях жертвенности, коллективного долга, исторического предназначения и возможности достижения социального бессмертия через включение в пантеон революционных героев. Этому способствовали появление новых ритуальных форм, отказ от религиозной обрядности, стандартизация некрологического дискурса и создание мемориальных пространств, которые формировали для граждан модель нормативного переживания смерти и памяти.

Важным оказалось сочетание рационалистических и утопических элементов: с одной стороны, смерть подлежала бюрократическому контролю, регламенту и ритуализации, с другой стороны, сохранялись идеи преодоления конечности человеческой жизни через коллективную память, через материальное бессмертие в архитектуре и культовых объектах. В результате советская культура сформировала целостный комплекс символических моделей, ритуальных форм и практик коллективной памяти, которые создавали уникальный культурный код, определявший отношение к смерти как к явлению не индивидуальному, а социально включенному в общую траекторию исторического развития.

Выводы

Проведенное исследование показало, что трансформация представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг. была связана с формированием комплексной симво-

лической системы, в которой смерть интерпретировалась как акт жертвенности и элемент социального служения, а бессмертие понималось как включенность личности в структуру исторической миссии: советская культура создала особый набор ритуальных форм, направленных на воспроизводство образов героев и закрепление их присутствия в публичном пространстве, что обеспечивало устойчивость идеологического пространства государства и способствовало формированию новой модели коллективной памяти. Полученные результаты подтверждают, что советская танатологическая парадигма сочетала рационалистические и мифологические элементы, создавая уникальный способ культурного преодоления смертности.

Литература

1. Малышева, С. Ю. Красный Танатос: некроримовизм советской культуры / С. Ю. Малышева // Археология русской смерти. – 2016. – № 2. – С. 22–47.
2. Еремеева, С. А. «В вихре великом не сгинут бесследно»: новая смерть для борцов за новую жизнь / С. А. Еремеева // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2014. – № 4 (4). – С. 23–34.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С. Н. Зенкина. – 3-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2009. – 389 с.
4. Hagemester, M. Russian Cosmism in the 1920s and Today / M. Hagemester // The Occult in Russian and Soviet Culture; ed. B. G. Rosenthal. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. – P. 199–219.
5. Merridale, C. Night of Stone: Death and Memory in Twentieth Century Russia / C. Merridale. – London: Viking (Penguin), 2001. – 402 p.
6. Гюнтер, Х. Архетипы советской культуры / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон: сборник статей; под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 743–784.
7. Тяжельникова, В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы / В. С. Тяжельникова // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 158–173.
8. Юровский, В. Структура и стиль советского политического некролога 30-х–80-х годов / В. Юровский // Der Tod in der Propaganda: Sowjetunion und Volksrepublik Polen; под ред. D. Weiss. – Bern: Peter Lang, 2000. – S. 127–190.
9. Грицков, Ю. В. Проблема совершенства и бессмертия в философии русского космизма / Ю. В. Грицков, Т. А. Феньвеш, Е. Ю. Забелина // Философия и культура. – 2018. – № 3. – С. 34–41.
10. Агиенко, А. Ф. Поэтика. Биокосмизм. (А)теология / Святогор; сост., подгот. текста и примеч. Е. Кучинова. – М.: Common place, 2017. – 278 с.
11. Фандо, Р. А. В поисках эликсира вечной молодости: советская рецепция открытий фран-

цуских ученых / Р. А. Фандо // Историко-биологические исследования. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 83–95.

12. Лука (Войно-Ясенецкий, В. Ф.). Я полюбил страдание : автобиография / святитель Лука Крымский. – М. : Сибирская Благовонница, 2020. – 155 с.

13. Маяковский, В. В. Владимир Ильич Ленин : поэма / В. В. Маяковский. – Л. ; М. : Госиздат, 1925. – 95 с.

14. Правда : газета. Политические некрологи лидеров и активистов. – URL: <https://marxism-leninism.info/paper/pravda-1> (дата обращения: 31.10.2025).

15. Известия : газета. Репортажи с похорон В. И. Ленина и материалы о «красных похоронах» 1920-х гг. – URL: <https://rusneb.ru/> (дата обращения: 31.10.2025).

16. Троцкий, Л. Д. Вопросы быта: эпоха культурничества и ее задачи / Л. Д. Троцкий. – М. : Красная Новь, 1923. – 161 с.

17. Новые коммунистические похороны // Смена. – 1923. – 22 апреля. – С. 2.

18. Соколова, А. Д. «Смерть отброшенная»: десемантизация смерти и новое понимание человека в раннем СССР / А. Д. Соколова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2022. – № 1 (56). – С. 235–243.

19. Бартель, Г. Кремация / Г. Бартель ; под ред. Ф. Я. Лаврова. – М. : М. К. Х., 1925. – 95 с.

20. Чуковский, К. И. Дневник. 1901–1921 / К. И. Чуковский. – М. : АСТ, 2018. – 653 с.

21. Маллори, Д. Огненные похороны / Д. Маллори // Огонек. – 1927. – 11 дек. – № 50. – С. 18.

22. Вместо венка на могилу павших : сборник, посвященный памяти павших на защите подступов Красного Петрограда от белых банд 18 октября – 5 ноября 1919 г. – Шлиссельбург : Коллектив Рос. ком. партии (б.), 1922. – 57 с.

23. Багрицкий, Э. Г. Смерть пионерки: поэма / Э. Г. Багрицкий. – М. : Мол. гвардия, 1961. – 28 с.

24. Платонов, А. Бессмертие / А. Платонов // Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Рассказы. – М. : Вагриус, 2000. – С. 150–167.

25. Безбожник : ежемес. журн. Центр. и Моск. обл. советов Союза воинствующих безбожников. – 1923. – № 3. – М. : Гос. антирелигиозное изд-во, 1923. – 32 с.

26. Щеткова, Т. Ю. Образы восприятия и «исполнения» смерти в русской культуре советского периода / Т. Ю. Щеткова // Человек и общество в нестабильном мире : материалы региональной научно-практической конференции. – Омск : Омская юридическая академия, 2016. – С. 112–116.

27. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – 3-е изд. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 482 с.

Грицай Людмила Александровна – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль), e-mail: usan82@gmail.com. ORCID 0000-0002-3156-4074

Поступила в редакцию 7 декабря 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260302

TRANSFORMING IDEAS ABOUT DEATH AND IMMORTALITY IN THE SOVIET CULTURE OF THE 1920s AND 1930s: SYMBOLIC MODELS, RITUAL FORMS, AND PRACTICES OF COLLECTIVE MEMORY

L. A. Gritsai

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

The article examines the diversified transformation of ideas about death and immortality in Soviet culture during the 1920s and 1930s associated with the emergence of new symbolic models, secular rituals, and sustainable practices of collective memory. These developments arose at the intersection of ideological atheism, non-ecclesiastical ideas about human nature, positivist orientations, and mythopoeic structures in mass consciousness. The analysis of scholarly papers on obituary discourse, memorial policy, and mechanisms of sacralization of revolutionary victims reveals key elements of the Soviet thanatological paradigm. This paradigm interpreted death as a socially significant act that offers the possibility of symbolic immortality through inclusion in the pantheon of heroes and public display of their images. The focus was made on the relationship between political ritualism, visual representations, and institutional norms,

which formed normative models of experiencing mortality. The obtained results allow clarifying the cultural and anthropological foundations of the Soviet immortality project and show that the early Soviet culture organized the interaction between the living and the dead as part of the historical movement towards a utopian future. The generalization of the presented data forms a basis for further research into the mechanisms of death transformation in the context of ideologically-oriented cultural systems.

Keywords: death, immortality, Soviet culture, thanatology, ritual, memory.

References

1. Malysheva S.Y. Krasnyj Tanatos: nekrosimvolizm sovetsoj kul'tury [Red Thanatos: Necro-Symbolism of Soviet Culture] // *Arkheologiya russkoj smerti*. 2016. № 2. P. 22–47.
2. Eremeeva S.A. “V vikhre velikom ne sginut bessledno”: novaya smert' dlya borcov za novuyu zhizn' [“Not to Perish in the Great Whirlwind”: A New Death for Fighters for a New Life] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 2014. № 4 (4). P. 23–34.
3. Bodriyar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic Exchange and Death] / per. s fr. S.N. Zenkina. 3-e izd. Moscow: Dobrosvet, KDU, 2009. 389 p.
4. Hagemeister M. Russian Cosmism in the 1920s and Today // *The Occult in Russian and Soviet Culture*; Rosenthal B.G. (ed.). New York; Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 199–219.
5. Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Twentieth Century Russia. London: Viking (Penguin), 2001. 402 p.
6. Gyunter Kh. Arkhetipy sovetsoj kul'tury [Archetypes of Soviet Culture] // *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statej; pod red. Kh. Gyuntera, E. Dobrenko*. Saint Petersburg: Academic project, 2000. Pp. 743–784.
7. Tyazhel'nikova V.S. Samoubiistva kommunistov v 1920-e gody [Suicides of Communists in the 1920s] // *Otechestvennaya istoriya*. 1998. № 6. P. 158–173.
8. Yurovskii V. Struktura i stil' sovetsoj politicheskogo nekrologa 30-kh – 80-kh godov [Structure and Style of the Soviet Political Obituary of the 1930s–1980s] // *Der Tod in der Propaganda: Sowjetunion und Volksrepublik Polen*; ed. D. Weiss. Bern: Peter Lang, 2000. P. 127–190.
9. Gritskov Y.V., Fen'vesh T.A., Zabelina E.Y. Problema sovershenstva i bessmertiya v filosofii russkogo kosmizma [The Problem of Perfection and Immortality in the Philosophy of Russian Cosmism] // *Filosofiya i kul'tura*. 2018. № 3. P. 34–41.
10. Agienko A.F. Poetika. Biokosmizm. (A)teologiya [Poetics. Biocosmism. (A)Theology] / Svyatogor; comp., ed. by E. Kuchinov. Moscow: Common place, 2017. 278 p.
11. Fando R.A. V poiskakh eliksira vечноj mladosti: sovetsoj retsepsiya otkrytii frantsuzskikh uchenykh [In Search of the Elixir of Eternal Youth: Soviet Reception of Discoveries by French Scientists] // *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2023. Vol. 15. № 4. P. 83–95.
12. Luka (Vojno-Yasenetskii V.F.). Ya polyubil stradanie [I Loved Suffering]: avtobiografiya. Moscow: Siberian Blagozvonitsa, 2020. 155 p.
13. Mayakovskii V.V. Vladimir Il'ich Lenin [Vladimir Ilyich Lenin]: poema. Leningrad; Moscow: State Publishing House, 1925. 95 p.
14. Pravda. Politicheskie nekrologi liderov i aktivistov [Political Obituaries of Leaders and Activists]. URL: <https://marxism-leninism.info/paper/pravda-1> (date of accessed: 31.10.2025).
15. Izvestiya. Reportazhi s pokhoron V.I. Lenina i materialy o “krasnykh pokhoronakh” 1920-kh gg. [Reports on Lenin's Funeral and Materials on “Red Funerals” of the 1920s]. URL: <https://rusneb.ru/> (date of accessed: 31.10.2025).
16. Trotskii L.D. Voprosy byta: epokha kul'turnichestva i ee zadachi [Questions of Everyday Life: The Era of Culturalism and Its Tasks]. Moscow: Krasnaya Nov', 1923. 161 p.
17. Novye kommunisticheskie pokhorony [New Communist Funerals] // *Smena*. 1923. 22 aprelya. P. 2.
18. Sokolova A.D. “Smert' otbroshennaya”: desemantizatsiya smerti i novoe ponimanie cheloveka v ran-nem SSSR [“Discarded Death”: Desemantization of Death and New Understanding of the Human in the Early USSR] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2022. № 1 (56). P. 235–243.
19. Bartel' G. Krematsiya [Cremation] / pod red. F.Y. Lavrova. Moscow: M.Kh., 1925. 95 p.
20. Chukovskij K.I. Dnevnik. 1901–1921 [Diary. 1901–1921]. Moscow: AST, 2018. 653 p.
21. Mallori D. Ognennye pokhorony [Fiery Funerals] // *Ogonek*. 1927. № 50. 11 dekabrya. P. 18.
22. Vmesto venka na mogilu pavshikh [Instead of a Wreath on the Grave of the Fallen]. Shlissel'burg: The staff of the Russian Communist Party (b.), 1922. 57 p.
23. Bagritskii E.G. Smert' pionerki [The Death of a Pioneer Girl]: poema. Moscow: The Young Guard, 1961. 28 p.
24. Platonov A. Bessmertie [Immortality] // *Sobranie sochinenii*. Vol. 2. Moscow: Vagrius, 2000. P. 150–167.

25. Bezbozhnik. Ezhemesyachnyi zhurnal Soyuza voinstvuyushchikh bezbozhnikov [The Godless: Monthly Journal of the Union of Militant Atheists]. 1923. № 3. Moscow: State Anti-religious Publishing House, 1923. 32 p.

26. Shchetkova T.Y. Obrazy vospriyatiya i "ispolneniya" smerti v russkoi kul'ture sovetskogo perioda [Images of the Perception and "Performance" of Death in Soviet Russian Culture] // *Chelovek i obshchestvo v nestabil'nom mire*. Omsk: Omsk Law Academy, 2016. P. 112–116.

27. Leбина N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shому stil'yu [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies: From War Communism to the Great Style]. 3-e izd. Moscow: New Literature Review, 2018. 482 p.

Lyudmila A. Gritsai – D. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogy, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl), e-mail: usan82@gmail.com

Received December 7, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Грицай, Л. А. Трансформация представлений о смерти и бессмертии в советской культуре 1920–1930-х гг.: символические модели, ритуальные формы и практики коллективной памяти / Л. А. Грицай // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 17–26. DOI: 10.14529/ssh260302

FOR CITATION

Gritsai L. A. Transforming ideas about death and immortality in the Soviet culture of the 1920s and 1930s: symbolic models, ritual forms, and practices of collective memory. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 17–26. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260302

**РЕСУРСНАЯ БАЗА СОВХОЗОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1946–1953 гг.****В. П. Мотревич¹, В. Н. Мамяченков²**¹*Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*²*Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

В статье исследованы основные компоненты ресурсной базы советских хозяйств (совхозов) Челябинской области в течение первого послевоенного восьмилетия. Авторы обоснованно полагают, что работа обладает высокой степенью новизны, так как в ней широко использованы материалы фондов двух федеральных архивов и двух региональных архивов. Констатируется, что исследуемый в статье период явился временем восстановления ресурсной базы. Отмечается, что перечень научной литературы по исследуемой проблематике невелик. Утверждается, что в исследуемом периоде материально-техническая составляющая ресурсной базы совхозов значительно возросла количественно и качественно. Выявлено, что эффективность использования совхозной тракторной техники была крайне низкой. Подчеркивается, что жизнедеятельность работников совхозов осложнял острейший дефицит практически всех потребительских товаров. Основной вывод состоит в том, что в исследуемый период, несмотря на огромные трудности, в совхозах Челябинской области неуклонно шел процесс поступательного роста практически всех видов ресурсов. Тем не менее, авторы резюмируют, что и в конце исследуемого периода совхозная жизнь во всех ее аспектах (социальном, экономическом, технологическом) была далека от благополучия.

Ключевые слова: Челябинская область, Великая Отечественная война, совхозы, ресурсная база, послевоенные годы.

Введение

С момента создания советского государства развитие его аграрной сферы происходило в рамках колхозов (коллективных объединений крестьян) и совхозов (советских хозяйств). Из этих двух форм сельского хозяйствования руководству страны наиболее перспективной представлялась совхозная: она по определению считалась более соответствующей социалистическому способу производства. Неудивительно, что именно за советскими хозяйствами виделось будущее всей аграрной сферы страны.

Во всех документах правящей партии утверждалось, что совхозы представляют собой новый тип порождённых социализмом сельскохозяйственных предприятий, которые должны будут существовать вплоть до утверждения коммунистических отношений. Именно в таком тоне о совхозах говорилось в Программе КПСС, где оговаривалось, что они должны показывать образцы передовых методов ведения общественного хозяйства [1, с. 77].

Четырехтомная советская «Экономическая энциклопедия» сообщала, что «Деятельность совхоза строится на сочетании централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятия. Все средства производства и произведённая в совхозе продукция принадлежат государству. Управление совхозом осуществляется по принципу единоначалия. Совхоз работает на основе полного хозрасчёта по плану, под руководством вышестоящего органа (спе-

циализированного треста, управления сельского хозяйства, производственного объединения, Министерства сельского хозяйства), имеет устав, самостоятельный баланс и пользуется правами юридического лица» [2, с. 605].

По мысли идеологов советского строя, совхозы должны были выполнять две основные функции: во-первых, обеспечивать страну достаточным количеством сельскохозяйственной продукции, а во-вторых, своим примером содействовать «социалистическому преобразованию мелкого крестьянского хозяйства». Но процесс создания советских хозяйств шел очень медленно: в 1922 г. в стране насчитывалось всего лишь 4316 небольших совхозов с общей площадью земель 3324 тыс. га, а доля государственного сектора в общем объёме производства сельхозпродукции и через 6 лет – в 1928 г. – составила 1,5 %, и даже в 1937 г. – всего лишь 12,8 % [2]. Кстати, в Челябинской области создание совхозов шло довольно успешно: только за 1929 г. их здесь было создано целых 17 [3]. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война, естественно, ухудшила положение, так как часть совхозов была передана крупным предприятиям для создания на их базе подсобных хозяйств. В результате доля продукции совхозов в первой послевоенной пятилетке составила в целом по стране 9,3 % (опять же на Урале – 11,7 %) [4].

Главной причиной такого замедленного роста, по нашему мнению, была неспособность советской экономики 1920–1940-х гг. обеспечить совхозы достаточным количеством основных и оборотных

фондов, то есть в госсектор попросту не поступали инвестиции. Некоторое оживление происходило только после принятия властями неотложных мер в рамках командно-административной системы, таких, например, как Постановление Февральского (1947 г.) Пленума ЦК партии [5, с. 98–145]. Положение стало кардинально меняться только со второй половины 1950-х гг., когда численность совхозов в СССР стала быстро расти, и в 1980 г. достигла 21,1 тыс., а их удельный вес в валовом сельскохозяйственном производстве – 47,0 % [6, с. 208].

Замышляя данную статью, авторы ставили перед собой в качестве цели рассмотрение ресурсной базы совхозов Челябинской области в течение последних восьми лет так называемого сталинского периода нашей истории. Чтобы обеспечить ее достижение с достаточной степенью убедительности, мы использовали в качестве основной информационной базы материалы четырех российских архивов. При этом практически все эти материалы вводятся нами в научный оборот в первый раз.

В качестве объекта нашего исследования выступают совхозы Челябинской области, а предмета – имеющаяся у них ресурсная база.

Выбор 1946 г. как начала исследуемого нами периода объясняется уже тем фактом, что это был первый год послевоенного восстановления экономики Советского Союза. Последним же годом периода мы обозначили 1953 г., год постепенного отхода страны от командно-административных методов управления обществом и его экономикой.

Как нам представляется, наличие достаточной цифровой и фактологической базы способствовало решению всех поставленных задач.

Обзор литературы

Проведенный нами подробный разбор наличествующей к нашему времени научной литературы по разрабатываемой теме показал, что ее объем не слишком велик. В качестве ее первопроходцев выступили в свое время известные в прошлом историки-аграрники М. Л. Богденко и И. Е. Зеленин [7–8], в монографиях которых были рассмотрены основные моменты возникновения и развития советской совхозной системы. В наши дни некоторые аспекты интересующей нас тематики освещены в монографических трудах уральских историков Р. Р. Хисамудиновой [9] и В. П. Мотревича [10].

Кроме того, в последние годы целый ряд статей, посвященных функционированию советских хозяйств на Урале, опубликовали авторы данной статьи [см.: 11]. Также при создании настоящего труда нами использовалась периодическая печать исследуемого промежутка истории [12], книги-сборники решений органов правящей партии [13], информация различных статсборников, посвящен-

ных аграрной сфере [14], наконец, некоторые сайты сети Интернет [3–4, 15].

Как мы и предполагали, начиная свою работу, иностранные источники по исследуемой теме практически отсутствуют. Мы можем указать разве что на отдельные зарубежные публикации, в которых при желании можно найти некоторые сведения о функционировании совхозов в СССР. Это, например, монография J. L. Smith [16], брошюра A. L. Strong [17] и сборник под редакцией R. C. Stuart [18].

Методы исследования

Определяясь с методами проводимого нами исторического исследования, мы прибегли к традиционным и хорошо известным историкам принципам исторической науки. Это, конечно, прежде всего, классический принцип историзма, в соответствии с которым все общественно-исторические процессы и факты надо исследовать с учетом сложившейся к тому времени исторической ситуации, а также в имеющих место их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Также хорошо известны историкам и два других принципа – объективности и научности. Они, по сути, взаимно дополняют друг друга и служат цели полного и всестороннего раскрытия избранной темы исследования.

Наконец, не были обойдены вниманием и некоторые другие методы собственно исторического характера. Из них самым известным, безусловно, является диалектико-материалистический метод познания социальной жизни, который, как нам представляется, не утратил своего значения и в наши дни.

Результаты и дискуссия

Война нанесла сельскому хозяйству Челябинской области серьезный урон: резко сократился парк наличной техники, почти вдвое – посевные площади хозяйств, ровно вдвое – поголовье скота. На смену ушедшим на фронт мужчинам пришли женщины и подростки: в 1942 г. на работу в машинно-тракторные станции (МТС) пришло четыре тысячи девушек, было организовано более ста тракторных бригад, в которых трудилось восемьсот женщин-трактористок [3].

Первая послевоенная пятилетка (1946–1950 гг.) стала для совхозов Челябинской области, естественно, годами послевоенного восстановления, что наглядно отражено в цифрах, представленных нами в табл. 1–4. Так, по табл. 1 видно, что до 1950 г. количество совхозов в области оставалось неизменным – 41. По мере же последующего увеличения количества совхозов происходил и параллельный рост их общей ресурсной базы, постепенная изменялась и производственно-направленная структура совхозов.

О трудностях послевоенного восстановления говорит хотя бы тот факт, что Челябинская область впервые за многие годы выполнила план

заготовок сельхозпродукции продукции только в 1950 г. При этом основными поставщиками в государственные «закрома» были колхозы, ресурсная база которых была значительно больше совхозной: они засевали 894 тыс. га земли, содержали 185 тыс. голов крупного рогатого скота (КРС) и 87 тыс. свиней. Совхозы же располагали только 328 тыс. га земель, 99 тыс. КРС и 44 тыс. свиней. И это было неудивительно, если принять во внимание, что к 1950 г. колхозов в области было около 900, а совхозов – всего лишь около 50 [15].

В табл. 1 и 2 мы привели цифры, характеризующие размеры общего земельного фонда и посевных площадей совхозов Челябинской области – важнейших составляющих их основных фондов. Первое, что бросается в глаза при рассмотрении вышеуказанных таблиц – это то, что посевные площади составляли в общем земельном фонде хотя и постоянно растущую, но все же далеко не самую значительную долю (в 1946 г. – 9,6, в 1950 – 27,7 и в 1953 – 28,2 %). Остальные земли представляли собой пустоши либо, в лучшем случае, пастбища для скота.

Табл. 1 наглядно демонстрирует, что в исследуемом нами периоде произошел рост: площади земельного фонда – примерно на 5, количества совхозов – на 27, численности работающих – на 66, а стоимости основных фондов – даже на 160 %.

По табл. 2 хорошо видно, как в 1949–1953 гг. резко возросла молочно-мясная направленность южноуральских совхозов – ведь площади посевов кормовых культур в указанные годы возросли почти вчетверо. При этом площади посевов технических культур возросли в три раза, но что касалось других культур (зерновых, картофеля и овощебахчевых), то здесь рост был гораздо менее значителен. В целом же площади посевов с 1946 по 1953 г. возросли примерно в три раза. Таким образом, эффективность использования земельного фонда совхозов в исследуемом периоде значительно возросла.

Что касается *технической* составляющей основных фондов совхозов, то она представлена в табл. 3. По этой таблице несложно подсчитать, что в 1946–1953 гг. количество комбайнов в совхозах Челябинской области возросло примерно в 1,7 раза, тракторов – в 2,9, а грузовых автомобилей – в 3,1.

Но, что гораздо важнее, повысилось качество техники, особенно тракторов – самой, пожалуй, востребованной в сельском хозяйстве машины. Прежде всего резко возросла мощность совхозного тракторного парка: если в 1946 г. этот показатель составлял 15,8 тыс. л. с., то в 1953 – 59,1, то есть увеличился в 3,7 раза. При этом по всему сельскому хозяйству области эта цифра составила только 1,5 раза [10, с. 56, 58].

Таблица 1

Ресурсная база совхозов Челябинской области в 1946–1953 гг. (на начало года)

Table 1

Resource base of state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953 (as of the beginning of the year)

Показатель	Год							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Число совхозов	41	41	41	41	45	53	52	52
Основные фонды ¹	115	134	134	162	221	306	378	414
Земельный ²	1365	1356	1355	1355	1383	1438	1451	1431
Кадры ³	15,3	15,5	16,2	16,2	18,8	23,8	23,3	25,5

¹ Стоимость основных фондов в ценах 1926 / 1927 гг., млн руб.

² Площадь земельного фонда, тыс. га.

³ Среднегодовая численность рабочих и служащих, занятых в основном производстве, тыс. чел.

Составлено по: [19, л. 13; 20, л. 23; 21, л. 38; 22, л. 38; 23, л. 38; 24, л. 34; 25, л. 30; 26, л. 17, 71; 27, л. 30, 33; 28, л. 17; 29, л. 47–48; 30, л. 33].

Таблица 2

Посевные площади в совхозах Челябинской области в 1946–1953 гг., тыс. га

Table 2

Cultivated area on state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953 (thousand hectares)

Виды культур	Год								
	1945 ¹	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Зерновые	107,2	105,4	119,6	161,5	202,3	242,4	279,8	253,0	249,7
Картофель и овощебахчевые	2,5	2,5	1,6	2,1	3,7	4,6	5,7	4,4	5,6
Технические	0,5	0,3	0,6	0,5	0,5	0,7	1,4	1,3	1,5
Кормовые	23,6	23,4	23,8	27,0	39,3	75,9	82,0	117,3	146,4
Всего	133,8	131,6	145,6	191,1	245,8	323,6	368,9	376,0	403,2

¹ Для сравнения.

Составлено по: [19, л. 13; 20, л. 29; 21, л. 35, 47; 22, л. 43; 23, л. 47; 24, л. 39; 25, л. 30; 26, л. 30; 27, л. 33; 28, л. 18; 29, л. 51–52].

Таблица 3

Машинно-тракторный парк в совхозах Челябинской области в 1946–1953 гг.

Table 3

Machine and tractor fleet of state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953

Показатель	Год								
	1945 ¹	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Тракторы, ед.	625	546	628	786	1002	1280	1416	1487	1576
– мощность ²	17,3	15,8	20,4	28,4	37,2	48,5	54,8	57,2	59,1
– выработка ³	341	424	483	545	462	376	392	334	328
– работы ⁴	395	441	606	834	1018	1064	1350	1246	1292
в т. ч. колёсные	359	288	290	286	317	390	н/св	397	н/св
Комбайны, ед.	758	755	891	928	1073	1032	1341	1292	1286
– уборка ⁵	100	102	115	149	204	249	296	269	275
Грузовые автомобили	126	147	227	237	306	425	453	454	458

¹ Для сравнения.

² Мощность тракторного парка, тыс. л. с.

³ Годовая выработка на один условный 15-сильный трактор, га «мягкой» пахоты.

⁴ Объем тракторных работ (годовая выработка), тыс. га «мягкой» пахоты.

⁵ Объем комбайновых работ (годовая выработка), тыс. га.

Составлено по: [19, л. 26; 20, л. 41–46; 21, л. 59; 22, л. 48–56; 23, л. 79–86; 24, л. 11, 14, 54; 25, л. 7, 12, 38, 45; 26, л. 8, 19; 27, л. 36, 65; 28, л. 4, 39; 29, л. 55–56].

Рост мощности происходил не только экстенсивным путем (то есть за счет роста тракторного парка), но и за счет его обновления. Действительно, только в течение двух последних лет четвертой пятилетки (1949–1950 гг.) совхозы Челябинской области получили 630 одних лишь тракторов последней модели С-80, каждый мощностью около 90 л. с.¹ Правда, наряду с этим в совхозы поступали и трактора предельно устаревших конструкций: например, одних только слабосильных тракторов СТЗ-ХТЗ 15/30 мощностью всего около 30 л. с. за те же два года было получено 650 единиц².

Обе вышеупомянутые модели тракторов были скопированы («один в один» с американских моделей, изготовлявшихся по лицензии (СТЗ-ХТЗ 15/30) и поставлявшихся в Советский Союз в годы Второй мировой войны по ленд-лизу (С-80).

Первый «Сталинец-80» (он же С-80) был собран 5 января 1946 г. и пришелся весьма кстати для послевоенного восстановления советской экономики. Он стал следующим по популярности трактором после ДТ-54³, вместе с которым и использовался в народном хозяйстве страны долгие годы. (Кстати, в 1950 г. совхозы Челябинской области получили уже и 61 трактор марки ДТ-54. В этом же году в совхозы стали поступать и пер-

вые гусеничные дизельные тракторы небольшой мощности «Кировец» КД-35.)

Столь быстрый запуск в массовое производство трактора С-80 объяснялся, как уже было сказано, просто: он был в точности скопирован с поставлявшегося в годы войны по ленд-лизу американского трактора Caterpillar D7. Уже в октябре 1945 г. вышло соответствующее Постановление СНК СССР, которое не только утвердило к производству трактор С-80, но даже запретило заводу вносить изменения в конструкцию трактора «Катерпиллер» [31]. Такое несколько необычное задание Совнаркома было в кратчайший срок выполнено коллективом конструкторов Челябинского тракторного завода под руководством известнейшего конструктора советских танков Н. Л. Духова. Данный случай был не первым и не последним случаем копирования иностранной техники: помимо уже упомянутых тракторов СТЗ-ХТЗ 15/30 и С-80, в разное время были «заимствованы» и модель С-60 «Сталинец» (он же американский трактор Caterpillar Sixty), а также первый в СССР пропашной трактор «Универсал» моделей У-1 и У-2 (американская модель «Farmall F-20»).

Наряду с новыми марками тракторной техники в послевоенные годы в совхозы стали поступать и более совершенные образцы автомобильной и комбайновой техники. При этом по той же табл. 3 трудно не заметить, что эффективность использования (другими словами – производительность) у тракторов и комбайнов значительно различалась. Так, если у комбайнов в 1946 г. выработка на единицу техники составила 135 га зерновых, а у тракторов на один условный 15-сильный трактор – 424 га «мягкой» пахоты, то в 1953 г. соответствующие цифры составили 214 и 328 га. По этим цифрам можно сделать вывод, что, если эффективность использования совхозных комбайнов в исследуемом периоде возросла более чем вдвое,

¹ Модель С-80 была скопирована с американского трактора Caterpillar, который в военные годы поставлялся в нашу страну. Всего было собрано более 200 тыс. единиц тракторов данного типа.

² Модель СХТЗ 15/30 была скопирована с американского трактора «McCormick-Deering 15-30» компании «International Harvester». Этот трактор производился с начала 1930-х до 1950-х гг.: всего было собрано примерно 400 тыс. единиц. Трактор оказался необыкновенно «живучим»: даже еще на 1957 г. в совхозах Челябинской области их числилось 434 единицы.

³ Трактор ДТ-54 отечественной разработки выпускался с 1949 до нач. 1960-х гг. Самый массовый трактор в СССР: всего их было выпущено около миллиона только в нашей стране. Кроме того, модель экспортировалась в 36 стран мира. По состоянию на 1957 г. в совхозах Челябинской области имелось 2024 трактора ДТ-54.

то по тракторной технике этот показатель, наоборот, практически вдвое снизился.

Нетрудно догадаться, что за цифрами, относящимися к тракторам, скрываются их массовые простои по самым разным причинам: поломки, отсутствие запасных частей, трактористов и специалистов по обслуживанию техники и т. д. Впрочем, не стоит восхищаться и работой комбайнового парка: за ростом его производительности скорее всего скрывается «эффект низкой базы». Мы не располагаем данными по использованию автотранспорта в совхозах, но можно не сомневаться, что и здесь имелось множество проблем.

Наконец, нельзя не сказать, что в течение исследуемого нами периода изменялась и структура тракторного парка, причем изменялась в сторону преобладания гусеничных тракторов. Если в 1946 г. в совхозах Челябинской области насчитывалось 258 гусеничных и 288 колесных тракторов (соотношение 1:1,12 в пользу колесных), то уже в 1950 г. эти цифры составили соответственно 890 и 390 машин (2,28:1 уже в пользу гусеничных). Данный процесс следует рассматривать в целом как позитивный по той причине, что колесный трактор серьезно повреждает плодородный слой почвы.

Важной составляющей ресурсной базы совхозов было поголовье скота, птицы и пчёл, представленное в табл. 4. По приведенным в ней цифрам можно сделать вывод, что динамика роста поголовья почти всех видов животных была в общем неплохой, а в отдельные годы (например, в 1948 и 1950–1951 гг.) – просто отличной. В целом же с 1946 по 1953 гг. поголовье овец и коз возросло в 1,7; КРС – в 2,3; свиней в 3,9; а птицы – даже в 5,7.

О том, чего стоил такой рост животноводства области, говорят следующие скупые факты, зафиксированные в архивных фондах.

Так, первый послевоенный 1946 г. был для них, с одной стороны, крайне неудачным: ни по одному виду скота планы роста поголовья совхозы не выполнили (сказался высокий падеж и вынужденный прирез из-за нехватки грубых кормов весной упомянутого года). Например, в овцесовхозе «Победа» пало 2453 овцы и было прирезано 570, а в овцесовхозе «Урал» – соответственно 1758 и 213. Всего же в совхозах в 1946 г. пало 10,1 и было прирезано 2,7 тыс. голов скота. Следствием всего этого было (естественно, в долгосрочном периоде) снижение продуктивности и рост себестоимости животноводческой продукции. В краткосрочном же периоде картина была просто благостной: совхозы Челябинской области, сдав государству 14798 ц мяса (в том числе за счет вынужденного приреза), выполнили план даже на 113 % [32, л. 113, 158–160].

И в дальнейшем все шло далеко не так гладко хотя бы потому, что очень многое (как это было всегда в сельском хозяйстве в целом и в животноводстве – в частности) зависело от погодных усло-

вий и наличия кормов. Так, по причине нехватки последних весной 1952 г. в совхозах «Победа» и «Путь Октября» даже была снята солома с крыш животноводческих помещений. В результате – все тот же вынужденный прирез скота, но зато план сдачи мяса в 1951 и 1952 гг. совхозы Челябинской области выполнили соответственно на 106 и 126 %. Цена такого «успеха» – провал соответствующих планов по увеличению поголовья по всем видам скота, а также по поставкам государству молока, шерсти и яиц. Как всегда бывает в таких случаях, были найдены и конкретные виновники: только в 1952 г. за допущенный большой отход молодняка были сняты с работы 5 директоров совхозов, 3 старших зоотехника, 3 старших ветврача и ряд управляющих животноводческими фермами [33, л. 37, 43, 45].

По табл. 4 также нетрудно заметить, что наиболее низкими темпами в совхозах росло поголовье лошадей. Мало того – в конце исследуемого периода оно стало даже снижаться, что, в общем, неудивительно – на смену лошадям приходили «железные кони».

Наконец, по той же табл. 4 видно, с каким трудом в Челябинской области развивалось пчеловодство, также во многом зависящее от погодных условий. Еще одной причиной такого замедления, как нам представляется, могло быть нежелание руководителей совхозов заниматься такой специфической сферой животноводства, как пчеловодство. Поэтому только к концу исследуемого нами периода количество пчелосемей в совхозах наконец-то уверенно превысило аналогичный показатель 1946 г.

Еще одной важной составляющей ресурсной базы совхозов и их основных фондов была недвижимость, то есть прежде всего – здания и сооружения, в том числе жилой фонд. При этом отдельного разговора заслуживают жилищно-бытовые условия работников совхозов, которые трудно назвать даже удовлетворительными. Так, например, жилищный фонд Троицкого зерносовхоза в 1949 г. насчитывал 170 зданий, из них 3 каменных, 66 деревянных и 101 саманных и землянок. При этом на протяжении 1940-х гг. их ремонт не производился. Проживал же в совхозе 2861 человек, а это означало, что обеспеченность даже такой «жилплощадью» составляла 3,6 м² [34, л. 76–78], чему, впрочем, не стоит удивляться, так как в землянках в 1949 г. в области проживало ни много ни мало 1226 семей работников совхозов [35, л. 25].

Но, помимо тяжелейших жилищно-бытовых условий, жизнедеятельность работников совхозов осложнял острейший дефицит практически всех продовольственных и промышленных товаров потребительского характера. Так, на областной профсоюзной конференции директор Челябинского зернотреста Степанов довел до сведения делегатов, что «<...> имеющиеся в совхозах магазины не имеют круп, сахара, посуды. Из-за отсутствия

фонарей сторожа и скотники ходят с факелами» [36, л. 137, 139].

Но, опять же, все познается в сравнении. В одной из наших статей двадцатилетней давности мы уже приводили такую цитату из стенограммы совещания строителей соседней Свердловской области от июня 1946 г.: «...на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-х ярусной системой. При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, а есть еще хуже» [37, л. 16].

Добавим, что в той же Свердловской области даже в 1955 г. более 20 тыс. чел. ютились в 512 бараках и 460 землянках! (! – знак наш. – Авторы), подлежащих немедленному сносу [38, л. 47]. Хуже всего приходилось осужденным, отбывающим наказание: даже на начало 1957 г. в той же Свердловской области полезная площадь на каждого из них составляла всего лишь 1,2–1,5 м² при «норме» 2 м² [39, л. 24, 26].

Что касается людских ресурсов, то архивные фонды содержат следующие цифры: по состоянию на 01.01.1946 г. по данным разработок учётных карточек в совхозах и подсобных хозяйствах Челябинской области числилось 19444 работников, в том числе женщин – 10781 (55,4 %). Среди них агрономов, зоотехников и ИТР – 698 (из них женщин – 112), постоянных рабочих – 12706 (женщин – 7046), сезонных и временных рабочих – 3973 (женщин – 2550) [40, л. 41об].

По состоянию же на 01.01.1951 г. в совхозах Челябинской области числилось 20761 чел., из них 14274 – постоянных работников, 100 учеников, 945 ИТР, 644 служащих, 285 чел. младшего обслуживающего персонала (МОП), 196 работников культурно-бытовых учреждений [41, л. 20–21]. Как видим, за пять лет прирост был небольшим (менее 7 %), несмотря на прошедшую массовую демобилизацию из армии. Основной причиной было то, что в промышленно развитой Челябинской области значительная часть мужского населения деревни традиционно уходила работать на предприятия бурно растущей индустрии.

Таблица 4
Поголовье скота, птицы и пчёл в совхозах Челябинской области в 1946–1953 гг. (на начало года, тыс. голов)

Livestock, poultry, and bee populations on state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953
(at the beginning of the year, thousands of heads)

Виды животных	Год							
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
КРС,	29037	30185	30164	38062	42586	58120	69016	65909
в т. ч. коровы	9139	9253	9712	12109	12918	16791	19479	20782
Свиньи	5653	5336	5135	9549	17045	19437	23139	22314
Овцы и козы	54651	44114	37583	45213	59233	72712	92656	92015
Лошади	8345	9211	9423	10651	11896	13935	15529	14627
Птица	5851	6242	5547	7786	8592	16894	35214	33333
Пчелы (семьи)	2179	1252	1352	1435	1565	2311	1987	2673

Составлено по: [19, л. 23; 20, л. 32–34; 21, л. 50, 53; 23, л. 17, 47, 50; 24, л. 37, 45; 25, л. 36, 39, 45; 26, л. 36; 27, л. 38; 28, л. 26; 29, л. 47–48; 30, л. 12, 24].

В то же время приведенные выше цифры вступают в противоречие с теми, которые мы привели в табл. 1. Дело в том, что в таблице приведены среднегодовые данные, а не «новогодние», то есть на 1 января. Последние же всегда носили минимальный характер, так как в это время в совхозах практически не имелось традиционно большого количества сезонных работников.

Образовательный уровень работников совхозов (как, впрочем, и большинства жителей села) был невысоким даже у руководителей. Например, в 1949 г. из 41 директора совхозов законченное высшее образование имели только 6 человек и незаконченное – 3. Для сравнения скажем, что в МТС показатель уровня образования был выше (все-таки здесь надо было иметь конкретные технические знания): из 76 их директоров высшее образование имели 18 человек, а среднее – 24. Правда, остальные 34 были «практиками». Но вот, например, среди председателей колхозов людей с высшим образованием в то время не было вообще [42, л. 1].

Наконец, можно привести сравнительные цифры по всему Минсельхозу СССР: по состоянию на 01.01.1946 г. по выборке из 189 директоров высшее образование имели 50 человек (в том числе сельскохозяйственное – 34), а среднее – 57. Зато членами правящей партии – КПСС – являлись 173 из них, что и неудивительно: данный показатель всегда был в центре внимания партийных органов всех уровней – от районных до областных включительно [43, л. 39].

Выводы

Исследованный нами в статье послевоенный исторический период был непростым во всех отношениях, в том числе даже для такого глубоко «тылового» региона, как Челябинская область. В советских хозяйствах в эти годы шел процесс послевоенного восстановления своих производительных сил, своей довоенной ресурсной базы.

Приведенные в статье цифры убедительно демонстрируют, с одной стороны, несомненный рост практически всех видов ресурсов совхозов

Южного Урала. Но в то же время эти цифры вкупе с фактологическими материалами свидетельствуют о том, что и в конце исследуемого периода совхозная жизнь во всех ее аспектах (социальном, экономическом, технологическом) была далека от благополучия. Здесь, несомненно, сказывался все тот же «эффект низкой ресурсной базы» челябинских совхозов. Это наглядно проявлялось в таких ее недостатках, как:

- невысокий общий уровень развития. Особо это ощущалось в наличии и состоянии основных фондов, прежде всего – производственной и жилой недвижимости;
- низкая эффективность использования техники, особенно тракторной;
- недостаточный образовательный уровень совхозных кадров, в том числе, руководителей всех звеньев производства.

Литература

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. – М. : Политиздат, 1973. – 144 с. – Т. 8.
2. Экономическая энциклопедия: Политическая экономия : в 4 т. – М. : Сов. энциклопедия, 1972–1980. – Т. 3.
3. Министерство сельского хозяйства Челябинской области / История развития сельского хозяйства на Южном Урале с XVIII в. – URL: <https://agro.gov74.ru/agro/other/more/history.htm> (дата обращения: 02.02.2026).
4. Совхозы. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/sovkhozy-66961a?ysclid=lu2rgvke52309440810> (дата обращения: 02.02.2026).
5. Постановление Февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. – 9-е изд. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 8.
6. Народное хозяйство СССР в 1980 г. – М. : Финансы и статистика, 1981. – 583 с.
7. Богденко, М. Л. Совхозы СССР, 1951–1958 / М. Л. Богденко. – М. : Наука, 1972. – 376 с.
8. Зеленин, И. Е. Совхозы СССР (1941–1950) / И. Е. Зеленин. – М. : Наука, 1969. – 342 с.
9. Хисамутдинова, Р. Р. Аграрная политика государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 г.) / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. – 608 с.
10. Мотревич, В. П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946–1950) / В. П. Мотревич. – Свердловск : УрО АН СССР, 1989. – 52 с.
11. Мотревич, В. П. Рабочие и служащие государственных сельских хозяйств Урала в 1946–1950 гг.: численность, стаж работы, возрастная структура / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 26–34.
12. Правда : Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б).
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) : в 16 т. – 9-е изд. – М. : Политиздат, 1985.
14. Сельское хозяйство СССР : статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1988. – 534 с.
15. Челябинская область / Колхозно-совхозное производство. – URL: <http://chel-portal.ru/enc.agro.gov74.ru/agro/other/more/history.htm> (дата обращения: 02.02.2026).
16. Smith J. L. Works in Progress: Plans and Realities on Soviet Farms, 1930–1963. (Without a year) : Yale University Press. 2014. – 268 p.
17. Strong A.L. Soviet Farmers. – N. J. : National Council of american-soviet friendship, 48 p.
18. The Soviet Rural Economy / ed. by Robert C. Stuart. – Totawa, N. J. : Rowman & Allanheld, 1984. – 326 p.
19. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 59.
20. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 1257.
21. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 1672.
22. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 1869.
23. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 2029.
24. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 2468.
25. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 2983.
26. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 3473.
27. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 3965.
28. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 4579.
29. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 4972.
30. РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 324. – Д. 7168.
31. РУВИКИ – Новая российская Интернет-энциклопедия / Сталинец-80. – URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Сталинец-80?ysclid=mlw79v1q9n122878857> (дата обращения: 02.02.2026).
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 374. – Оп. 7. – Д. 2212.
33. ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 30. – Д. 819.
34. ГАРФ. – Ф. 7489. – Оп. 13. – Д. 200.
35. ГАРФ. – Ф. 7689. – Оп. 13. – Д. 514.
36. ГАРФ. – Ф. 7689. – Оп. 13. – Д. 118.
37. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 138.
38. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 55. – Д. 173.
39. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 57. – Д. 122.
40. ГАРФ. – Ф. 374. – Оп. 7. – Д. 2150.
41. РГАЭ. – Ф. 7803. – Оп. 2. – Д. 1352.
42. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. 485. – Оп. 23. – Д. 237.
43. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 18. – Д. 909.

Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Мамяченков Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственного, муниципального управления и права, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург), e-mail: mamya-chenkov@mail.ru

Поступила в редакцию 4 июня 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260303

THE RESOURCE BASE OF STATE FARMS IN THE CHELYABINSK REGION IN 1946–1953

V. P. Motrevich¹, V. N. Mamyachenkov²

¹*Yakovleva Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation*

²*Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russian Federation*

This article examines the main components of the resource base of Soviet farms (state farms) in the Chelyabinsk region during the first eight years after the war. The authors rightfully believe that their work has a high degree of originality, as it draws extensively on materials from two federal and two regional archives. They note that the period covered in the article was a time of resource base restoration and point out that the list of scholarly literature on this topic is limited. The article argues that during this period, the material and technical component of the state farm resource base increased significantly in quantity and quality and reveals that the efficiency of using tractors in state farms was extremely low. The authors emphasize that the livelihoods of state farm workers were complicated by a severe shortage of almost all consumer goods. They conclude that, despite enormous difficulties, state farms in the Chelyabinsk region saw a steady growth in almost all types of resources during the studied period. However, even at the end of this period, the lives of state farms were far from prosperous in every aspect (social, economic, and technological).

Keywords: Chelyabinsk region; Great Patriotic War; state farms; resource base; post-war years.

References

1. Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. Prinyata XXII s'ezdom KPSS [The Program of the Communist Party of the Soviet Union. Adopted by the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1973. 144 p. T. 8.
2. Ekonomicheskaya enciklopediya: Politicheskaya ekonomiya [The Economic Encyclopedia: Political Economy]: v 4 t. Moscow: Soviet encyclopedia, 1972–1980. T. 3.
3. Ministerstvo sel'skogo hozyaistva Chelyabinskoi oblasti [Ministry of Agriculture of the Chelyabinsk Region] // *Istoriya razvitiya sel'skogo hozyajstva na Yuzhnom Urale s XVIII v.* URL: <https://agro.gov74.ru/agro/other/more/history.htm> (date of accessed: 02.02.2026).
4. Sovhozy. Bol'shaya rossiiskaya enciklopediya [State farms. Great Soviet Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/c/sovkhozy-66961a?ysclid=lu2rgvke52309440810> (date of accessed: 02.02.2026).
5. Postanovlenie Fevral'skogo (1947 g.) Plenuma CK VKP(b) "O merakh pod'yoma sel'skogo hozyajstva v poslevoennyj period" [Resolution of the February (1947) Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks "On measures to boost agriculture in the post-war period"] // *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenimov CK (1898–1986)*: v 16 t. 9-e izd. Moscow: Politizdat, 1985. T. 8.
6. Narodnoe hozyaistvo SSSR v 1980 g. [The National Economy of the USSR in 1980]. Moscow: Finance and Statistics, 1981. 583 p.
7. Bogdenko M.L. Sovhozy SSSR, 1951–1958 [State Farms of the USSR (1941–1950)]. Moscow: Science, 1972. 376 p.
8. Zelenin I.E. Sovhozy SSSR (1941–1950) [State Farms of the USSR, 1951–1958.]. Moscow: Science, 1969. 342 p.

9. Hisamutdinova R. R. Agrarnaya politika gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoi Otechestvennoi voyny (iyun' 1945 – mart 1953 g.) [Agrarian Policy of the State in the Urals after the End of the Great Patriotic War (June 1945–March 1953)]. Orenburg: OGPU Publishing House, 2003. 608 p.
10. Motrevich V.P. Razvitie sel'skogo hozyaistva Urala v pervye poslevoennye gody (1946–1950) [The Development of Agriculture in the Urals in the First Post-War Years (1946–1950)]. Sverdlovsk: UrO AN SSSR, 1989. 52 p.
11. Motrevich V.P., Mamyachenkov V.N. Rabochie i sluzhashchie gosudarstvennykh sel'skikh hozyajstv Urala v 1946–1950 gg.: chislennost', stazh raboty, vozrastnaya struktura [Workers and Employees of State-Owned Rural Farms in the Urals in 1946–1950: Number, Length of Service, Age Structure] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"*. 2025. T. 25, № 1. P. 26–34.
12. Pravda [Truth] : Organ Central'nogo Komiteta i MK VKP (b).
13. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyuciyah i reshe-niyah s'ezdov, konferencii i plenimov CK (1898–1986) [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)]: v 16 t. 9-e izd. Moscow: Politizdat, 1985.
14. Sel'skoe hozyaistvo SSSR [Agriculture of the USSR]: statisticheskii sbornik. Moscow: Finance and Statistics, 1988. 534 p.
15. Chelyabinskaya oblast' [Chelyabinsk region] // *Kolhozno-sovhoznoe proizvodstvo*. URL: <http://chelportal.ru/enc.agro.gov74.ru/agro/other/more/history.htm> (date of accessed: 02.02.2026).
16. Smith J.L. Works in Progress: Plans and Realities on Soviet Farms, 1930–1963. (Without a year): Yale University Press. 2014. 268 p.
17. Strong A.L. Soviet Farmers. N.J.: National Council of american-soviet friendship, 48 p.
18. The Soviet Rural Economy / ed. by Robert C. Stuart. Totawa; N.J.: Rowman & Allanheld, 1984. 326 p.
19. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE) [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. F. 1562. Op. 324. D. 59.
20. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 1257.
21. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 1672.
22. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 1869.
23. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 2029.
24. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 2468.
25. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 2983.
26. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 3473.
27. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 3965.
28. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 4579.
29. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 4972.
30. RGAE [RSAE]. F. 1562. Op. 324. D. 7168.
31. RUVIKI – Novaya rossiiskaya Internet-enciklopediya [RUVIKI – A New Russian Internet Encyclopedia] // *Stalinec-80*. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Stalinec-80?ysclid=mlw79v1q9n122878857> (date of accessed: 02.02.2026).
32. Gosudarstvennyi arhiv Rossiiskoi Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 374. Op. 7. D. 2212.
33. GARF [SARF]. F. 374. Op. 30. D. 819.
34. GARF [SARF]. F. 7489. Op. 13. D. 200.
35. GARF [SARF]. F. 7689. Op. 13. D. 514.
36. Centr dokumentacii obshchestvennykh organizacii Sverdlovskoi oblasti (CDOOSO) [The Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOSR)]. F. 4. Op. 41. D. 138.
37. CDOOSO [CDPOSR]. F. 4. Op. 55. D. 173.
38. CDOOSO [CDPOSR]. F. 4. Op. 57. D. 122.
39. GARF [SARF]. F. 7689. Op. 13. D. 118.
40. GARF [SARF]. F. 374. Op. 7. D. 2150.
41. RGAE [RSAE]. F. 7803. Op. 2. D. 1352.
42. Ob'edinennyj gosudarstvennyj arhiv Chelyabinskoi oblasti (OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO)]. F. 485. Op. 23. D. 237.
43. RGAE [RSAE]. F. 7486. Op. 18. D. 909.

Vladimir P. Motrevich – D. Sc. (History), Professor of the Department of History of State and Law of the Yakovleva Ural State Law University (Ekaterinburg), e-mail: vladimir.motrevich@mail.ru

Vladimir N. Mamyachenkov – D. Sc. (History), Professor of the Department of State and Municipal Administration, Institute of State, Municipal Administration and Law, Ural State Economic University (Ekaterinburg), e-mail: mamyachenkov@mail.ru

Received June 4, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мотревич, В. П. Ресурсная база совхозов Челябинской области в 1946–1953 гг. / В. П. Мотревич, В. Н. Мамяченков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 27–36. DOI: 10.14529/ssh260303

FOR CITATION

Motrevich V. P., Mamyachenkov V. N. The resource base of state farms in the Chelyabinsk region in 1946–1953. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 27–36. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260303

КОНЦЕПЦИЯ «МОСКВА – НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ» В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ XVI–XVIII вв.: ИСТОКИ, СЕМАНТИКА, КОММУНИКАЦИЯ

Л. С. Сальников

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Актуальность исследования обусловлена возросшим в современном российском обществе интересом к традиционным духовным ценностям и историческим основаниям национальной идентичности. Концепция «Москва – Новый Иерусалим», сформировавшаяся в XVI–XVIII вв., сыграла ключевую роль в становлении религиозно-метафизических основ русской культуры. Цель работы – провести комплексный анализ эволюции концепции «Москва – Новый Иерусалим» в русской религиозной культуре XVI–XVIII веков, выявить её богословские, философские и культурные основания, а также определить её место в формировании национальной идентичности. Исследование опирается на коммуникативную теорию исторического процесса П. Б. Уварова и структуралистский подход Ж. Дюмезиля. В качестве источников привлечены памятники русской летописной и богословской литературы XVI–XVIII вв. («Степенная книга», «Лицевой летописный свод», «Никоновская летопись», труды патриарха Никона), а также материалы сакральной архитектуры (Собор Василия Блаженного, Новоиерусалимский и Спасо-Вифанский монастыри). Показано, что концепция «Москва – Новый Иерусалим», основанная на восточно-христианском реализме, в отличие от политикомперской идеологии «Москва – Третий Рим», носила преимущественно религиозно-метафизический характер и допускала множественность земных образов трансцендентной реальности. Выявлена её эволюция от триумфальной сакрализации Москвы как Нового Иерусалима в XVII веке к покаянно-преображающему осмыслению национальной судьбы в XVIII веке. Особое внимание уделено богословской полемике патриарха Никона с Паисием Лигаридом, раскрывающей принципиальное различие между восточным реализмом и западным номинализмом. Концепция «Москва – Новый Иерусалим» стала одним из важнейших механизмов формирования русской национальной идентичности.

Ключевые слова: Москва, религиозцентризм, патриарх Никон, коммуникация, духовный центр.

Введение

В последние годы в российском обществе заметно возрос интерес к традиционным духовным ценностям и историческим основам национальной идентичности. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение концепции «Москва – Новый Иерусалим», определившей религиозно-метафизические основания российского государства в XVI–XVIII вв. и оказавшей глубокое влияние на политическую власть, социальную структуру, иконографию, архитектуру и другие сферы культуры.

Цель исследования – комплексный анализ эволюции концепции «Москва – Новый Иерусалим» в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв., выявление её богословских, философских и культурных оснований.

Задачи исследования включают в себя анализ богословских, философских и культурных оснований концепции; прослеживание эволюции её семантики и символики; изучение форм репрезентации в архитектуре, обрядах, литературе и топонимике; сопоставление концепций «Москва – Новый Иерусалим» и «Москва – Третий Рим»; исследование механизмов вербальной и невербальной религиозноцентристской коммуникации; определение роли данной идеологии в формировании национальной идентичности и культуры России.

Объектом исследования является история русской религиозной культуры XVI–XVIII вв.

Предметом исследования выступает концепция «Москва – Новый Иерусалим» как идеологии, определяющая метафизические основы и механизм формирования российской национальной идентичности.

В работе используются следующие ключевые термины: «идеология» – устойчивая смысловая конструкция, задающая мировоззренческие установки; «религиозцентризм» – отрефлексированный образ действительности, служащий основанием сознательной личной и исторической активности; «вербальная и невербальная коммуникация» – способы передачи и закрепления религиозных смыслов посредством текстов, архитектуры, ритуалов, символов и иных культурных практик.

Обзор литературы

В работе использован проблемный подход к анализу историографии, в которой представлены различные трактовки концепции «Москва – Новый Иерусалим». В дореволюционной историографии второй половины XIX – начала XX в. эта концепция осмыслялась в трудах Георгия Флоровского [1], Владимира Соловьёва [2] и Сергея Булгакова [3], заложивших основу богословского понимания

Иерусалима как духовного центра и предпосылки для сопоставления Москвы с Иерусалимом.

В советский период (1930-е – середина 1980-х гг.) в рамках марксистской парадигмы значительный вклад в изучение соответствующей проблематики внесли Д. С. Лихачёв [4], А. Ф. Лосев [5], С. С. Аверинцев [6] и М. М. Бахтин [7]. Среди исследователей русского зарубежья особое место занимает А. В. Карташев, посвятивший концепции «Москва – Новый Иерусалим» специальные работы [8, 9]. Вопросы архитектурной репрезентации и сакральной топографии разработаны в трудах А. М. Лидова [10], А. Л. Баталова и Т. Н. Вятчиной [11], Д. С. Менделеевой [12], а проблемы невербальной религиозной коммуникации и закрепления сакральных смыслов в общественном сознании – в работах П. А. Сорокина [13] и П. Б. Уварова [14]. Важными источниками для анализа вербальных форм коммуникации выступают памятники русской литературы и летописания XVI–XVIII вв. («Степенная книга» [15], «Лицевой летописный свод» [16], «Никоновская летопись» [17] и богословские сочинения патриарха Никона [18]).

Методы исследования

В основе данного исследования лежит коммуникативная теория исторического процесса, разработанная П. Б. Уваровым [14]. Данный подход позволяет интерпретировать исторические явления дедуктивно – от общих религиозно-метафизических категорий к частным проявлениям. Он основан на понимании религии как абсолютного знания о мире и человеке в традиционном обществе и рассматривает вербальные и невербальные формы коммуникации как основные механизмы закрепления и трансляции сакральных смыслов.

В работе также привлекается структуралистский подход Жоржа Дюмезиля, в соответствии с которым религиозная метафизика формирует систему мифологических архетипов, задающих социальные модели традиционных индоевропейских обществ [19].

Результаты и дискуссия

Концепция «Москва – Новый Иерусалим» занимает центральное место в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв., формируя образ Москвы как земного образа Царствия Небесного.

Данная идеология коренится в Священном Писании и творениях Святых Отцов. Комментируя слова Иоанна Богослова: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба...» (Откр. 21:2) [20], святитель Ириней Лионский в «Против ересей» утверждает, что земной Иерусалим есть образ Небесного Иерусалима, в котором праведные предварительно готовятся к нетлению и спасению [21]. Архимандрит Никифор (Бажанов) понимает Новый Иерусалим как один из образов Царствия Небесного, подчёркивая, что выражение «Иерусалим новый, небесный» (Откр. 21:2) аллегорически обозначает небесное

царство, «царство святых» (Откр. 3:12). Данные толкования близки неоплатонической концепции соотношения идеи (первообраза) и её эманации (истечения) в Откровении святого Макария: «Земные вещи принимай за самое слабое изображение небесных» [22].

Таким образом, концепция «Москва – Новый Иерусалим» отсылает нас не к земному городу, располагающемуся на территории Палестины, а напрямую к Новому Иерусалиму как трансцендентной реальности. Палестинский Иерусалим, будучи сакральным топом, является пространственной иконой и символическим образом Нового Иерусалима, утвердившегося в христианской культуре как метафизический идеал и эсхатологический горизонт.

Как отмечает П. Б. Уваров, в традиционном обществе религия выступает абсолютным знанием (откровением) о мире и человеке. Главная задача такого общества – организовать жизнь (власть, социальную стратификацию, хозяйство, право и поведение) в соответствии с этим «образом действительности», что осуществляется через вербальные (тексты, проповеди) и невербальные (архитектура, топонимы) формы религиозноцентристской коммуникации.

Рассмотрим невербальную форму репрезентации идеологии «Москва – Новый Иерусалим», которая реализовывалась через возведение архитектурных комплексов и реплик святых мест палестинского Иерусалима. Центральным элементом сакрального пространства стал Иерусалимский храм, который, по словам Блаженного Августина, «был образом того града Божьего, где праведники будут пребывать в вечной славе» и указывал на порядок и гармонию небесного царства [23].

В период царствования Иоанна IV в Москве был возведён храм Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (Собор Василия Блаженного). В его составе – одиннадцать приделов, включая церковь Входа Господня в Иерусалим, посвящённую возвращению русского войска после взятия Казани. Собор стал главным литургическим центром празднования Недели вайи, центральным событием которой было Шествие на осли. Этот обряд одновременно воспроизводил евангельский Вход Господень в Иерусалим и символизировал путь Церкви к спасению в Новый Иерусалим после Второго пришествия. Шествие начиналось от Успенского собора, проходило через Фроловские (Золотые) ворота Кремля и завершалось у Входаиерусалимского придела. Патриарх, восседавший на осле, олицетворял Христа, а царь, ведущий его за узду, демонстрировал своё подчинение церкви.

В годы правления Бориса Годунова идея «Москва – Новый Иерусалим» получила дальнейшее развитие. В Московском Кремле было начато строительство храма «Святая Святых». Как отме-

чают А. Л. Баталов и Т. Н. Вятчина, название отражало богословскую концепцию преемственности и преобразования, в рамках которой храм Гроба Господня в Иерусалиме воспринимался как «Святая Святых» Нового Завета, обновляющая ветхозаветный Иерусалимский храм [11]. По замыслу Бориса Годунова Московский Кремль должен был стать репликой храма Гроба Господня. Годунов успел возвести золотую часовню-балдахин в центре Соборной площади, однако проект был прерван Смутой: балдахин разорил Лжедмитрий I, а строительство остановилось.

Наиболее известной пространственной иконой Нового Иерусалима в России стал Новоиерусалимский монастырь под Москвой. Его архитектурный замысел строился на сакральной репрезентации палестинского Иерусалима как образа Царствия Небесного. Центральным элементом ансамбля является Воскресенский собор, воспроизводящий Храм Гроба Господня – символический центр мира, знак победы Христа над смертью и эсхатологического воскресения. Архитектура собора – купола, росписи, Кувуклия – соединяет библейский символизм Нового Иерусалима с традиционными русскими формами. В интерьере воссоздана Голгофа – место погребения Адама, что символически связывает начало и спасительное завершение человеческой истории и показывает, что Москва осмыслялась не только как столица Нового Израиля, но и как символический центр вселенной.

Помимо основного храмового комплекса, символизм Новоиерусалимского монастыря усиливался топографическими ассоциациями: окрестности получили названия палестинских святынь – Елеонская гора, Фавор, Иордан и т. д. Это подчёркивало евангельское значение Крещения Христа и позволяло паломникам ощутить сопричастность к событиям Священного Писания без путешествия на Святую Землю.

Концепция «Москва – Новый Иерусалим» также получила развитие в русской литературе XVI–XVIII вв.

Профессор Калифорнийского университета Гейл Диана Ленхофф отмечает, что в «Степенной Книге», составленной в годы правления Иоанна IV Грозного, Москва осмысляется как «Новый Иерусалим», ее жители – как «богоизбранный народ», а расширение Московского государства – как путь в «Землю Обетованную» [24].

Концепция «Москва – Новый Иерусалим» прослеживается в «Лицевом летописном своде». В описании венчания Иоанна IV на царство митрополит Макарий уподобляется ветхозаветному пророку Самуилу, а сам царь – царю Давиду. В произнесённой молитве Русь представлена как Новый Израиль, а Москва – как Новый Иерусалим, где русский государь получает скипетр и венец «от святого жилища» Божия для праведного суда над народом Божиим и защиты Церкви [16].

Ж. Дюмезиль показывает, что мифология индоевропейских народов воспроизводит универсальные сюжетные структуры, общие для всех индоевропейских обществ, включая традиционное русское [19]. В рамках его «теории трёх функций» фрагмент «Лицевого летописного свода» отражает не только конкретное историческое событие, но и фундаментальную модель отношений духовной и светской власти. В трактате Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии» иерархия определяется как «священный чин, знание и деятельность, по возможности, уподобляющаяся Божественной красоте... и направляющаяся к возможному Богоподражанию» [25]. Й. Хейзинга добавляет, что сословная иерархия выражает не только социальную, но и сакральную структуру общества: каждый уровень стремится к богоуподоблению, а власть воспринимается как дар, восходящий к божественному началу [26].

Анализ «Никоновской летописи» показывает, что в описании казанского похода 1551 года Иоанн Грозный сознательно уподобляется Моисею. Исход израильтян из египетского рабства служит метафорой освобождения Руси от татарского ига: в летописи прямо сказано, что «царь наш великий идёт *«как Моисей»* и *«как Моисей вывел народ свой из рабства египетского, так и царь наш вывел русскую землю из рабства татарского...»* [17]. Казанский поход тем самым предстает как мифологическая репрезентация библейского Исхода, где Иоанн Грозный выступает в роли Моисея, а победа трактуется как божественное избавление и установление Нового Завета. События его царствования в «Лицевом летописном своде» доведены лишь до 1568 года – начала Опричнины и гибели митрополита Филиппа II. Вероятно, это связано с тем, что Иоанн IV перестаёт соответствовать образу благочестивого царя «Давида» и всё более уподобляется «скверному и богомерзкому Саулу» [16].

В период патриаршества Никона концепция «Москва – Новый Иерусалим» нашла выражение не только в архитектуре Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, но и в вербальной форме – в его полемическом трактате «Возражение или разорение», где патриарх подробно ответил на 27 из 30 вопросов Паисия Лигарида и Симеона Стрешнева [27].

В тринадцатом вопросе Паисий Лигарид обвиняет Никона в ереси, самовольном присвоении титула патриарха Иерусалимского, строительстве «Третьего Храма» и подготовке прихода антихриста. Он пишет: Никон придумал *«третий Иерусалим»*, тогда как *«один Иерусалим на земле, а другой на Небесах»* [27]. Опираясь на «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина [28], Лигарид утверждает, что, воспроизводя палестинский Иерусалим на русской земле, Никон кощунствует над святынями и создаёт *«иудейский*

храм», в котором, по пророчеству Иоанна Божьего слова, «будет восседать антихрист», приходящий «не к нам, но к иудеям» и «против Христа и христиан» [19].

По нашему мнению, экзегеза Паисия Лигарида несёт отпечаток западного номинализма, согласно которому универсалии существуют лишь как имена (лат. *nomina*) или ментальные конструкции, а не как реальные первообразы. Для Лигарида Иерусалим – прежде всего конкретное географическое и историческое место, а не вечный духовный первообраз. Данное обстоятельство, вероятно, связано с тем, что Лигарид получил богословское образование и степень доктора в униатской Грекокатолической коллегии святого Афанасия в Риме, где в тот период номинализм являлся ведущим направлением поздней католической схоластики.

В ответ на обвинения Лигарида патриарх Никон приводит обширные доказательства из Священного Писания, Святых Отцов и постановлений Вселенских Соборов: «Покажи мне описание, яко же небеснаго, тако и земнаго, качество и количество» [27], подчёркивая, что если Новый Иерусалим не имеет духовных границ, то их нет и у земного. По мысли Никона, иерусалимлянин – это «кто от Иеросалима изнесенный закон чрез апостолы хранит». Опираясь на слова пророка Исаии – «Из Сиона изыдет закон и слово Господне из Иерусалима» и апостола Павла, он заключает, что истинными иерусалимлянами являются не те, кто родился в Иерусалиме, а те, кто соблюдает исходящий из него закон. «Кто укорит меня в том, что я назвал монастырь Новым Иерусалимом? Разве тот, кто не любит Господа» [27]. Таким образом, принадлежность к Иерусалиму определяется не географией, а верой и исполнением Божьего закона.

В качестве дополнительного аргумента патриарх Никон ссылается на постановления Седьмого Вселенского собора 787 года и слова Василия Великого [29]. Никон напоминает, что Святая Церковь установила в Неделю Православия почитать священные иконы, храмы, сосуды и другие предметы, «якоже и Божественными храмы и священными сосуды... ум к Боговидению» [27], поскольку они возводят ум человека к первообразу. Таким образом, культовые сооружения, церковная утварь, облачения и таинства служат средствами духовного восхождения, «возводят ум к Боговидению» [27].

По нашему мнению, в отличие от экзегезы Паисия Лигарида, отмеченной влиянием западного номинализма, богословский подход патриарха Никона характеризуется восточным реализмом, присутствующим в восточных Отцах Церкви. Никон утверждает, что образ обязательно предполагает реальное существование первообраза: «Разве может быть образ, которого не было бы в действительности? Разве может быть сын без отца?» [27].

Имена святым церквам, монастырям и городам даются от первообразов; они различаются лишь временем и местом. Так, «Иеро» означает святилище или священное, «салим» – мир, а вместе – «священный мир». Поэтому и церковь, и Новый Иерусалим суть «священный мир», поскольку в Церкви человек освящается крещением, миропомазанием и святым елеем [27].

Патриарх Никон утверждает, что образ (тип) не является пустой метафорой, а реально существует и указывает на столь же реальный первообраз. Никон отвергает идею, что «образ» и «действительность» взаимоисключающи: они взаимосвязаны и иерархически соподчинены. В подтверждение Никон приводит примеры: сын есть образ отца, но при этом обладает полноценным реальным бытием; Старый и Новый Рим – оба реальны, хотя различаются временем и местом; наконец, этимология слова «Иерусалим» (Иеро – священное, салим – мир) раскрывает его как «священный мир», применимый как к ветхозаветному городу, так и к Церкви. В отличие от Паисия Лигарида, сводившего понятия к простым именам без трансцендентной реальности, Никон следует традиции восточного реализма: для него образ обладает онтологическим бытием и служит связующим звеном с высшей реальностью, а название «Новый Иерусалим» передает подлинную сущность священного мира, присутствующую в Церкви, в храмовом зодчестве и в Небесном Иерусалиме.

Концепция «Нового Иерусалима» принципиально отличается от идеологии «Москва – Третий Рим», сформулированной монахом Филофеем: «два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [4]. Если идея «Третьего Рима» подчёркивает исключительность Москвы как единственного преемника Римской и Византийской империй, то замысел патриарха Никона, основанный на создании пространственной иконы Небесного Иерусалима, предполагает возможность множества земных «Иерусалимов» – образов икон высшей трансцендентной реальности, а не единственного сакрального центра мира.

Для характеристики идеологии «Москва – Новый Иерусалим» уместно использовать термин «вторичный духовный центр», введённый Р. Геноном [30]. Как отмечает П. Б. Уваров, именно такие «внесистемные» мыслители, свободные от жёстких академических норм, обеспечивают смысловые прорывы и убеждают исследователей учитывать трансцендентный фактор при анализе исторических обществ [14, с. 15]. При абстрагировании от эзотерической части работ Р. Генона этот термин удачно выражает христианскую идею земной реальности как отражения небесной: в христианской традиции «вторичные духовные центры» предстают как множественные земные воплощения трансцендентной реальности в виде множества «Иерусалимов».

Главная задача концепции «Москва – Третий Рим» заключалась в обосновании и укреплении царской власти с помощью апеллирования к Древнему Риму. Не случайно Иоанн IV возводил свою родословную к Октавиану Августу, узурпировавшему жреческий титул Pontifex maximus: «А и римская печать нам не дико: мы от Августа кесаря родством ведемся» [31].

Концепция «Москва – Новый Иерусалим», развиваемая Никоном, напротив, была ориентирована на религиозную миссию – теозис и богоподобие «Святой Руси». Она предполагала церковно-теократическую модель, в которой патриарх выступал главой и духовной, и светской власти, уподобляясь Мелхиседеку – «царю Салима, священнику Бога Всевышнего» [19]. Об этом свидетельствует титул Никона: «*Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помория и многих государств Патриарх*» [17, с. 1101]; символично и его погребение в Новоиерусалимском монастыре на месте, соотнесённом с предполагаемой гробницей Мелхиседека [17, с. 52].

Однако замысел патриарха Никона не был реализован. В результате конфликта с царём Алексеем Михайловичем Большой Московский собор 1666–1667 гг. низложил патриарха; зависимые от русского монарха греческие иерархи поддержали светскую власть. Концепция «Москва – Новый Иерусалим» постепенно утратила влияние, тогда как «Москва – Третий Рим» была переосмыслена в имперском ключе.

Пётр I основал Санкт-Петербург («город Святого Петра»), принял титул Императора, актуализировав римскую имперскую символику, и укрепил примат светской власти над духовной с помощью синодальной системы.

Несмотря на драматические события Большого Московского собора 1666–1667 годов и реформы Петра I, концепция «Москва – Новый Иерусалим» не исчезла из русской культуры, сохранившись в церковной среде преимущественно в форме невербальной, пространственной коммуникации.

Особого внимания заслуживает деятельность митрополита Московского Платона (Левшина). По его инициативе в 1783 году был основан Спасо-Вифанский монастырь, а в 1797 – Вифанская духовная семинария, ставшие новым прочтением идеи «Нового Иерусалима». В автобиографии Платон с горечью пишет о низком нравственном состоянии духовенства, мздоимстве, «ослаблении в благочестии» и «вредных новых мудрованиях» [32]; эти пессимистические оценки во многом определили замысел монастыря.

Архитектурно богословская концепция Спасо-Вифанского монастыря следует евангельской последовательности: Воскрешение Лазаря – Вход

в Иерусалим – Преображение. Ротонда на искусственной горе символизировала не ветхий Иерусалим, «*побивающий пророков*», а гору Преображения, где апостолы увидели «*Царствие Божие, пришедшее в силу*» (Мф. 17:4; Мк. 9) [20]. Как отмечали святитель Филарет Дроздов [33] и позднее М. А. Башкирова, имитация Фавора в храме и гробница основателя раскрывали тему будущего Воскресения и преображения мира [34].

Тем самым в Спасо-Вифанском монастыре сохраняется принцип пространственной иконы, общий с Новоиерусалимским монастырём и основанный на восточно-христианском реализме и библейской типологии. Однако смысловой акцент смещается: если прежде Москва осмыслялась как Новый Иерусалим – образ торжествующего Царствия Небесного, то теперь – через образ ветхого, павшего Иерусалима, нуждающегося в духовном воскресении. Монастырь становится символом покаяния, «гробницей Лазаря» и местом возрождения «Святой Руси» в условиях секуляризации и духовного кризиса.

Выпускники Вифанской семинарии уподоблялись апостолам, призванным нести веру в «воскресающую» Россию. Спасо-Вифанский монастырь предстает одновременно пространственной иконой трансцендентной реальности и locus осмысления национального религиозного кризиса. Лишь комплексный анализ вербальных и невербальных форм коммуникации позволяет раскрыть его глубокий смысл – переход от триумфальной сакрализации к покаянно-преображающему пониманию судьбы России.

Выводы

Концепция «Москва – Новый Иерусалим» сыграла ключевую роль в формировании русской религиозно культурной идентичности XVI–XVIII вв. Восходя к Священному Писанию, Святым Отцам и восточно-реалистическому богословию, она утверждала Москву как земной образ Нового Иерусалима, а Русь – как Новый Израиль, реализуясь через пространственные иконы, ритуалы, топонимику и письменные памятники. В отличие от по преимуществу политической идеологии «Москва – Третий Рим», ориентированной на легитимацию светской власти, данная концепция имела религиозно метафизический характер и допускала множественные образы высшей реальности. На протяжении двух веков она прошла путь от триумфальной сакрализации в XVII в. К покаянно преображающему осмыслению национальной судьбы в XVIII в., что особенно ярко проявилось в символике Спасо-Вифанского монастыря. В результате концепция стала одним из важнейших механизмов закрепления и трансляции сакральных смыслов, во многом определивших своеобразие русской православной цивилизации.

Литература

1. Флоровский, Г. В. Избранные богословские статьи / Г. В. Флоровский ; ред.-сост. А. Кырлежев. – М. : Пробел, 2000. – 317 с.
2. Соловьев, В. С. О христианском единстве / В. С. Соловьев. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1967. – URL: <https://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/o-hristianskom-edinstve/chitat/> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Булгаков, С. Н. Апокалипсис Иоанна: опыт догматического истолкования / С. Н. Булгаков. – М. : Православное братство трезвости «Отрада и Утешение», 1991. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/apokalipsis-ioanna/ (дата обращения: 01.02.2026).
4. Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – СПб. : Наука, 1997–2006. – Т. 9, 11, 13. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/ (дата обращения: 01.02.2026).
5. Лосев, А. Ф. Форма – Стиль – Выражение / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1995. – URL: <https://user.biblioboba.online/books/forma-stil-vyrazhenie> (дата обращения: 01.02.2026).
6. Аверинцев, С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы / С. С. Аверинцев // Философия, этика, религиоведение. – 2018. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/8 (дата обращения: 01.02.2026).
7. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/index.htm> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Карташев, А. В. Воссоздание Св. Руси / А. В. Карташев. – Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/ (дата обращения: 01.02.2026).
9. Карташев, А. В. Православие и Россия : сборник статей / А. В. Карташев ; под ред. С. С. Верховского. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/pravoslavie-i-rossija/ (дата обращения: 01.02.2026).
10. Лидов, А. М. Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / А. М. Лидов ; ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Индрик, 2009. – 912 с.
11. Баталов, А. Л. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII веков / А. Л. Баталов, Т. Н. Вятчина // Архитектурное наследие. – 1988. – № 36. – URL: <http://www.rusarch.ru/batalov> 20 (дата обращения: 01.02.2026).
12. Менделеева, Д. С. Тема «Святой земли» и «Второго Иерусалима» в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона / Д. С. Менделеева // Герменевтика древнерусской литературы. – 2014. – URL: <https://old-rus-imli.ru/ru/germenevtika-arkhiv/35-germenevtika-drevnerusskoj-literatury-sbornik-16-17> (дата обращения: 01.02.2026).
13. Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединённые Штаты / П. А. Сорокин ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар : Анбур, 2018. – URL: <https://litlife.club/books/41325/read> (дата обращения: 01.02.2026).
14. Уваров, П. Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции / П. Б. Уваров. – М. : АИРО-Монография, 2005. – 200 с.
15. Степенная книга : рукопись / Прилуцкий монастырь на р. Двине, XVII в. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004323297?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 01.02.2026).
16. Лицевой летописный свод : русская история в 24 кн. – М. : Актон, 2014. – URL: <https://svod.ruvera.ru/8/> (дата обращения: 01.02.2026).
17. Никоновская летопись. – М., 1930. – URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_bc5ff9cae37-4432-9d03-68e495a6424a?page=113&rotate=0&theme=white (дата обращения: 01.02.2026).
18. Никон, патриарх. Стяжание Святой Руси – созидание государства Российского : в 3 ч. Ч. II / патриарх Никон ; сост. и общ. ред. В. В. Шмидт, В. А. Юрченков. – М. : Изд-во РАГС ; Саранск : НИИ гуманитар. наук при Правительстве Респ. Мордовия, 2010. – 1232 с.
19. Дюмезиль, Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1986. – URL: <https://nordxpr.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
20. Библия : на церковнославянском, русском, греческом, еврейском, латинском, английском языках. – URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 01.02.2026).
21. Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Ириней Лионский ; пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. – 672 с.
22. Откровение ангельское святому Макарию Александрийскому о состоянии душ усопших с присовокуплением и других свидетельств и наставлений святых отцев. – 5-е изд. – М. : Шарапов, 1880. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/angelskoe-otkrovenie-prepodobnomu-makariju-aleksandrijskomu/ (дата обращения: 01.02.2026).
23. Августин Блаженный. Творения / Августин Блаженный ; сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. – СПб. : Алетейя ; Киев : УЦИММ-пресс, 1998. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/>

Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 01.02.2026).

24. Ленхофф, Г. Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация / Г. Д. Ленхофф ; отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – 623 с.

25. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии / Дионисий Ареопагит ; пер. с греч. – 6-е изд. – М. : Синодальная типография, 1898. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-nebesnoj-ierarkhii/ (дата обращения: 01.02.2026).

26. Хейзинга, Й. Осень Средневековья; Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга. – М., 1988. – 544 с.

27. Никон, патриарх. Возражение или разорение смиренного Никона, Божиею милостию патриарха, против вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисиевы, Никона патриарха возражение : рукопись. – URL: <https://clck.su/sRQHZ> (дата обращения: 01.02.2026).

28. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры / Иоанн Дамаскин. – URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera4_26.html (дата обращения: 01.02.2026).

29. Симфония по творениям святителя Василия Великого. – М. : ДАРЪ, 2008. – 512 с.

30. Генон, Р. Царь Мира / Р. Генон. – М. : Волюшин, 1993. – URL: <https://litlife.club/books/101066/read> (дата обращения: 01.02.2026).

31. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года : рукопись / подгот. текста Е. И. Ванеева, пер. и коммент. Я. С. Лурье ; Рос. гос. архив древних актов (РГАДА). – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Ivan_Grozny/Posl_1573.htm (дата обращения: 01.02.2026).

32. Платон (Левшин), митрополит Московский. Автобиография Платона, митрополита Московского / митр. Московский Платон ; с предисл. и примеч. прот. С. К. Смирнова. – М. : Университетская типография (Катков), 1887. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin/avtobiografija-platona-mitropolita-moskovskogo/ (дата обращения: 01.02.2026).

33. Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Письма высокопреосвященного Филарета Московского к Екатерине Владимировне Новосильцевой. – М. : Русская печатня, 1911. – 246 с.

34. Башкирова, М. А. Образ крепости в русской гражданской и церковной архитектуре второй половины XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук / М. А. Башкирова. – М., 2024. – URL: <https://www.hist.msu.ru/upload/iblock/eb4/av101243> (дата обращения: 01.02.2026).

Сальников Лев Сергеевич – соискатель степени кандидата исторических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Челябинск), e-mail: a.l.24@yandex.ru. ORCID 0009-0004-7411-8180

Поступила в редакцию 18 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260304

THE CONCEPT OF “MOSCOW AS THE NEW JERUSALEM” IN THE RUSSIAN RELIGIOUS CULTURE OF THE 16th–17th CENTURIES: ORIGINS, SEMANTICS, AND COMMUNICATION

L. S. Salnikov

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russian Federation

The relevance of this study stems from the growing interest in traditional spiritual values and the historical foundations of national identity in modern Russian society. The concept of “Moscow as the New Jerusalem”, which emerged in the 16th–18th centuries, played a significant role in shaping the religious and metaphysical foundations of Russian culture. This article aims to analyze the evolution of the concept of “Moscow as the New Jerusalem” in Russian religious culture of the 16th–18th centuries, identify its theological, philosophical, and cultural roots, and determine its role in the formation of national identity. The research is based on P. B. Uvarov’s communicative theory of the historical process and Georges Dumézil’s structuralist approach. The primary sources include monuments of Russian chronicles and theological literature of the 16th–18th centuries (*The Book of Degrees*, *The Illustrated Chronicle Codex*, *The Nikon Chronicle*, and the works of Patriarch Nikon), as well as materials on sacred architecture (St. Basil’s Cathedral, the New Jerusalem Monastery, and the Spaso-Vifansky Monastery). The study

demonstrates that the concept of “Moscow as the New Jerusalem” grounded in Eastern Christian realism differed fundamentally from the political and imperial ideology of “Moscow as the Third Rome”. The latter focused on political succession, while the former was primarily religious and metaphysical in nature, allowing for multiple interpretations of transcendental reality. The evolution of this concept can be traced from the triumphant sacralization of Moscow as the New Jerusalem in the 17th century to a penitential and transformative understanding of Russia’s national destiny in the 18th century. The article focuses on the theological polemic between Patriarch Nikon and Paisius Ligarides, which highlights the principal difference between Eastern Christian realism and Western nominalism. The concept of “Moscow as the New Jerusalem” has become an essential mechanism for the formation of Russian national identity.

Keywords: Moscow, religiocentrism, Patriarch Nikon, communication, spiritual center.

References

1. Florovskii G.V. *Izbrannye bogoslovskie stat'i* [Selected Theological Articles] / prot. Georgii Florovskii; red.-sost. A. Kyrlezhev. Moscow: Whitespace, 2000. 317 p.
2. Solov'ev V.S. *O khristianskom edinstve* [On Christian Unity]. Brussels: Zhizn' s Bogom, 1967. URL: <https://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/o-hristianskom-edinstve/chitat/> (date of accessed: 01.02.2026).
3. Bulgakov S.N. *Apokalipsis Ioanna: opyt dogmaticheskogo istolkovaniia* [The Apocalypse of John: An Attempt at Dogmatic Interpretation]. Moscow: Orthodox Fellowship of Sobriety “Otrada i Uteshenie”, 1991. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/apokalipsis-ioanna/ (date of accessed: 01.02.2026).
4. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 t.* [Library of Literature of Ancient Rus': in 20 vols.]; pod red. D.S. Likhacheva [i dr.]. Saint Petersburg: Science, 1997–2006. T. 9, 11, 13. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-1/ (date of accessed: 01.02.2026).
5. Losev A.F. *Forma – Stil' – Vyrazhenie* [Form – Style – Expression]. – Moscow: Idea, 1995. URL: <https://user.biblioboba.online/books/forma-stil-vyrazhenie> (date of accessed: 01.02.2026).
6. Averintsev S.S. *Vizantiia i Rus': dva tipa dukhovnosti. Stat'ia pervaiia. Nasledie sviashchennoi derzhavy* [Byzantium and Rus': Two Types of Spirituality. Article One. The Heritage of the Holy Power] // *Filosofia, etika, religiovedenie*. 2018. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/drugoj-rim/8 (date of accessed: 01.02.2026).
7. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics] // *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let*. Moscow: Art literature, 1975. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/index.htm> (date of accessed: 01.02.2026).
8. Kartashev A.V. *Vossozdanie Sv. Rusi* [Re-creation of Holy Rus']. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/ (date of accessed: 01.02.2026).
9. Kartashev A.V. *Pravoslavie i Rossiia* [Orthodoxy and Russia: Collection of Articles]; sbornik statei; pod red. S.S. Verkhovskogo. New York: Publishing House named after Chehov, 1953. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/pravoslavie-i-rossija/ (date of accessed: 01.02.2026).
10. Lidov A.M. *Novye Ierusalimy. Ierotopii i ikonografiia sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalems. Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces]; red.-sost. A.M. Lidov. Moscow: Indrik, 2009. 912 p.
11. Batalov A.L., Viatchanina T.N. *Ob ideinom znachenii i interpretatsii ierusalimskogo obraztsa v russkoi arkhitekture XVI–XVII vekov* [On the Ideological Significance and Interpretation of the Jerusalem Model in Russian Architecture of the 16th–17th Centuries] // *Arkhiturnoe nasledstvo*. 1988. № 36. URL: <http://www.rusarch.ru/batalov20> (date of accessed: 01.02.2026).
12. Mendeleeva D.S. *Tema “Sviatoi zemli” i “Vtorogo Ierusalima” v “Slove o zakone i blagodati” mitropolita Ilariona* [The Theme of the “Holy Land” and the “Second Jerusalem” in the “Sermon on Law and Grace” by Metropolitan Ilarion] // *Germenevtika drevnerusskoi literatury*. 2014. URL: <https://old-rus-imli.ru/ru/germenevtika-arkhiv/35-germenevtika-drevnerusskoj-literatury-sbornik-16-17> (date of accessed: 01.02.2026).
13. Sorokin P.A. *Krizis nashego vremeni. Rossiia i Soedinennye Shtaty* [The Crisis of Our Time. Russia and the United States]; sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Saratov: Anbur, 2018. URL: <https://litlife.club/books/41325/read> (date of accessed: 01.02.2026).
14. Uvarov P.B. *Deti khaosa: istoricheskii fenomen intelligentsii* [Children of Chaos: The Historical Phenomenon of the Intelligentsia]. Moscow: AIRO-Monograph, 2005. 200 p.
15. *Stepennaia kniga* [The Book of Degrees]; rukopis' // *Prilutskii monastyr' na r. Dvine, XVII v.* URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004323297?page=1&rotate=0&theme=white (date of accessed: 01.02.2026).
16. *Litsevoi letopisnyi svod: russkaia istoriia v 24 kn.* [The Illustrated Chronicle Codex: Russian History in 24 books]. Moscow: Akteon, 2014. URL: <https://svod.ruvera.ru/8/> (date of accessed: 01.02.2026).

17. Nikonovskaia letopis' [Nikon Chronicle]. Moscow, 1930. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000202_000006_bc5ff9ca-ea37-4432-9d03-68e495a6424a?page=113&rotate=0&theme=white (date of accessed: 01.02.2026).
18. Nikon, patriarch. Stiazhanie Sviatoi Rusi – sozidanie gosudarstva Rossiiskogo: v 3 ch. Ch. II [Acquisition of Holy Rus' – Creation of the Russian State: in 3 parts. Part II]; sost. i obshch. red. V.V. Shmidt, V.A. Iurchenkov. Moscow: Publishing House of RABA; Saransk: Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, 2010. 1232 p.
19. Dumezil Zh. Verkhovnye bogi indoevropoitsev [The Sovereign Gods of the Indo-Europeans]. Moscow: The main editorial office of Oriental literature, 1986. URL: <https://nordxp.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (date of accessed: 01.02.2026).
20. Bibliia [The Bible]: na tserkovnoslavianskom, russkom, grecheskom, evreiskom, latinskom, angliiskom iazykakh. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (date of accessed: 01.02.2026).
21. Irinei Lionskii. Protiv eresey. Dokazatel'stvo apostol'skoi propovedi [Against Heresies. Proof of the Apostolic Preaching] Lionskii; per. prot. P. Preobrazhenskii, N.I. Sagarda. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2008. 672 p.
22. Otkrovenie angelskoe sviatomu Makariiu Aleksandriiskomu o sostoianii dush usopshikh s prisovoplocheniem i drugikh svidetel'stv i nastavlennii sviatykh ottsov [An Angelic Revelation to Saint Macarius of Alexandria about the State of the Souls of the Deceased, Along with other Testimonies and Instructions from the Holy Fathers]. 5th ed. Moscow: Sharapov, 1880. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Makarij_Aleksandrijskij/angelskoe-otkrovenie-prepodobnomu-makariju-aleksandriiskomu/ (date of accessed: 01.02.2026).
23. Avgustin Blazhennyi. Tvoreniia [Works]; sost. i podgot. teksta k pechati S.I. Ereemeeva. Saint Petersburg: Aleteia; Kiev: UTSIMM-press, 1998. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (date of accessed: 01.02.2026).
24. Lenhoff G.D. Stepenaia kniga: zamysel, ideologiya, adresatsiya [The Book of Degrees: Concept, Ideology, Audience]; otv. red. N.N. Pokrovskii, G.D. Lenhoff. Moscow: Languages of Slavic culture, 2007. 623 p.
25. Dionisii Areopagit. O nebesnoi ierarkhii [On the Celestial Hierarchy]; per. s grech. 6th ed. Moscow: Synodal Printing House, 1898. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/o-nebesnoj-ierarkhii/ (date of accessed: 01.02.2026).
26. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ia; Issledovanie form zhiznennogo uklada i form myshleniia v XIV i XV vekakh vo Frantsii i Niderlandakh [The Autumn of the Middle Ages; Study of the Forms of Life and Forms of Thought in the 14th and 15th Centuries in France and the Netherlands]. Moscow, 1988. 544 p.
27. Nikon, patriarch. Vozrazhenie ili razorenii smirennogo Nikona, Bozhieyu milostiuyu patriarkha, protiv voprosov boyarina Simeona Streshneva, ezhe napisal Gazskomu mitropolitu Paisiyu Ligaridiusu, i na otvety Paisievy, Nikona patriarkha vozrazhenie [Nikon, the Patriarch. Objection or Ruin of the Humble Nikon, by the Grace of God of the Patriarch, to the Questions of Boyar Simeon Streshnev, which was Written to Metropolitan Paisius Ligaridius of Gaza, and to the Answers of Paisieva, Nikon Patriarch objection]. URL: <https://clck.su/sRQHZ> (date of accessed: 01.02.2026).
28. Ioann Damaskin. Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very [Exact Exposition of the Orthodox Faith]. URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera4_26.html (date of accessed: 01.02.2026).
29. Simfoniia po tvoreniiam sviatitelia Vasilii Velikogo [Symphony on the Works of Saint Basil the Great]. Moscow: GIFT, 2008. 512 p.
30. Genon R. Tsar' Mira [The King of the World]. Moscow: Voloshin, 1993. URL: <https://litlife.club/books/101066/read> (date of accessed: 01.02.2026).
31. Poslanie shvedskomu koroliu Iukhanu III 1573 goda [Message to the Swedish King Johan III of 1573]; rukopis' podgot. teksta E.I. Vaneeva, per. i komment. Ia.S. Lur'e; Ros. gos. arkhiv drevnikh aktov (RGADA). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Ivan_Grozny/Posl_1573.htm (date of accessed: 01.02.2026).
32. Platon (Levshin), mitropolit Moskovskii. Avtobiografiia Platona, mitropolita Moskovskogo [Autobiography of Platon, Metropolitan of Moscow]; s predisl. i primech. prot. S.K. Smirnova. Moscow: University Printing House (Katkov), 1887. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Platon_Levshin/avtobiografija-platona-mitropolita-moskovskogo/ (date of accessed: 01.02.2026).
33. Filaret (Drozdov), mitropolit Moskovskii. Pis'ma vysokopreosviashchennogo Filareta Moskovskogo k Ekaterine Vladimirovne Novosil'tsevoi. Moscow: Russian Printing House, 1911. 246 p.
34. Bashkirova M.A. Obraz kreposti v russkoi grazhdanskoi i tserkovnoi arkhitekture vtoroi poloviny XVIII v. [The Image of the Fortress in Russian Civil and Church Architecture of the Second Half of the 18th Century]; dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2024. URL: <https://www.hist.msu.ru/upload/iblock/eb4/av101243> (date of accessed: 01.02.2026).

Lev S. Salnikov – Applicant for the Degree of Cand. Sc. (History), South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk), e-mail: a.l.24@yandex.ru

Received May 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сальников, Л. С. Концепция «Москва – Новый Иерусалим» в русской религиозной культуре XVI–XVIII вв.: истоки, семантика, коммуникация / Л. С. Сальников // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 37–46. DOI: 10.14529/ssh260304

FOR CITATION

Salnikov L. S. The concept of “Moscow as the New Jerusalem” in the Russian religious culture of the 16th–17th centuries: origins, semantics, and communication. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 37–46. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260304

ХОДАТАЙСТВА МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ, РЕМОНТЕ И СТАТУСЕ МЕЧЕТЕЙ (1860–1870-е гг.)

Ю. У. Сафаралеева

Индустриальный институт (филиал) Югорского государственного университета, г. Нефтеюганск, Российская Федерация

В конце XIX – начале XX в. строительство мечетей играло важную роль в формировании культурной и религиозной идентичности сибирских татар, становясь центром общественной жизни и просвещения. Настоящее исследование основано на неопубликованных документах ГКУ «Национальный архив Республики Башкортостан» (НАРБ) из фонда И-295 Оренбургского магометанского духовного собрания. До настоящего времени эти материалы оставались вне научного оборота, что определяет новизну данного исследования.

Работа выполнена с применением институционального и историко-критического методов, что позволило выявить особенности организации мусульманских общин и их взаимодействия с органами государственной власти в условиях имперской административной системы. Анализ архивных источников и опубликованных данных с использованием системного и сравнительного подходов позволил реконструировать участие прихожан и духовных лиц в строительстве мечетей на территории Tobольской губернии, а также выявить статистические сведения о численности прихожан, духовенстве и учебных заведениях.

Результаты исследования показали, что мечети являлись не только религиозными центрами, но и инфраструктурой, обеспечивавшей просветительскую деятельность, развитие культуры и образования сибирских татар. Инициатива сельских общин определяла материально-техническую базу – строительство, ремонт и содержание мечетей, – а также финансирование учебных заведений (мектебе и медресе). Духовные лица и доверенные представители общин вели переписку и осуществляли взаимодействие с органами государственной власти, в частности с Tobольским губернским правлением.

Ключевые слова: сибирские татары, соборная мечеть, пятивременная мечеть, религиозные институты, мусульманское образование, Tobольское губернское правление.

Введение

Ислам – важная составляющая российского культурного пространства. Согласно данным ВЦИОМ, 7 % населения исповедует ислам, это свидетельствует о том, что он является второй по численности религией в стране [1].

На современном этапе актуально формирование механизмов для социализации ислама. Важность рассмотрения исторических реалий объясняется тем, что ислам влияет на мировоззрение и поведение современных мусульман РФ. Также развитие и история ислама на территории многонационального, многоконфессионального государства связаны со становлением российской государственности. Изучение данной сферы позволяет сохранить положительный опыт предков мусульман РФ на основе многовековой национальной традиции и духовных ценностей.

Целью данной статьи является выявление конкретных исторических фактов об участии прихожан и религиозных представителей в развитии материальной и духовной мусульманской культуры в 60–70-е гг. XIX века на территории Tobольской губернии. Для достижения поставленной цели были проанализированы ходатайства о строительстве мечетей и ведомости, содержащие информацию о духовных лицах и медресе.

Обзор литературы

Тема истории ислама на территории нашего государства стала актуальной на рубеже XX–XXI вв. Политико-религиозные и социальные аспекты адаптации мечетей в имперском политико-административном пространстве рассматриваются И. К. Загидуллиным. Он отмечает, что существовали регламентированные правила возведения мечетей, и приводит в качестве примера обращение Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) от 1 декабря 1892 г., направленное начальникам губерний Волго-Уральского региона с предложением разъяснить через волостные правления сельским мусульманским обществам основные положения статей 260–265 «Устава строительного» [2, с. 73–77].

Р. В. Нутрихин в ряде исследований юридических документов рассмотрел историческую эволюцию правового режима недвижимого имущества мечетей в Российской империи. Так, проанализировав Уставы Правительствующего Сената, Указы Святейшего Синода, Уставы Духовных Дел Иностранных исповеданий, Устав Строительный, он сделал вывод, что строительство мечетей прошло путь от фактического игнорирования до юридической модели государственно-конфессионального взаимодействия [3, с. 99].

В работах Г. И. Монич и Т. Н. Манониной нашли отражение исламская культовая архитектура и анализ влияния конфессиональной политики на формирование архитектуры мечетей в России [4, с. 49–61].

В исследовании З. А. Тычинских «Тобольские ахуны в XVI–XVIII вв.» автор рассматривает категории и состав мусульманского духовенства, а также конкретизирует факт об изменении статуса ахунов с 1788 г. после издания указа Екатерины II «О учреждении Оренбургского магометанского духовного собрания» [5, с. 55].

Интерес для исследователей представляет статья «Территориальные особенности размещения мечетей в Тобольском округе Тобольской губернии во второй половине XIX века» Г. Ч. Файзуллиной и Л. М. Уразовой. Авторы уделили внимание символике планировки и расположения мечетей, а также выявлению мечетей, в которых велись акты гражданского состояния [6, с. 1].

Особенности государственно-церковной политики в отношении мусульманского населения осветили в своих работах П. К. Дашковский и Е. А. Шершнева [7, с. 68]. В монографии «Духовные всходы» автором проведено исследование развития культуры и просвещения татар Прииртышья (вторая половина XIX – первая треть XX в.) [8].

Несмотря на наличие ряда научных исследований, остается много неисследованных проблем в данной области. Исторически на это повлияли утрата основополагающих направлений развития ислама в советское время, ограниченность источников по истории ислама Тобольской губернии по причине того, что основная часть документов утеряна или нечитабельна, так как они сохранены на арабской графике старотатарского языка.

Настоящая статья дополняет существующие исследования конкретными примерами, указывающими на социокультурную деятельность мусульманской общины, которая способствовала развитию материальной и духовной культуры татар Тобольской губернии. В научный оборот вводятся неопубликованные архивные материалы ГКУ НАРБ фонда И-295 Оренбургского магометанского духовного собрания.

Методы исследования

Введение новых архивных данных, анализ опубликованных источников с использованием системного, сравнительного методов позволяют получить представление об аналогичных событиях, происходивших на территории Тобольской губернии. Анализ темы проводился на традиционных для исторического исследования научных принципах историзма и научной объективности. Наряду с методологическими принципами в исследовании применялись методы описания, компаративистского анализа, институционального и историко-критического методов.

В статье анализируются данные документов ГКУ Национального архива Республики Башкор-

тостан, в которых обнаружены сведения об участии прихожан и религиозных представителей в строительстве мечетей на территории Тобольской губернии в 1860–1870-е гг., а также списки религиозных представителей указанной территории.

Результаты и дискуссия

Культура и просвещение татар Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв. исторически связаны с исламскими традициями в регионе. Деятельность религиозных служителей была направлена на обучение населения грамотности, сохранение религиозной культуры и на регуляцию повседневной жизни прихожан. В связи с этим можно утверждать, что мечети выступали инфраструктурной основой для населения в решении вопросов образования и культуры. Под понятием «мечеть» в России признавалось публичное здание, аналогичное богослужебным культовым сооружениям других вероисповеданий, возведенное по установленным в государстве правилам [2, с. 6].

К периоду изучаемого вопроса проблемы регламентации работы мечетей, составление разрешающих документаций для преподавательской деятельности, предоставление свободы вероисповедания прошли путь от полного игнорирования до признания и законодательной регламентации со стороны государства. Хронологические рамки исследования ограничиваются 1860–1870-ми гг. В изучаемый период религиозные организации татар Тобольской губернии находились под контролем Оренбургского духовного магометанского собрания. В компетенции ОМДС находились вопросы строительства и ремонта мечетей, а также прием экзаменов у кандидатов на религиозные и учительские должности [9, с. 84–85].

В рамках исследуемой темы Государственное казенное учреждение «Национальный архив Республики Башкортостан» (НАРБ) располагает значительным комплексом документов, но материалы ветхие, часто не читаемые из-за перевода с арабской графики, большинство документов исследуемого региона не доступны в электронной базе архива.

Особую ценность представляет фонд И-295 Оренбургского магометанского духовного собрания 1841–1917 гг., здесь можно выделить опись № 3, том № 4 за 1861–1866 гг., 1867–1876 гг.

Значимость представляют рапорты имамов, ходатайства прихожан, общественные приговоры, в которых отражается роль сельской общины и служителей культа в строительстве мечетей и сохранение материальной и духовной культуры сибирских татар изучаемого периода. В документах прослеживаются факты возведения мечетей в основном в сельской местности с использованием дерева как строительного материала. Строительство мечетей следует рассматривать, как активный фактор развития культуры мусульманской общины:

– во-первых, строительство мечетей из дерева представляет собой адаптацию мусульманской

архитектуры к локальным природным и культурным условиям;

– во-вторых, религиозная культура переплеталась со строительными традициями региона;

– в-третьих, культура ремесленного мастерства была основана на плотницких технологиях локальной сельской общины;

– в-четвертых, исламская традиция проявлялась через архитектурные формы, например, размещение минарета, ориентацию на киблу и т. д.

Развитие материальной культуры проявлялось в институционализации религиозной жизни, например, в стремлении сельской общины к строительству стационарных деревянных мечетей и переименованию пятивременных мечетей в соборные. И в связи с тем, что дерево как материал недолговечно, сельская община регулярно восстанавливалась, реконструировала мечети – это свидетельствует о преемственности культурной памяти.

Обратимся архивным материалам. На основе архивных материалов НАРБ можно констатировать, что ремонт и строительство мечетей, а также их содержание было под ответственностью сельской общины или меценатов. На основе анализа содержания рапортов по разным уездам Тобольской губернии выявлены документы о специфике переписки между сельской общиной и органами Губернского управления, которая выражается в тесном взаимодействии государственных органов и служителей культа сельской мусульманской общины. Рассмотрим исторические факты по Тюменскому, Тарскому, Тобольскому уездам.

Сельская община юрт Карбанских Тюменского уезда обратилась с ходатайством о переименовании пятивременной мечети в соборную. В качестве обоснования заявители приводили следующие причины:

– во-первых, отсутствие соборной мечети в населенном пункте затрудняло проведение коллективных богослужений. Как указано в «Деле о переименовании мечети в соборную в Карбанских юртах» 1864 г., по причине «...недозволенности (совершать коллективную молитву в пятивременной мечети) прихожане уходили в соборную мечеть в юрты Тарханские» [10, л. 2];

– во-вторых, в период наводнений и в зимнее время прихожане не имели возможности совершать коллективный намаз из-за отсутствия безопасной дороги «...сряду шести лет (из-за) наводнений и в особенности зимнее время прихожане затрудняются проходить пять верст до юрт Тарханских» [10, л. 3].

На основании «Устава строительного», а именно статьи 261, община просила переименовать пятивременную мечеть в соборную. Ходатайство датировано периодом с 11 августа по 1 сентября 1864 г.

Данные архивные материалы указывают на то, что существовали два вида мечетей: пятивременные мечети и соборные мечети. В пятивре-

менных мечетях по сравнению с соборными мечетями не велись коллективные пятничные и праздничные богослужения [2, с. 96–97], вследствие чего прихожане юрт Карбанских для совершения коллективных богослужений по существующим правилам могли собираться только в условиях соборной мечети.

В прошении прихожане опираются на статью 261 «Устава строительного». Исследователи И. К. Загидуллин, Р. В. Нутрихин [2, 3] также отмечают, что в правовом режиме в дореволюционное время строительство мечетей допускалось по правилам «Устава Строительного».

Те же архивные материалы содержат сведения о строительстве мечетей в Тарском уезде. Так, прихожане Чернолинских юрт обратились с ходатайством о возведении соборной мечети, ссылаясь на компактное проживание сельского населения «магометанского вероисповедания». По их данным, в нескольких деревнях проживало 233 души [11, л. 3]. Подобная практика – учет численности прихожан как одного из ключевых критериев при принятии решения о строительстве мечети – отмечена также в трудах других исследователей. Например, «царскими указами от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. было разрешено возведение по одной мечети в населенном пункте, если численность прихожан мужского пола составляла от 200 до 300 ревизских душ. При этом о статусе мечети – пятивременной или джами – ничего не было сказано» [2, с. 94]. Р. В. Нутрихин пишет, что на основании Устава Строительного «разрешение на постройку давалось только при наличии в безмечетном приходе не менее двухсот душ мужского пола» [3, с. 99].

Материальная культура проявлялась как практическая организация социального пространства через материальные объекты. Финансирование и возведение мечетей осуществлялось коллективными усилиями общины, например, добровольными пожертвованиями, коллективным строительством. В подтверждение этого можно привести документы, содержащие сведения о проявлениях меценатства в процессе строительства мечетей. Так, в том же уезде прихожане деревни Тоскино в 1867 г. обратились с ходатайством о возведении мечети, указав, что строительство будет осуществлено «безвозмездно на свой капитал» по утверждению Махмута Терегулова [12, л. 2]. Также в архивных источниках сохранилось прошение мецената Махмута Терегулова, где он лично просит назначить его муллой в связи с отсутствием муллы вновь выстроенной мечети [12, л. 3].

В Вагайских юртах Тобольского уезда в 1863 г. была подана просьба о строительстве новой мечети ввиду того, что существующее здание «пришло в ветхость» [13, л. 1]. Аналогичное ходатайство содержится в рапорте ахуна Галея Мухаметовича Енаева – уроженца деревни Митькина Уватской

волости Тобольской губернии и уезда – от 28 сентября 1865 г., в котором сообщалось, что «крыша здания мечети сгнила, и некоторые углы начали разрушаться» [14, л. 1]. В документе ставился вопрос о необходимости проведения ремонта. В ответ губернское правление предписало: «принять меры к исправлению мечетей, пришедших в негодность» [14, л. 4].

Следующее прошение было подано доверенным от общины Токузских юрт Уватской Инородческой волости Тобольского округа Юнусом Кончегуловым с просьбой о строительстве соборной мечети. Документ датирован периодом с 18 июля по 11 августа 1870 г. [15, л. 2].

Проанализированные архивные материалы свидетельствуют о том, что возведение мечетей осуществлялось на основании ходатайств сельских общин, выражавших как инициативу в строительстве, так и готовность обеспечивать дальнейшее содержание религиозного здания.

Мечеть выступала как культурное пространство и носитель культурной памяти. Мечеть как материальная форма становилась инфраструктурой образования, книжности, благотворительности, что позволяло развивать материальную и духовную культуру общины.

Каждая соборная или пятивременная мечеть была не только центром богослужебной практики, но и основой просветительской деятельности: при ней функционировали мектебе и медресе, где дети общины получали начальные знания по арабской грамоте, Корану, этике и т. д.

Так, фонд И-295 Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) за 1867–1876 гг. содержит ценные сведения о количестве мечетей, духовных лицах, учебных заведениях и численности прихожан. Особую ценность представляют дело № 7454 «Ведомость о количестве мечетей, духовных лиц и прихожан в Тюменском уезде на 1870 год» и дело № 7441 «Ведомость о количестве мечетей, духовных лиц и прихожан в городе Таре и Тарском уезде Тобольской губернии на 1870 год».

Анализ архивных материалов позволяет установить, что в Тюменском уезде в 1870 г. численность прихожан составляла 8805 человек обоего пола (табл. 1). При мечетях функционировало девять медресе, в которых обучались 338 учащихся [16, л. 1–8]. В Тарском уезде в тот же год проживало 9917 прихожан обоего пола. Согласно данной той же таблицы, при мечетях действовало восемнадцать медресе, где обучались – 400 детей [17; 18 л. 1–8]. При этом переписчики отмечали, что «при всех мечетях обучаются малолетние дети» [17; 18, л. 1–8], что, по-видимому, свидетельствует о повсеместном существовании мектебе (начальных религиозных школ) при каждой мечети.

Наличие мектебе и медресе при каждой мечети указывает на то, что духовная культура переплеталась с локальной образовательной системой,

интегрированной в повседневную жизнь общины, обеспечивающей непрерывную передачу религиозно-этических норм и базовых знаний.

Как следует из таблицы 2, из 74 мечетей, действовавших в Тюменском и Тарском уездах в 1870 г., 55 относились к соборным. На основе тех же документов восстановлены имена и должности духовных лиц. В составе религиозного персонала при мечетях упоминаются следующие звания: имам, муаллим сабиян, хатиб, мударрис, ахун [17; 18 л. 1–8]. Всего в 1870 г. при мечетях служило 95 духовных лиц, все они были утверждены в своих должностях указами Тобольского Губернского правления.

Существование к 1870 г. 27 медресе и 95 духовных лиц со званием предполагало наличие квалифицированных педагогов, получивших образование в исламских центрах Российской империи: Уфе, Казани, Оренбурге. Духовная культура была встроена в повседневную жизнь через образовательные процессы: ученик ежедневно посещал медресе, участвовал в молитвах, слушал проповеди, читал, писал – все это формировало устойчивую систему ценностей, норм, знаний и т. д.

Анализ религиозно-административной структуры, отраженный в количественных данных по мечетям и духовным лицам, позволяет выявить взаимосвязь между материальной (архитектурно-инфраструктурной) и духовной (религиозно-образовательной) сферами культуры мусульманских общин Тобольской губернии. Например, 55 соборных мечетей в двух уездах стали материальной основой для деятельности 95 духовных лиц, большинство из которых были официально утверждены губернским правлением. Следовательно, материальная культура выступала необходимым условием развития духовной культуры.

Таким образом, духовная культура мусульман Тобольской губернии выступала как часть российской исламской традиции. Особую роль в складывании единого пространства исламской культуры сыграло Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС).

Выводы

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что сельская мусульманская община Тобольской губернии выступала в качестве социокультурного актора, самостоятельно формирующего религиозную, образовательную и коммуникационную инфраструктуру на местах и активно взаимодействующего с имперскими административными структурами.

Во-первых, результаты исследования показали, что мечети являлись не только религиозными центрами, но и инфраструктурой, обеспечивавшей просветительскую деятельность, развитие культуры и образования сибирских татар.

Во-вторых, община проявляла инициативу в строительстве, ремонте и содержании мечетей, обеспечивала финансирование мусульманских учебных

заведений – мектебе и медресе – и организовывала переписку с Тобольским губернским правлением, выступая тем самым как субъект социального действия.

В-третьих, система мектебе и медресе, закреплённая при мечетях, обеспечивала не только религиозное, но и базовое светское образование (письмо, чтение, арифметика и т. д.), что способствовало сохранению грамотности и культурной преемственности в условиях ограниченного доступа к государственным учебным заведениям.

В-четвертых, практика взаимодействия сельских мусульманских общин с Тобольским губернским правлением свидетельствует о существовании устойчивого механизма диалога между локальным исламским сообществом и имперской администрацией, основанного на действовавших нормативно-правовых актах, включая положения «Устава строительного».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выявленных источников и интерпретаций при преподавании курсов по региональной истории и истории религии. Также материалы способствуют более точной реконструкции локальных историко-культурных ландшафтов, что востребовано в музейной, краеведческой практике.

В перспективе предстоит углубленно изучить трансформацию роли мечетей и просветительских институтов в условиях реформ начала XX века и последующих революционных потрясений. Актуальной остается систематизация и публикация неохваченных архивных фондов НАРБ, что позволит устранить проблемы в источниковой базе и внести вклад в формирование целостной картины культурной истории мусульманских общин Российской империи.

Таблица 1

Количество мечетей, прихожан и медресе в 1870-е годы [17; 18 л. 1–8]

Table 1

The number of mosques, parishioners, and madrassas in the 1870s

№	Местоположение мечети	Количество прихожан		Количество		Содержание медресе	Количество мечетей
		муж	жен	медресе	учащихся		
1	Тюменский уезд	4694	4111	9	338	Медресе содержалось на средства прихожан	39
2	Тарский уезд	5242	4675	18	400		35
	Итого	9936	8786	27	738		74

Таблица 2

Количество мечетей и духовных лиц в 1970-е годы [17; 18 л. 1–8]

Table 2

The number of mosques and clerics in the 1970s

№	Мечети соборные и пятивременные	Количество духовных лиц при мечетях	Период службы духовных лиц	Содержание духовных лиц
1	Тюменский уезд: а) соборные мечети: 30 б) пятивременные мечети: 9	38	1829–1870 гг.	98% духовных лиц были утверждены по указу Тобольского Губернского правления
2	Тарский уезд: а) соборные мечети: 25 б) пятивременные мечети: 10	57	1826–1870 гг.	
	Итого: а) соборные мечети: 55 б) пятивременные мечети: 19	95	1826–1869 гг.	

Литература

1. ВЦИОМ. Новости: Религия и общество: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 02.11.2025).

2. Загидуллин, И. К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири / И. К. Загидуллин. – Казань : Татарское книжное изд-во, 2007. – 416 с.

3. Нутрихин, Р. В. Историческая эволюция правового режима недвижимого имущества мечетей в Российской империи / Р. В. Нутрихин // Юридические исследования. – 2013. – № 1. – С. 95–99.

4. Монич, Г. И. Архитектура мечетей Томской губернии конца XIX – начала XX века / Г. И. Монич, Т. Н. Манонина // Вестник Томского государ-

ственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 4 (51). – С. 49–61.

5. Тычинских, З. А. Тобольские ахуны в XVI–XVIII вв. / З. А. Тычинских // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 70. – С. 52–58.

6. Файзуллина, Г. Ч. Территориальные особенности размещения мечетей в Тобольском округе Тобольской губернии во второй половине XIX века / Г. Ч. Файзуллина, Л. М. Уразова // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 3.

7. Дашковский, П. К. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX – начале XX в / П. К. Дашковский, Е. А. Шершнева // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-1(72). – С. 68–71.

8. Сафаралеева, Ю. У. Духовные всходы : очерки просвещения и культуры татар Прииртышья второй половины XIX – первой трети XX вв. / Ю. У. Сафаралеева. – Тюмень : Вектор Бук, 2008. – 199 с.

9. Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь / сост. С. М. Прозоров ; ред. Л. В. Посуваляк. – М. : Восточная литература, 2001. – Вып. 3 – С. 84–85.

10. Национальный архив республики Башкортостан (НАРБ). – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 6028. – Л. 2.

11. НАРБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 6024. – Л. 3.

12. НАРБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 6708. – Л. 2.

13. НАРБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 5728. – Л. 1.

14. НАРБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 6448. – Л. 1.

15. НАРБ. – Ф. И-295. – Оп. 3. – Д. 7449. – Л. 2.

16. НАРБ. – Ф. И- 295. – Оп. 3. – Д. 7455. – Л. 1–8.

17. НАРБ. – Ф. И- 295. – Оп. 3. Т. 4. – Д. 7441. – Л. 1–8.

18. НАРБ. – Ф. И- 295. – Оп. 3. Т. 4. – Д. 7454. – Л. 1–8.

Сафаралеева Юлия Уразмухаметовна – кандидат исторических наук, доцент, Индустриальный институт (филиал), Югорский государственный университет (Нефтеюганск), e-mail: safaraleewa@mail.ru. ORCID 0009-0004-9978-3849

Поступила в редакцию 18 декабря 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260305

PETITIONS FROM THE MUSLIM COMMUNITIES OF THE TOBOLSK REGION FOR THE CONSTRUCTION, RENOVATION, AND STATUS OF MOSQUES (1860s–1870s)

Y. U. Safaraleeva

Industrial Institute (branch) of the Yugra State University, Nefteyugansk, Russian Federation

In the late 19th and early 20th centuries, the construction of mosques was essential for shaping the cultural and religious identity of Siberian Tatars, becoming a center of social life and education. This study is based on previously unpublished documents from the National Archives of the Republic of Bashkortostan (NARB) from Collection I-295 of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. These materials were kept outside of scholarly circulation until now, making this study a novel contribution to the field.

This study is based on institutional and historical-critical methods, exploring the organizational characteristics of Muslim communities and their interactions with government authorities within the imperial administrative system. An analysis of archival sources and published data based on a systemic and comparative approach allowed reconstructing the participation of parishioners and clergy in the construction of mosques in the Tobolsk Governorate, as well as identifying statistical data on the number of parishioners, clergy, and educational institutions. The study reveals that mosques served as both religious centers and infrastructures that supported educational activities, cultural development, and the education of Siberian Tatars. The initiatives of rural communities provided the material and technical foundation for the construction, restoration, and maintenance of mosques, as well as funding for educational institutions such as mektebs and madrasas. The clergy and trusted community representatives held correspondence and interacted with government agencies, in particular, the Tobolsk Provincial Government.

Keywords: Siberian Tatars, cathedral mosque, five-time mosque, religious institutions, Muslim education, Tobolsk provincial government.

References

1. VCIOM. Novosti: Religiya i obshchestvo: monitoring [News: Religion and Society: Monitoring]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (date of accessed: 02.11.2025).

2. Zagidullin I.K. Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii: Mecheti v evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri [Islamic Institutions in the Russian Empire: Mosques in the European Part of Russia and Siberia]. Kazan': Tatar Book Publishing House, 2007. 416 p.

3. Nutrikhin R.V. Istoricheskaya evoliutsiya pravovogo rezhima nedvizhimogo imushchestva mechetey v Rossiiskoi imperii [Historical Evolution of the Legal Regime of Mosque Real Estate in the Russian Empire] // *Yuridicheskie issledovaniya*. 2013. № 1. P. 95–99.
4. Monich G.I., Manonina T.N. Arkhitektura mechetey Tomskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka [Architecture of Mosques in Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2015. № 4 (51). P. 49–61.
5. Tychinskikh Z.A. Tobol'skie akhuny v XVI–XVIII vv. [Tobolsk Akhuns in the 16th–18th Centuries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 2021. № 70. P. 52–58.
6. Faizullina G.Ch., Urazova L.M. Territorial'nye osobennosti razmeshcheniia mechetey v Tobol'skom okruge Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka [Territorial Features of Mosque Location in the Tobolsk District of Tobolsk Province in the Second Half of the 19th Century] // *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 2023. T. 14, № 3.
7. Dashkovskii P.K. Shershneva E.A. Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX v. [Muslim Education in Western Siberia in the 19th – Early 20th Century] // *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 4-1(72). P. 68–71.
8. Safaraleeva I.U. Dukhovnye vskhody: ocherki prosveshcheniia i kul'tury tatar Priirtysh'ia vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX vv. [Spiritual Ascents: Essays on Education and Culture of the Tatars of the Irtysh Region in the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century]. Tyumen': Vector Book, 2008. 199 p.
9. Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii [Islam in the Territory of the Former Russian Empire]: entsiklopedicheskii slovar'; sost. S.M. Prozorov; red. L.V. Posuvalyuk. M.: East Literature, 2001. Vyp. 3. P. 84–85.
10. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NARB) [National Archive of the Republic of Bashkortostan (NARB)]. F. I-295. Op. 3. D. 6028. L. 2.
11. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 6024. L. 3.
12. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 6708. L. 2.
13. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 5728. L. 1.
14. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 6448. L. 1.
15. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 7449. L. 2.
16. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. D. 7455. L. 1–8.
17. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. T. 4. D. 7441. L. 1–8.
18. NARB [NARB]. F. I-295. Op. 3. T. 4. D. 7454. L. 1–8.

Yulia U. Safaraleeva – Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Industrial Institute (branch) Yugra State University (Nefteyugansk), e-mail: safaraleewa@mail.ru

Received December 18, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сафаралеева, Ю. У. Ходатайства мусульманских общин Тобольской губернии о строительстве, ремонте и статусе мечетей (1860–1870-е гг.) / Ю. У. Сафаралеева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 47–53. DOI: 10.14529/ssh260305

FOR CITATION

Safaraleeva Y. U. Petitions from the Muslim communities of the Tobolsk region for the construction, renovation, and status of mosques (1860s–1870s). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 47–53. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260305

СОВЕТСКАЯ ЖЕНЩИНА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ 1920–1950-х гг.

Ю. Г. Алексеева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию образа советской женщины как художественного проекта в русской живописи 1920–1950-х гг. В центре внимания находятся механизмы культурной политики визуального конструирования женского образа в контексте социалистической мифологии и культурной политики государства.

Исследование опирается на представление о мифологизированном характере советского «строительства социализма», в рамках которого идеология выступает проективным механизмом культурной политики и задаёт нормативные сценарии социального поведения.

Изучен процесс конструирования женского образа и его связь не только с политико-экономическими задачами государства, но и с выработкой устойчивого визуального канона, транслирующего социальный идеал.

Особое внимание уделяется живописи как виду искусства, обладающему способностью закреплять идеологические смыслы через пластический язык. Рассматриваются художественные способы репрезентации социального идеала: типизация персонажей, композиционная организованность, ритмическая структура, акцент на функциональности жеста и целесообразности движения, а также имперсональность героинь как следствие включённости в производственный процесс. На материале творчества А. Н. Самохвалова и А. А. Дейнеки анализируются женские образы, которые выступают носителями идеологических смыслов и символом «новой женщины».

Делается вывод о двойной природе образа советской женщины – как художественного феномена и как инструмента символического закрепления идеологической нормативности.

Ключевые слова: А. А. Дейнека, А. Н. Самохвалов, образ, «новая женщина», соцреализм.

Введение

Значимый импульс к постановке вопроса для настоящей статьи дает понимание культуры как эстетического проекта организации действительности. Б. Гройс трактует советскую власть как систему, создающую «тотальное произведение искусства», где соцреализм выступает не столько как стиль, сколько как механизм визуальной материализации «должного» [1]. В сходной логике В. Паперный описывает сталинский архитектурно-визуальный режим через модель «Культуры Два» как иерархичной, монументальной, централизованной и нормативной [2], что позволяет рассматривать живопись как элемент единого организованного пространства эпохи. Появляется идея о государстве как произведении искусства, где власть мыслит государство как единое художественно организованное целое и стремится оформлять социальную реальность по единому художественному замыслу.

Актуальность изучения советской визуальной культуры 1920–1950-х гг. подтверждается большим количеством соответствующих публикаций западных и отечественных искусствоведов и определяется необходимостью уточнить состав и структуру проекта «советская женщина» как системы представлений об идеале и недостаточной разработанностью вопроса о том, какие именно художественные приёмы живописи обеспечивали устойчи-

вость и узнаваемость женских типажей соцреалистического канона. Изучение воплощения женских образов выполняет как искусствоведческие, так и культурно-исторические исследовательские задачи.

При наличии обширного теоретического анализа советского периода сохраняется искусствоведческая ниша: системное сопоставление конкретных живописных решений и приемов репрезентации нормы на материале отдельных произведений и авторов в соотношении с аспектами идеала «советской женщины». Научная новизна работы заключается в переводе общих историографических выводов на уровень анализа изобразительного языка и его функций.

Образ «советской женщины» в культуре СССР первой половины XX века выступает как нормативная модель и одновременно как идеологическая конструкция. В условиях переоценки советского наследия, активизировавшейся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., становится возможным более дистанцированное рассмотрение механизмов конструирования данной модели и способов её визуализации.

Цель исследования – на основе характеристики историко-культурного контекста и нормативных установок культурной политики, влияющих на формирование идеологического проекта «советской женщины», определить основные семантические компоненты, проанализировать материал

произведений живописи 1920–1950-х гг. и выделить типологию ключевых визуальных ролей, а также художественных средств репрезентации с помощью которых закрепляется социальный идеал.

Обзор литературы

В массиве искусствоведческих и культурологических исследований, посвященных визуальной культуре советского периода 1920–1950-х гг., преобладает исторический подход в изучении советской художественной культуры. Решаются вопросы создания стиля соцреализм, изучается творчество художников в целом и в контексте новых художественных формаций.

В историографии советского искусства женский образ рассматривается на пересечении истории живописи, культурной политики и визуальных стандартов соцреализма. И. Н. Голомшток описывается официальное искусство через систему истории и типологии образов [3]. В теоретическом поле Б. Гройс переопределяет соцреализм через категорию «тотального искусства», анализирует политико-эстетическую логику эпохи [1]. Для реконструкции советской искусствоведческой оптики важны тексты А. А. Федорова-Давыдова как источник языка описания и критериев «правильной» репрезентации [4]. Постсоветская синтетика В. С. Манина полезна для периодизации и объяснения перехода от плюрализма 1920-х гг. к нормативности 1930-х [5]. В фокусе «соцреализм через художника» особенно значимы исследования К. Киаэр, читающей творчество А. А. Дейнеки через телесность и «коллективное тело», что позволяет связать формальный язык живописи и идеологическую функцию [6].

Методы исследования

Методологическая основа включает в себя искусствоведческий, иконографический и иконологический анализ, элементы семиотического анализа визуального образа как инструмент выявления нормативных моделей женственности в культуре.

В качестве материала исследования отобраны живописные произведения ряда художников указанного периода: А. Н. Самохвалова, Н. А. Касаткина, А. А. Дейнеки, – поскольку творчество этих художников находилось в зоне активной публичной репрезентации и институциональной поддержки. Выбор художников обусловлен их репрезентативностью для формирования и закрепления канона образа «советской женщины» в живописи 1920–1950-х гг. Произведения авторов демонстрируют устойчивый тип женской фигуры, что позволяет проследить не единичные авторские интерпретации, а именно типологические модели, закреплявшиеся в визуальной культуре и транслировавшиеся как нормативные. Обращение в данному корпусу произведений расширяет материал анализа за счёт вариативности художественных решений, позволяя выявить устойчивые компоненты репрезентации проекта. В исследовании рассмот-

рены контекстные источники – нормативные документы и тексты культурной политики, публикации идеологов эпохи, материалы художественной критики и выставочной практики.

Результаты и дискуссия

В 1920–1930-е гг. советское «новое искусство» стало восприниматься как тотальное производство искусства, как художественная организация самой жизни по единому плану, происходит размытие границы между искусством и жизнью, что превращает социальные модели в репрезентируемые каноны. В рамках программы воспитания «нового человека» искусство в СССР рассматривалось как один из ресурсов культурного конструирования и потому включалось в систему институционального регулирования. Эта норма закрепляется в виде метода социалистического реализма, распространявшегося на основные виды искусства.

Причины и предпосылки явления «советская женщина» сложны и обширны. Их подробное изучение не является целью статьи, однако поверхностное обозначение необходимо для понимания рассматриваемой проблематики. Идеологический конструкт «советская женщина», разрабатывавшийся в раннесоветской публицистике и просветительских практиках (А. Коллонтай, И. Арманд, Н. Крупской и др.), задавал не только тезис о равноправии, но и нормативную модель женской роли в новой культуре. Эти установки проецировались на повседневность, формы поведения и репрезентации тела, формируя эстетически считываемый тип, удобный для художественного обобщения. Для искусствоведческого анализа важно, что «мифологическая» составляющая здесь проявляется в канонизации визуальной нормы: героиня наделяется предельно ясной читаемостью роли, а её фигура организует пространство картины как смысловой центр.

Репрезентация правового аспекта в социальном идеале «советская женщина» в произведениях художников 1920–1950-х гг. выражалась через идею правовой свободы и социальной ответственности женщины. В картине Н. А. Касаткина «Знамя революции в крепких руках комсомола» (1925) появляется образ политически активной женщины, на которой наравне с мужчинами лежит ответственность за новое государство. Женщина получает равные права участвовать в политической жизни страны. Художник перекладывает знамя революции из крепких рук мужчины в крепкие руки женщины, которые не только прописаны как мужские, но и осознанно диспропорциональны телу; закатанные по локоть рукава обнажают крепкую руку, держащую знамя революции, первой привлекающую внимание при взгляде на картину. Используя такой образ женщины, художник отменяет все сомнения зрителя в том, что знамя революции находится в надёжных руках. В созданном образе нет женственности, изящества,

кокетства. На картине женщина одета в рабочую, возможно, мужскую рубашку. Появления такой женщины, которой можно будет доверить знамя революции, ждут советские идеологи, уравнивая женщину в политических правах с мужчиной.

Женщина получает право на образование наравне с мужчинами. Уровень образования женщин в СССР служил знаком особых достижений социалистической системы. На всех женщин распространялся закон об обязательном общем среднем образовании.

Рис. 1. А. Н. Самохвалов. Вузовка. 1936–1937.
Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
Fig. 1. A. N. Samokhvalov. Female Student. 1936–1937.
The State Russian Museum. Saint Petersburg

В картине А. Н. Самохвалова «Вузовка» (1936–1937) (рис. 1) художник создаёт образ женщины, получающей высшее образование. Он изображает её фронтально зрителю; в руках женщины книга и цветок – как некий намёк на достижение светлого будущего с помощью труда и знаний. Взгляд женщины направлен не на зрителя, а куда-то вдаль, к будущему, он передает целеустремлённость персонажа. Перед зрителем обобщённый образ советской женщины: её поза, телосложение, причёска – всё это типичные черты портрета советской женщины. На данной картине перед нами не конкретная женщина, получающая высшее образование, а «советская женщина» за учебой.

В этих образах гражданская включённость, готовность к публичному действию и принятие ответственности становятся предметом художественной типизации. Изобразительный язык строится на доминанте жеста и атрибута, которые обеспечивают узнаваемость роли и создают эффект общественной значимости персонажа. Такая трактовка согласуется с соцреалистической установкой на «типическое» как выражение сущности и перспективы социального явления.

Репрезентация экономического аспекта в социальном идеале «советская женщина» в произведениях советских художников 1920–1950-х гг. выражалась художниками через образы рабочих женщин (образы такой женщины, какой она должна была стать, чтобы быть полезной и необходи-

мой, быть частью общего механизма в построении монолитного государства), подчинённых то торжественно-напряжённому, то бурному ритму труда; инженерная логика ажурных строительных конструкций и сама техника становятся воплощением новой эпохи в жизни страны. Женщина становится равным с мужчиной фактором производства, её труд нередко бывает физическим.

Рис. 2. А. А. Дейнека. На стройке новых цехов. 1926.
Государственная Третьяковская галерея. Москва
Fig. 2. A. A. Deineka. At the Construction Site of New Workshops. 1926. The State Tretyakov Gallery. Moscow

Эти тенденции мы видим на картине А. А. Дейнеки «На стройке новых цехов» (1926) (рис. 2): на переднем плане перед нами женщина, выполняющая мужскую работу; её телосложение не женственно и не изящно. Мы видим её со спины; её волосы убраны, чтобы ничто не мешало и не отвлекало от труда. От мужчины её отличает только наличие юбки: если бы художник изобразил её в брюках, распознать за образом советского труженика, с мускулисто развитым телом, занятого традиционно мужским видом деятельности, женщину было бы непросто. На втором плане молодая девушка; ещё не загружена тяжелой работой, но создается впечатление, что она в скором будущем займёт место женщины на первом плане, и этот факт её нисколько не страшит и не смущает, напротив, она жизнерадостна.

В 1920-е гг. А. А. Дейнека увлеченно работает над темой индустриализации. Строительство заводов и фабрик воспринималось как явление исторического масштаба. Художник считал основной задачей искусства поиск художественного языка, способного точно и образно выразить современность. В композиции применен характерный для фотографии и кино принцип монтажной композиции, фигуры людей решены на контрасте масштаба, объема и цвета, они будто противопоставляются фону.

Подобные женские типы мы видим в акварельной серии А. Н. Самохвалова «Девушки Метростроя». Художник стремился быть в эпицентре важнейших событий и процессов своего времени,

в которых видел романтический пафос созидания. Строительство метро в середине 1930-х гг. было таким явлением. В 1937 г. художник на основе одного из листов акварели написал маслом портрет-картину «Метростроевка со сверлом». «Некоторые образы этих метростроевок я воссоздал в картине большого размера, пользуясь иногда и натурой, но это отнюдь не было портретом. Очень хорошо выразился А. А. Дейнека по поводу двухметрового холста, на котором изображена девушка с отбойным молотком: «Она, как богиня, и все-таки она наша, русская девчонка»» [7, с. 207].

На картине А. А. Дейнеки «Текстильщицы» (1927) три девушки заняты на текстильном производстве, каждая из них выполняет определенный вид работы, что ведёт к механизации человеческого труда, потере индивидуальности. Зритель наблюдает последовательно производственный процесс, который представлен в развитии. Художник передает целесообразность и точность движений работниц, динамику современного труда в новых условиях фабричного пространства.

«Черты плакатного принципа решения видны здесь с первого взгляда: подчеркнутая плоскостность, белый фон, четкий ритм, имперсональность героинь, занятых делом» [8, с. 5].

Рис. 3. А. Н. Самохвалов. Ткацкий цех. 1929. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
Fig. 3. A. N. Samokhvalov. Weaving Shop. 1929. The State Russian Museum. Saint Petersburg

У А. Н. Самохвалова в картине «Ткацкий цех» (1929) (рис. 3) фабричное пространство трактуется иначе. Его ткачихи – девушки своего времени, они включены в ритм машин не как обезличенные элементы механизма, а как организаторы и «укротительницы» производственного движения. «Две-три юные ткачихи спокойно, как няни, ходили среди станков <...>, как бы одобряя их довольно буйный ритм и с той же человеческой ласковостью исправляя возможные неполадки. А шпульница в белой кофточке с чёрными полосами точно танцевала среди станков, устанавливая новые шпульки и забирая из красных ящиков израсходованные» [7, с. 128].

Визуальный акцент смещается на координацию тела и техники: повторяемость операций становится формой дисциплины и профессиональной уверенности, а фабрика предстает упорядоченным пространством современной жизни.

Рис. 4. А. Н. Самохвалов. Кондукторша. 1928. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург
Fig. 4. A. N. Samokhvalov. Female Conductor. 1928. The State Russian Museum. Saint Petersburg

В работе «Кондукторша» (1928) (рис. 4) изображена не просто женщина, продающая билеты и следящая за порядком в трамвае. Художник подчеркивал, что хотел заставить зрителя почувствовать, как простая работница, дающая энергичным жестом сигнал хода, управляет грозной и страшной силой – электричеством. «Если бы ей навстречу попала Афина в своей колеснице, то удивлена была бы не кондукторша, а Афина. Так я думал тогда. Мне казалось все ясным. Пафос “Кондукторши” остается пафосом той эпохи» [7, с. 129]. Героиня господствует в футуристически динамичном пространстве трамвая. Половина лица озарена зелено-голубым светом электрической вспышки, и это сияние разливается по ее могучей груди, откликаясь в очертаниях открытой ладони. А. Н. Самохвалов стремится возвысить образ до значения символа эпохи, использовать язык монументальной живописи.

Художник создал первые образы новых, советских людей. Не только запечатлел черты их внешности, но прежде всего воспел их. Именно установка на типическое, на «образец» позволяет художественно закрепить женскую включённость в производственный мир как норму.

Экономическая свобода и ответственность «новой женщины» репрезентируются через функциональную телесность и строятся вокруг героики труда. Женский образ конструируется как тип советского труженика, где гендерное различие намеренно ослаблено в пользу роли и производственной функции.

Задача изображения действительности в его развитии, то есть в перспективе должного, в изобразительном искусстве достигается через телесность, атрибут труда, функциональную среду и ритм композиции.

Репрезентация нравственного аспекта в идеале «советская женщина» выражалась художниками через образ ответственности, которая заключалась в подчинении своих личных желаний и устремлений коллективному, в обязательном исполнении трудовых обязанностей. Выполняя даже тяжелую работу, женщина должна была оставаться жизнерадостной, не терять оптимизма и веры в светлое

будущее, она обязана была следить за своим здоровьем и укреплять его.

Мотив героического как неотъемлемой составной части спорта получил преломление и в сфере женского портрета-типа, где ведущей являлась идея, согласно которой молодая, вступающая в «большую жизнь» девушка могла справиться с возложенными на нее новыми (ранее считавшимися совершенно не женскими) задачами, в первую очередь, благодаря именно спорту [8, с.13].

Для А. Н. Самохвалова телесная культура была радостью бытия – той радостью, которая накапливала потенциал преодоления трудностей в борьбе за построение новой жизни. В картине «Девушка в футболке» (1932) автор изобразил учительницу Евгению Петровну Адамову. Однако в ее облике воплощены типические черты «новой женщины» – воплощение оптимизма, красоты молодости, силы, счастья. В произведении воплотилось представление об эпохе, «прекрасной современнице, девушке, каких не было раньше» [10]. Приметы монументальности отличают ясную композицию, широту письма, «фресковость» фактуры. Футболка – одежда времени, изящно облегаящая фигуру и придающая девушке современный вид.

Толкание ядра, дисциплина в лёгкой атлетике, появилось в Англии в середине XIX в. и долгое время считалось преимущественно мужским спортом. Однако со временем женщины тоже начали участвовать в соревнованиях. На картине «Девушка с ядром» (1933) А. Н. Самохвалов изображает юную спортсменку. «Советская женщина» была спортивно-мускульной, антиженственной – и это ясно видно через образ её тела.

Очевидной становится идеализация человеческого тела. Экспрессивная деформация при изображении мускулистых, аскетических спортсменов и рабочих, выражающая предельное физическое напряжение во время состязаний или в работе, уступает место гармонической красоте.

Легкоатлетическая эстафета вдохновила А. А. Дейнеку на создание картины «Эстафета» (1947) (рис. 5). Художник изображает три пары спортсменов (трое юношей и три девушки). Композиция строится вокруг белой линии на асфальте, которая обозначает финиш одного этапа и старт следующего.

«Художник не наделил персонажей картины индивидуальными чертами, а дал “вариации типа”». А. А. Дейнеку интересовали «не характеры, а характерность, проявляющаяся прежде всего в движении, позе, повадке, то есть качествах, опять-таки воспринимающихся сразу» [10, с. 117].

По мнению искусствоведа В. П. Сысоева, «Картина убедительно передаёт “биение светлых здоровых сил жизни”, изображает гармоничного человека, эстетические и нравственные начала, заложенные в его духовном и физическом облике» [11, с. 118], как и в работе «Лыжники» (1931), где женщины участвуют в соревнованиях наравне

с юношами. Спортивное событие послужило причиной создания работы «Бегунья» (1936). Телесность у А. А. Дейнеки неизменно оптимистична, он воспекает красоту и совершенство здорового женского тела. Женское тело всегда куда-то устремлено – к победе, трудовому рекорду, в будущее.

Рис. 5. А. А. Дейнека. Эстафета. 1947.
Государственная Третьяковская галерея. Москва
Fig. 5. A. A. Deineka. Relay Race. 1947.
The State Tretyakov Gallery. Moscow

Подобная логика репрезентации темы соответствует соцреалистическому пониманию художественного образа как модели должного: не фиксировать случайное, а формировать тип, воспитывающий зрителя. Отсюда телесная культура, героика преодоления и коллективный пафос, которые переводят нравственную норму в видимую форму. Нравственный идеал «советской женщины» выражается через канон телесной нормы и эстетики дисциплины: здоровье, спортивность, готовность к усилию, жизнерадостность, оптимизм, где телесность становится носителем нормы.

Создается идеал советской женщины не как носителя частной психологии, индивидуальных черт, а как нормативный образ, поддерживающий идею коллективного.

Выводы

В заключение целесообразно подчеркнуть, что рассмотрение проекта «советская женщина» через призму советского идеологического проектирования позволяет увидеть в живописи 1920–1950-х гг. не столько «отражение» социальной реальности, сколько механизм её нормативного конструирования. Искусство встраивается в проективную логику государства и начинает функционировать как один из инструментов преобразования сознания и повседневности.

Проведённый анализ показывает, что в официальной доктрине и в визуальной культуре формируется нормативная матрица женской идентичности: гражданская активность, трудовая дисциплина, коллективизм, оптимизм, готовность к самоотдаче конструируются как универсальные признаки.

Ключевым результатом является выявление того, что способы реализации проекта в живописи 1920–1950-х гг. структурируются вокруг трёх взаимосвязанных аспектов социального идеала – гражданского, экономического и нравственного. Правовой аспект проявляется в визуализации включённости женщины в коллективную политическую ответ-

ственность. Экономический аспект выражен через акцент на трудовой телесности и профессиональной компетентности: женская фигура репрезентируется как ресурс модернизации и производительной силы, а труд – как форма социализации и подтверждение «равенства». Нравственный аспект закрепляет ценности дисциплины и оптимизма.

Важно подчеркнуть, что живопись рассматриваемого периода функционирует как визуальный регламент – она не только изображает «как есть», но предлагает «как должно быть», создавая модель мира, претендующую на переход из художественного пространства в социальную действительность. Отсюда вытекает принципиальная особенность репрезентации: в произведениях А. Н. Самохвалова, Н. А. Касаткина, А. А. Дейнеки и других художников образ «советской женщины» строится не как психологический портрет, а как знаковая конструкция, где выразительные средства подчинены задаче нормализации идеала. Это позволяет рассматривать живопись как часть механизма реализации культурной политики, в рамках которого закреплялись нормативные модели новой женственности. Такой выбор обеспечивает сопоставимость материала и делает возможным анализ устойчивых визуальных стратегий, которые работали на легитимацию идеологического проекта.

Таким образом, проект «советская женщина» в живописи 1920–1950-х гг. следует понимать как художественно оформленный элемент советской системы идеологического проектирования, где репрезентация становится формой социального управления и воспитания. Перспективы дальнейшего исследования связаны с уточнением эволюции этого идеального типа в динамике десятилетий, а также с сопоставлением живописных образов с другими медиумами визуальной культуры, что позволит точнее описать механизмы формирования и трансляции «женского» в системе советского культурного проекта.

Литература

1. Гройс, Б. Искусство утопии / Б. Гройс. – М. : Художественный журнал, 2003. – 247 с.
2. Паперный, В. Культура Два / В. Паперный. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.
3. Голомшток, И. Н. Тоталитарное искусство / И. Н. Голомшток. – М. : Галарт, 1994. – 296 с.
4. Федоров-Давыдов, А. А. Русское и советское искусство / А. А. Федоров-Давыдов. – М. : Искусство, 1975. – 739 с.
5. Манин, В. С. Искусство и власть: борьба течений в советском изобразительном искусстве / В. С. Манин. – СПб. : Аврора, 2008. – 384 с.
6. Кайер, К. Коллективное тело. Александр Дейнека на грани социалистического реализма / К. Кайер. – Чикаго. : Издательство Чикагского университета, 2024. – 360 с.
7. Самохвалов, А. Н. Мой творческий путь / А. Н. Самохвалов. – Л. : Художник РСФСР, 1977. – 318 с.
8. Дмитренко, А. Ф. «О, спорт – ты мир!» / А. Ф. Дмитренко, Р. А. Бахтияров // Спорт в искусстве: Альманах. Вып. 256. Каталог выставки. – СПб. : Palace Editions, 2009. – 22 с.
9. Дмитренко, А. Ф. Русский портрет. XX век / А. Ф. Дмитренко. – СПб. : Макромедиа, 2008. – 384 с.
10. Мочалов, Л. В. Художник, картина, зритель. Беседы о живописи / Л. В. Мочалов. – Л. : Художник РСФСР, 1963. – 144 с.
11. Сысоев, В. П. Александр Дейнека : монография : в 2 т. / В. П. Сысоев. – М. : Изобразительное искусство, 1989. – 295 с.
12. Сысоев, В. П. А. Дейнека. Мастера советской живописи / В. П. Сысоев. – Л. : Аврора, 1971. – 171 с.
13. Коллонтай, А. М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства / А. М. Коллонтай – М. : Пг., 1923. – 110 с.

Алексеева Юлия Геннадьевна – аспирант института гуманитарных наук кафедры искусствоведения и креативных индустрий, Алтайский государственный университет (Барнаул), e-mail: y.alexeeva1603@gmail.com. ORCID 0009-0007-5314-8024

Поступила в редакцию 1 марта 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260306

THE SOVIET WOMAN AS AN ARTISTIC PROJECT IN SOVIET PAINTING OF THE 1920s–1950s

Y. G. Alekseeva

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

This article examines the image of the Soviet woman as an artistic project in Russian painting of the 1920s–1950s, focusing on the mechanisms of cultural policy that shaped

the portrayal of women within the context of socialist mythology and the ideological agenda of the Soviet state.

The study is based on the understanding of the mythologized nature of Soviet “socialist construction,” in which ideology serves as a projective tool for cultural policy and establishes normative scenarios of social behavior. The creation of the female image is examined in relation to both the state’s political and economic objectives and the formation of a coherent visual canon that communicates the social ideal.

Special attention is given to painting as an art form that can convey ideological meanings through its plastic language. The article discusses artistic strategies for portraying the social ideal, including the typification of characters, compositional arrangement, rhythmic structure, emphasis on the functionality of gestures and the purposefulness of movements, as well as the impersonal nature of the heroines as a result of their inclusion in the production process. The study uses works by A. N. Samokhvalov and A. A. Deineka as examples to analyze female figures that serve as carriers of ideological messages and symbols of the “new woman”.

The article concludes that the image of the Soviet woman has a dual nature: it is both an artistic phenomenon and a tool for the symbolic reinforcement of ideological normativity.

Keywords: A. A. Deineka, A. N. Samokhvalov, image, “new woman,” Socialist Realism.

References

1. Groys B. *Iskusstvo utopii* [The Art of Utopia]. Moscow: Art Magazine, 2003. 247 p.
2. Papernyi V. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: New literature review, 1996. 384 p.
3. Golomshtok I.N. *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian Art]. Moscow: Galart, 1994. 296 p.
4. Fedorov-Davydov A.A. *Russkoe i sovetskoe iskusstvo* [Russian and Soviet Art]. Moscow: Art, 1975. 739 p.
5. Manin V.S. *Iskusstvo i vlast': bor'ba techenii v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve* [Art and Power: The Struggle of Trends in Soviet Visual Art]. Saint Petersburg: Avrora, 2008. 384 p.
6. Kiaer C. 2024. *Collective Body: Aleksandr Deineka at the Limit of Socialist Realism*. Chicago: University of Chicago Press, 2024. 318 p.
7. Samokhvalov A.N. *Moi tvorcheskii put'* [My Creative Path]. Leningrad: RSFSR Artist. 1977.
8. Bakhtiarov R.A., Dmitrenko A.F. “O, sport – ty mir!” [“Oh, Sport, You Are Peace!”] // *Sport v iskusstve: al'manakh*. Vyp. 256. Katalog vystavki. Saint Petersburg: Palace Editions, 2009. P. 13–22.
9. Dmitrenko A.F. *Russkii portret. XX vek* [Russian Portrait: The 20th Century]. Saint Petersburg: Makromedia, 2008. 384 p.
10. Mochalov L.V. *Khudozhnik, kartina, zritel'*. Besedy o zhivopisi [Artist, Painting, Viewer: Conversations on Painting]. Leningrad: RSFSR Artist, 1963. 144 p.
11. Sysoev V.P. *Aleksandr Deineka* [Aleksandr Deineka]: monografiia: v 2 t. Moscow: Visual Art, 1989. 295 p.
12. Sysoev V.P. *A. Deineka. Mastera sovetskoj zhivopisi* [A. Deineka. Masters of Soviet Painting]. Leningrad: Avrora, 1971. 171 p.
13. Kollontai A.M. *Trud zhenshchiny v evoliutsii narodnogo khoziaistva* [Women’s Labor in the Evolution of the National Economy]. Moscow; Petrograd, 1923. 110 p.

Yulia G. Alekseeva – Postgraduate Student of the Department of Art History and Creative Industries, Institute of Humanities, Altai State University (Barnaul), e-mail: y.alexeeva1603@gmail.com

Received March 1, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Алексеева, Ю. Г. Советская женщина как художественный проект в отечественной живописи 1920–1950-х гг. / Ю. Г. Алексеева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 54–60. DOI: 10.14529/ssh260306

FOR CITATION

Alekseeva Y. G. The Soviet woman as an artistic project in soviet painting of the 1920s–1950s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 54–60. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260306

«ПРИНЦИП ТЕЛЕСНОСТИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА ВАДЖРАЯНЫ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ С РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКИМ ПОЛОЖЕНИЕМ «КАУА» (САНСКР.: «ТЕЛО»)

В. В. Деменова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье рассматривается буддийская религиозно-философская концепция «трех тел Будды» и ее влияние на смысловую и иконографическую составляющую искусства ваджраяны, – основного направления буддизма на территории исторического Тибета, Монголии, Непала, а также трех буддийских регионов России. Анализируется терминологический аппарат и концептуальный контекст различных буддийских текстов, касающихся феномена «кауа» (санскр.: «тело»). Исследуется термин «изображение» (тиб.: кусук, санскр.: кауа-гура – «тело-форма»), понимаемый традицией буддизма как «опора тела» в практике медитации и одновременно являющийся визуальным воплощением духовных качеств изображенного, что определяет сакральный статус скульптуры и живописных изображений тханка в искусстве буддизма ваджраяны. Выдвигается тезис о том, что взаимосвязь религиозно-философского термина «кауа» (санскр.: «тело») с основными законами формообразования объектов искусства буддийского тантризма в совокупности со спецификой их восприятия адептами буддизма в искусствоведческом аспекте может быть названа «принципом телесности». Данный принцип, в поле искусствоведческих исследований помогающий лучше понять внутреннюю сущность, цель создания и уровни восприятия объектов сакрального искусства буддизма, раскрывается в статье на примере живописных свитков-тханка, скульптуры и архитектурной формы ступы.

Ключевые слова: искусство буддизма, теория искусства Востока, ваджраяна, Будда, трикая.

Введение

В буддологических исследованиях учение буддизма обычно делится на три основных направления: хинаяна (малая колесница), махаяна (большая колесница) и тесно связанная с ней традиция ваджраяны (алмазная колесница). Ваджраяна как самостоятельная ветвь буддизма, предполагающая возможность быстрого достижения состояния пробуждения, формировалась на территории Индии в VII–XII вв., но с XII века ее центром принято считать историческую территорию Тибета и регионы его влияния – Непал, Бутан, Монголию, российские Бурятию, Калмыкию, Туву, где учение ваджраяны является основным видом буддизма. Также ряд ваджраянских школ можно обнаружить в Китае и Японии. Для достижения скорейшего (или мгновенного, т. е. за одну жизнь) пробуждения в ваджраяне были разработаны новые методы и практики тренировки ума и состояния сознания, а также специфические тексты – тантры (отчего еще одним названием данного направления является «тантрический буддизм»). Нужно отметить, что данное обозначение в большей степени характерно для исследовательского корпуса текстов, внутри самого же учения принято говорить о «колеснице мантр» и «колеснице сутр»¹ [1].

Практики тантрического буддизма имеют закрытый характер, поскольку для неподготовленного сознания могут представлять реальную опасность, а тексты (тантры) хотя и являются доступными для чтения в данный исторический период времени, без особых посвящений и наставлений духовного Учителя (тиб. «ламы») не могут быть использованы по назначению. Таким образом, кроме текстовой и визуальной традиции, наиболее важной для ваджраяны является система передачи знания посредством Учителя [2].

Визуальный мир ваджраяны занимает уникальное место внутри буддийского искусства. И хотя основные формы пространственных искусств буддизма были заложены в нем еще в момент рождения, именно в ваджраяне эти формы искусства (живописный и скульптурный антропоморфный образ, а также архитектурно-скульптурное сооружение ступы) достигают своего максимума в качестве искусства, представляющего собой метод, опору для достижения состояния пробуждения, а также визуальную поддержку во время тренировки ума. Несмотря на то что ряд изображений, таких как Будда Шакьямуни или бодхисаттва сострадания Авалокитешвара, можно встретить

¹ В отношении этих терминов Его Святейшество Далай Лама отмечает: «Я не употребляю термины “Малая Колесница” и “Великая Колесница”, поскольку подобная терминология многое усложняет; мне кажется, что уместнее было бы говорить о “Колеснице шраваков” и “Колеснице бодхисаттв”. Дело в том, что термин “Малая Колесница”, или Хинаяна, вовсе не означает нечто второстепенное и потому достойное пренебрежения. В “Мантраяне” представление о том, что посредством “Колесницы шраваков” невозможно преодолеть препятствия на пути к освобождению и вырваться из сансары – круговорота бытия, – считается грубым нарушением тантрических обетов. Посему подчеркивается, что Колесница шраваков достойна глубокого уважения и не должна считаться второстепенной. К тому же с точки зрения практики следует применять все практики всех колесниц, за очень немногими исключениями».

практически во всех направлениях буддизма, визуальный язык ваджраяны серьезно отличается от других направлений как по количеству (пантеон доходит до 500 канонических изображений), так и по иконографии (появление многочисленных изображений, связанных с созерцательной практикой и учением о дхьяни-буддах (татхагатах), чье изображение может быть единичным, а может быть представлено в виде божественного союза со своими супругами (тиб. яб-юм, санскр. майтхуна – «соитие»), появление в подобной же иконографии изображений йидамов (например, Чакрасамвара, Гухьясамаджа, Калачакра и др.), большого количества гневных образов (например, Махакала, Ваджрапани, образы гневных дакинь и т. д.)) [3].

Внешнее разнообразие изображений божеств ваджраяны, огромное количество их атрибутов, их отличность в каждой стране бытования и различные уровни восприятия сакральных образов самими буддистами может произвести впечатление большого визуального хаоса, однако учение ваджраяны, как и в целом буддизма, представляет собой стройную и логически выверенную систему, внутри которой лежат определенные правила и принципы. Эта системная стройность и взаимосвязанность всех ее элементов может быть рассмотрена на примере иерархичности персонажей пантеона в иконографии, или, например, на общем теоретическом искусствоведческом подходе, ставящем перед собой задачу раскрытия смысловых коннотаций сакрального образа, с точки зрения заложенных в нем уровней отражения философско-религиозных феноменов. На основе анализа буддийских текстов, комментариев на них современных учителей этой традиции, а также развитой отечественной и зарубежной традиции буддологии таких «фокусирующих» принципов в искусстве ваджраяны может быть выделено несколько. Вероятно, одним из ключевых религиозно-философских представлений, повлиявших на принципы формирования в искусстве буддизма ваджраяны, стало представление о «кауа» (санскр.: «тело»).

Обзор литературы

С точки зрения стилистического анализа и иконографических исследований искусство ваджраяны хорошо изучено. Первые разработки в этой области датируются еще началом XX века и были сфокусированы в основном на искусстве Тибета, поскольку долгое время в целом искусство ваджраяны рассматривалось прежде всего в региональном ключе и описывалось исключительно как «тибетское искусство». Это труды, касающиеся специфичности пантеона ваджраяны первой трети XX века (А. Гетти, 1914; А. К. Гордон, Ф. Д. Лессинг, Р. Небески-Войковиц, Ю. Н. Рерих «Тибетская живопись», все – 1925; Б. Бхаттачарья «Индийская буддийская иконография», 1931; А. Кумарасвами «Элементы буддийской иконографии», 1935, а также труды Дж. Туччи и многих других).

Вторая половина XX столетия ознаменовалась формированием исследовательских школ, описывающих искусство ваджраяны на основе крупных музейных коллекций и материалов экспедиций, среди которых особо стоит выделить итальянскую школу и работы Дж. Туччи, среди которых ключевой является работа «Тибетские живописные свитки» (1949) [4], школу исследователей, сформировавшихся вокруг Рубин-музея (Нью-Йорк), и исследования Дэвида Джексона «История тибетской живописи» (1996) [5], работы Дебрецени (2012) [6], а также отечественную школу исследователей, рассматривающую уже шире – искусство ваджраяны в региональном аспекте его бытования, на базе крупных собраний буддийского искусства в собраниях Государственного Эрмитажа, Государственного музея Востока, Национального музея Республики Бурятия и ряда других. Это фундаментальные труды и каталоги Ю. И. Елихиной, С. Б. Бардалеевой, С. Г. Батыревой, Э. В. Ганевской, А. Ф. Дубровина, Е. Д. Огневой, Д. В. Иванова, Ц. Б. Бадмажапова, Е. В. Асалхановой, А. Ж. Бальжуровой и многих других.

Ряд аспектов, раскрывающих взаимосвязь иконографии ваджраяны, ее символики и религиозно-философских положений буддизма, изложены в докторской диссертации Ю. И. Елихиной «Проблемы формирования и развития тибетского буддийского искусства XI – нач. XX вв. (по материалам тибетской коллекции Государственного Эрмитажа)» (2022) [7]. В плане методологических подходов, исследователей, касающихся сходной проблематики, необходимо отметить работу Лауры Вейн (2016), рассматривающую на трех примерах тибетской живописи взаимосвязь изображения и сотериологическую цель ее создания в тантризме [8].

Методы исследования

В основу методологии исследования легли принципы школы традиционалистов и их последователей, полагающих, что для выявления внутренних смыслов объектов сакрального искусства необходимо исследование религиозных текстов, в том числе вычленение в них системообразующих религиозно-философских констант, повлиявших на зарождение принципов и форм определенной религии. Исследования ключевых представителей традиционализма (Т. Буркхардт, Р. Генон, А. Кумарасвами, Ф. Шуон, М. Лингс, С. Х. Наср, к этим именам также можно отнести труды Павла Флоренского и др.) заложили методологическую основу искусствоведческих подходов в области описания и анализа объектов сакрального искусства в XX веке. В случае с буддизмом также крайне важным является не только изучение текстологического корпуса в его сопряжении с визуальным каноном и иконографией, но и сам принцип передачи Учения, исследование специфики его методов.

Как уже было отмечено выше, применительно к буддийскому искусству ваджраяны исследовате-

ли в основном использовали иконографический, иконометрический и стилистический способы анализа, т. е. в основном опирались на историко-искусствоведческий подход. На современном этапе обширный корпус буддологических исследований (особо выделим выдающихся отечественных исследователей-буддологов В. П. Андросова, А. М. Донца, С. П. Нестеркина [9–11]), а также корпус размещенных в открытом доступе различных текстов тантрического буддизма и весомая база иконографических и стилистических исследований искусства буддизма позволяют применить методологию традиционализма относительно анализа объектов искусства буддийского тантризма. Этот подход позволяет затрагивать не только вопросы истории буддийского искусства, его стилистики и бытования, верхнего уровня символики, но и глубже заглядывать в смысловые коннотации, заложенные самой религиозной традицией в объектах искусства, чуть лучше понимать типы взаимосвязей эстетического и сакрального внутри буддийской культуры.

Результаты и дискуссия

Представление о трех телах Будды возникло в лоне махаяны в I–II вв. в Индии. Внутри буддийского учения дхармакайя (с санскр. «тело закона / учения») рассматривается в соотнесенности с рупакайя (с санскр. «тело форм»), которое делится на два: самбхогакайя (с санскр. «тело наслаждений») и нирманакайя (с санскр. «явленное тело»). Тело закона Будды (дхармакайя) невозможно постичь в обычном состоянии сознания, оно описывается как непостижимое с помощью размышления, поскольку постигается прямым видением, оно недвойственно, и его визуальным отражением считается ступа. Самбхогакайя является телом, которое доступно видению бодхисаттв, но тем не менее оно имеет ряд иконографических форм, с точки зрения ваджраяны в этом же теле Буддой была изложена тантра. Нирманакайя – явленное тело, в форме которого Будда воплощался как царевич Сиддхарха и достиг пробуждения и затем давал учение, а также в иконографическом плане нирманакайя представлена наставниками, учителями.

Вероятно, не случайно не постижимое размышлением тело Будды (дхармакайя) в практике и искусстве буддизма представлено самой абстрактной объемно-пластической формой – формой ступы. Оставив за рамками данной статьи эволюцию ее формы и предназначения от реликвария (восемь легендарных ступ, в которых был размещен прах (санскр. шарира) Будды Шакьямуни), до многочисленных ступ Тибета, выполнявших роль сакрализации ландшафта, отметим, что, являясь символом дхармакаи (телом учения / Дхармы) и будучи объемно-пластическим объектом, несущим в себе смыслы и архитектуры, ступа являлась «зашифрованным модулем», содержащим в себе всю многомерность буддийского символизма, который рас-

крывается в зависимости от уровня погружения в учение. Ступа как олицетворение «тела дхармы», образ которой уже не доступен обычным существам, абстрактно символична. Три основные части ступы при любых регионально-стилевых особенностях означают тело (основание), речь (купол) и ум Будды (хармика-шпиль). Но несмотря на эту абстрактность, свернутость смыслов, на уровне пропорционирования ступа в своем классическом тибетском облике, где купол заменяется на сосуд, также «незримо» включает в себе и тело Будды в его антропоморфном виде. Титус Буркхардт, описывая скрытый / внутренний антропоморфизм формы ступы, отмечает, что форма ступы есть олицетворение мирового тела Татхагаты, а ее разнообразные уровни символизируют собой разнообразие уровней существования, подобно человеческому телу Будды [12, с. 165]. Эту соотнесенность «тела Будды» и формы ступы как «тела Дхармы» создал в качестве наглядного рисунка художник, исследователь и буддийский практик Роберт Бир. Сделав на основе сопоставления пропорций графическое наложение двух объектов друг на друга, исследователь отмечает, что квадратное основание ступы, состоящее из нижнего пояса стен, трех ступеней, основного фасада, карниза, кромки и вершины, следует тем же иконографическим пропорциям, что и львиный трон Будды. Далее ступени, идущие от основания ступы, соотносимы с со скрещенными ногами в лотосовой или ваджрной асане. Основное тело (сосуд / купол) ступы соотносимо с торсом Благословенного, но главное – это ниша в центре основного объема ступы, где может быть установлено изображение божества, которое точно совпадает с анахатой (сердечной чакрой) Будды. Хармика над куполом представляет его лицо [13, с. 143]. Соотнесенность антропоморфизма «тела Будды» и «тела Дхармы» в форме ступы можно увидеть не только в тибетских чортенах, но и, например, в непальских ступах, форма которых близка к первым индийским образцам, и где существует традиция изображать «глаза Будды» с четырех сторон квадратной хармики. В образе самой знаменитой из ступ подобного рода, ступе Сваямбхунатх в Катманду, телесность ступы становится визуальной очевидностью. Сочетание человеческого «взгляда» ступы и ее абстрактных геометрических форм позволяет скорее ощутить, чем осознать, визуальное указание на то, что собой являет дхармакайя, как эта абсолютная природа пробужденного ума бесконечна в своих проявлениях.

Телесность ступы как «тела Дхармы» неочевидна, это телесность другого порядка, телесность, уже не имеющая форм, поэтому она не может быть сведена к какому-то одному символическому прочтению. Абстрактность, геометричность ее форм дают целый веер значений, каждое из которых представляет собой самостоятельную область зна-

ний внутри буддийской философии, и каждое из этих значений является своеобразным системным кодом внутри тантры. К таким смысловым слоям можно отнести тот факт, что оплотнение образа «дхармакаи» в форме ступы происходит на основе плана-мандалы. И именно в системе ваджраяны ступа (тиб. чортен) как объемно-пластическая форма, вобравшая в себя в том числе и смыслы ранних индийских ступ как реликвариев, проявляет в себе смыслы, структуру и функцию ступы, храма и мандалы одновременно, о чем свидетельствует ряд памятников Ладака или знаменитая тибетская ступа XV века в Гьянце, которая даже визуально является и храмом, и чортеном одновременно. Как пространственные и пространственно-архитектурные модели (дворец божества) живописные и графические мандалы очень разнообразны и использовались в передаче самых закрытых (тайных) учений внутри тантры.

Как отмечалось выше, самбхогакая (тело наслаждений) и нирманакая (явленное тело) могут быть изображены в виде различных антропоморфных буддийских образов в живописи и скульптуре.

Как и в ранней махаяне, так и в современный период, тело Будды, его трансцендентная природа может описываться в текстах и наставлениях буддийских учителей с точки зрения двух тел Будды: тело дхармы (дхармакая) и тело цветов и форм (рупакая), которое уже в ваджраяне стало делиться на два: самбхагакая и нирманакая [14, с. 238]. О типе взаимосвязи дхармакаи и рупакаи Его Святейшество Далай-Лама XIV отмечает: «Считается, что у Будды два тела: Дхармакая и Рупакая. Благо других осуществляют посредством возвышенного деяния речи Будды, но подобная речь влияет на учеников, только если она исходит от явленного тела – Рупакаи. По этой причине Рупакая называется “тело для других”. К тому же, чтобы обрести такую Рупакаю, необходимо достичь полного постижения и полной свободы, когда все препятствия растворяются в сфере реальности. Полное постижение и полная свобода составляют Дхармакаю, которая считается осуществлением собственного блага. Таким образом, есть связь между Рупакаей и устремлением принести благо другим, а также между Дхармакаей и устремлением к собственному просветлению» [1, с. 103]. Это объяснение взаимосвязи «непроявленного» и «проявленного» тел Будды на философском уровне имеет непосредственное отношение к особой медитативной практике ваджраяны, называемой «йога божества», которая предполагает после особых ритуалов посвящения и наставлений учителя возможность с помощью визуального воображения практикующего переносить образ божества на собственное сознание и ощущения.

Изображение в таком случае (будь то живописный образ или скульптура) представляет собой «опору тела» медитирующего. Само слово «изоб-

ражение» (тиб. «кусук», на санскрите «кауа-гура») буквально можно перевести как «тело-форма». Этот термин до сих пор является широко применимым в тибетском языке, в специальных трактатах, например, он является одним из главных объектов размышления в тексте Ламы Цонкапы «“Ясное восприятие 35 Будд, очищающих от греха” и “Мера тел богов, называемая Зеркало, в которых ясно видно отражение Победителя”» (XIV в.), который носит иконометрический и иконографический характер. В целом феномен «изображение» рассматривается буддийской традицией с точки зрения относительной и абсолютной природы Будды (относительная и абсолютная истина являются одним из главных предметов размышления в наивысшей школе буддийской философии – мадхьямики). В этой логике Будда есть абсолютная драгоценность, т. к. указывает путь существам к пробуждению, а его изображения являются относительными драгоценностями, но если выполнять практику перед изображением Будды, как перед самим Буддой, то будет накапливаться столько же благих заслуг, как перед самим Буддой [2]. Таким образом, с помощью памятования о том, что изображение имеет относительную природу, преодолевается опасность привязанности практикующего к изображению как таковому. Также отметим, что для высокорезализованных практиков и учителей, чей ум развит и натренирован, изображение как опора ума уже не имеет смысла, поскольку и эта привязанность преодолена, а образы уже глубоко отпечатаны в сознании и сердце.

До этого момента изображение играет для практикующего буддиста роль «ку ртен» – sku rten (тиб.) – «опоры тела», наравне с «опорой речи», которыми являются тексты, и «опорой ума», символом которого является ступа. Применение изображения в качестве «опоры тела», как и любая практика или феномен в буддизме, имеет множество смысловых значений и зависит прежде всего от уровня сознания практикующего и его взаимодействия с изображением. Одним из самых глубоких уровней и закрытых аспектов тантры в этом отношении является процесс представления себя в образе божества. Практика «Йоги Божества» является главной практикой в тантризме [15], внутри которого каждый текст и каждое практическое действие должно сопровождаться «посвящением», что накладывает определенные трудности, вернее, очерчивает границы научного познания его аспектов. Однако вопрос о влиянии эстетического / изобразительного на преобразование сознания, выявление механизмов этого процесса лежат в поле научного исследования. Отвечая на этот вопрос в теоретическом смысле, Л. Вьен отмечает, что в процессе визуализации изображение выполняет роль «опоры тела» в том числе потому, что буддисту в своем стремлении искоренить дуалистическое видение необходимо полагаться на

«эго-превосходящие» объекты. Это точно сформулированное положение фокусирует внимание на основной психофизической технике, происходящей во время визуализации, раскрывая ее «отзеркаливающий» механизм. Кроме того, во время медитации человек концентрирует свое внимание на изображенных деталях, символизирующих определенные духовные константы, таким образом, эстетические детали изображенного интериоризируются в этические и духовные реалии того, кто их визуализирует, меняя / преобразуя его природу.

Выводы

Таким образом, для ваджраяны представление о теле (кауа) Будды как о многомерном феномене, который познается разным состоянием сознания, является одним из системных. Амплитуда проникновения этой концепции в изобразительное искусство тантризма чрезвычайно широка, от абстрактных форм ступы, являющейся символом дхармакаи, до практики «Йоги божества», где изображение используется в качестве «опоры тела». Термин, которым обозначается «изображение» – «кауа-гура» – «ку-сук» – «тело-форма», также содержит в себе представление о всеохватном Телесном Будды. И на этимологическом, и на философско-смысловом уровне буддийского учения ку-ка-я-тело является феноменом, с помощью которого фиксируется взаимосвязь всех уровней реальности, а «изображение» – «тело-форма» – в этой цепочке познания оказывается одним из главных звеньев, помогающих человеку раскрыть свое сознание до Тела Закона Будды, которое уже не имеет форм. Это позволяет выделить «принцип телесности» как один из важных доктринальных и эстетических принципов, пронизывающих искусство ваджраяны.

Литература

1. Далай Лама XIV. Гарвардские лекции / Далай Лама XIV; пер. с тибет. яз. и ред. Д. Хопкинса; пер. с англ. М. Малыгиной. – М.: Изд-во Цонкапа, 2005. – 198 с.
2. Ело Ринпоче. Комментарий к тексту «Лама Чодпа» / Ело Ринпоче; пер. с тиб. Ж. Урабханов. – Улан-Удэ: Ринпоче Багша, 2014. – 232 с.
3. Иконография Ваджраяны: альбом / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. – М.: Дизайн. Информация. Картография, 2003. – 622 с.
4. Tucci, G. Tibetan Painting Scrolls : 3 vols / G. Tucci. – Roma : Libreria Dello Stato, 1949. – 798 p.
5. Jackson, D. P. A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and Their Traditions. Beiträge Zur Kultur / D. P. Jackson. – Wien : Universitätsbuchdruckerei Styria, 1996. – 456 p.
6. The Black Hat Eccentric: Artistic Visions of the Tenth Karmapa / K. Debreczeny, I. A. Alsop, D. P. Jackson, I. Mengele. – New York : Rubin Museum of Art : University of Washington Press, 2012. – 320 p.
7. Елихина, Ю. И. Проблемы формирования и развития тибетского буддийского искусства XI – начала XX в. (по материалам тибетской коллекции Государственного Эрмитажа) : автореф. дис. ... д-ра культурологии / Ю. И. Елихина. – СПб., 2022. – 783 с.
8. Wein, L. Translating the Tibetan Buddhist «Thangka» / L. Wein // The Tibet Journal. – 2016. – Vol. 41, № 1. – P. 9–64.
9. Андросов, В. П. Буддизм Нагарджуны: религиозно-философские трактаты / В. П. Андросов. – М.: Восточная литература, 2000. – 798 с.
10. Донец, А. М. Буддийское учение о медитативных состояниях в дацанской литературе / А. М. Донец. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 150 с.
11. Нестеркин, С. П. Личность в буддизме махаяны / С. П. Нестеркин; отв. ред. С. Ю. Лепехов. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 243 с.
12. Буркхардт, Т. Сакральное искусство Востока и Запада: принципы и методы / Т. Буркхардт; пер. с англ. Н. П. Локман. – М.: Алетея, 1999. – 213 с.
13. Бир, Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов / Р. Бир; пер. с англ. Л. Бубенкова. – М.: Ориенталия, 2011. – 428 с.
14. Андросов, В. П. Индо-тибетский буддизм: энциклопедический словарь / В. П. Андросов. – 2-е изд. – М.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям, 2023. – 407 с.
15. Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам Пути Пробуждения. Т. I-II / Чже Цонкапа; пер. с тибетского языка А. Кугавичуса; под общ. ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2023. – 1712 с.

Деменова Виктория Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), e-mail: vikina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2348-8817

Поступила в редакцию 7 июня 2026 г.

“THE PRINCIPLE OF CORPOREALITY” IN VAJRAYANA ARTWORKS AND ITS RELATIONSHIP WITH THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL CONCEPT OF “KAYA” (SKR.: “BODY”)

V. V. Demenova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation*

This article examines the Buddhist religious and philosophical concept of the “three bodies of the Buddha” and its impact on the semantic and iconographic aspects of Vajrayana art – the main branch of Buddhism in the territory of historical Tibet, Mongolia, Nepal, as well as three Buddhist regions of Russia. It analyzes the terminological apparatus and conceptual framework of various Buddhist texts related to the phenomenon of “kaya” (Sanskrit: “body”), as well as the term “image” (Tibetan: kusak, Sanskrit: kaya-rupa – “body-form”). In Buddhist tradition, this term refers to both the support for the body in meditation practice and the visual representation of spiritual qualities. This understanding defines the sacred status of sculpture and thangka paintings in Vajrayana Buddhist art. The article puts forward the thesis that the interconnection of the religious and philosophical term “kaya” with the fundamental laws of form-creation in Vajrayana art objects, combined with the specifics of their perception by Buddhist practitioners, can be understood as the “principle of corporeality” from an art-historical perspective. In the field of art history research, this principle helps to better understand the inner essence, purpose of creation, and levels of perception of Buddhist sacred art objects. It is revealed in this article through the example of pictorial scrolls (thangka), sculpture, and the architectural form of the stupa.

Keywords: Buddhist art, Eastern art theory, Vajrayana, Buddha, Trikaya.

References

1. Dalay Lama XIV. Garvardskie lektsii [Harvard Lectures]; per. s tibet. yaz. i red. D. Khopkinsa; per. s angl. M. Malyginoy. Moscow : Tsongkhapa, 2005. 198 p.
2. Elo Rinpoche. Kommentariy k tekstu “Lama Chodpa” [Commentary on the text “Lama Chodpa”]; per. s tib. Zh. Urabkhanov. Ulan-Ude: Rinpoche Bagsha, 2014. 232 p.
3. Ikonografiya Vadjhrayany [Vajrayana Iconography]: al'bom / otv. red. G.M. Bongard-Levin. Moscow: Design. Information. Cartography, 2003. 622 p.
4. Tucci G. Tibetan Painting Scrolls: 3 vols. Roma: Libreria Dello Stato, 1949. 798 p.
5. Jackson D.P. A History of Tibetan Painting: The Great Tibetan Painters and Their Traditions. Beiträge Zur Kultur. Wien: Universitätsbuchdruckerei Styria, 1996. 456 p.
6. The Black Hat Eccentric: Artistic Visions of the Tenth Karmapa / K. Debreczeny, I.A. Alsop, D.P. Jackson, I. Mengele. New York: Rubin Museum of Art: University of Washington Press, 2012. 320 p.
7. Elikhina Y.I. Problemy formirovaniya i razvitiya tibetskogo buddiyskogo iskusstva XI – nachala XX v. (po materialam tibetskoy kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha) [Problems of the Formation and Development of Tibetan Buddhist Art in the 11th – Early 20th Centuries (Based on the Tibetan Collection of the State Hermitage Museum)]: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii. Saint Petersburg, 2022. 783 p.
8. Wein L. Translating the Tibetan Buddhist “Thangka” // *The Tibet Journal*. 2016. Vol. 41, № 1. P. 9–64.
9. Androsov V.P. Buddizm Nagardzhuny: religiozno-filosofskie traktaty [Buddhism of Nagarjuna: Religious and Philosophical Treatises]. Moscow: East Literature, 2000. 798 s.
10. Donets A.M. Buddiyskoe uchenie o meditativnykh sostoyaniyakh v datsanskoy literature [Buddhist Teaching on Meditative States in Datsan Literature]. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 2007. 150 p.
11. Nesterkin S.P. Lichnost' v buddizme makhayany [Personality in Mahayana Buddhism]; otv. red. S.Y. Lepekhov. Ulan-Ude: BSC SB RAS, 2011. 243 p.
12. Burkkhardt T. Sakral'noe iskusstvo Vostoka i Zapada: printsipy i metody [Sacred Art of the East and West: Principles and Methods]; per. s angl. N.P. Lokman. Moscow: Aletya, 1999. 213 p.
13. Bir R. Entsiklopediya tibetskikh simvolov i ornamentov [Encyclopedia of Tibetan symbols and ornaments]; per. s angl. L. Bubenkova. Moscow: Orientaliya, 2011. 428 p.
14. Androsov V.P. Indo-tibetskiy buddizm [Indo-Tibetan Buddhism]: entsiklopedicheskiy slovar'. 2-e. izd. Moscow: Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, 2023. 407 p.

15. Chzhe Tsonkapa. Bol'shoe rukovodstvo k etapam Puti Probuzhdeniya [A Comprehensive Guide to the Stages of the Path of Awakening]. T. I–II; per. s tibetskogo yazyka A. Kugyavichusa; pod obshch. red. A. Terent'eva. Saint Petersburg: Nartang, 2023. 1712 p.

Victoria V. Demenova – Cand. Sc. (Art History), Associate Professor of the Department of Art History and Museology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), e-mail: vikina@mail.ru

Received June 7, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Деменова, В. В. «Принцип телесности» в произведениях искусства ваджраяны и его взаимосвязь с религиозно-философским положением «каа» (санскр.: «тело») / В. В. Деменова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 2. – С. 61–67. DOI: 10.14529/ssh260307

FOR CITATION

Demanova V. V. “The principle of corporeality” in vajrayana art-works and its relationship with the religious and philosophical concept of “kaya” (Skr.: “body”). Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 61–67. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260307

ПЕСНОПЕНИЯ К СЛУЖБАМ В ЧЕСТЬ «НОВЫХ ЧУДОТВОРЦЕВ» ДРЕВНЕРУССКОГО МАСТЕРА МАРКЕЛА БЕЗБОРОДОГО (XVI в.)

Н. П. Парфентьев

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Изучение творчества новгородского мастера Маркела Безбородого показало, что он был не только выдающимся гимнографом, но и распевщиком, сумевшим создать музыкальное оформление для ряда служб «новым» святым, возведенным в ранг общерусских в XVI в. На основании результатов уже проведенных исследований и указаний авторского имени в акростихах канонов Маркелу Безбородому точно атрибутируются три службы – Никите Новгородскому, Варлааму и Иоасафу, Никите Переяславскому. Кроме того, в науке обосновано предположение о составлении этим гимнографом Службы Савве Сторожевскому. Наконец, в ряде трудов рассматривается вероятность причастности Маркела к созданию и редактированию Службы Макарию Калязинскому. В статье впервые предпринято определение авторских певческих произведений мастера в составе данных служб на основе изучения их списков второй половины XVI – начала XVII в. Различия состава и содержания рукописей объясняется особенностями их создания и предназначения. В разных районах, монастырях и даже храмах складывались свои традиции в литургической практике при совершении этих служб и исполнении изучаемых песнопений. В работе используются, главным образом, текстологические методы искусствоведческого исследования.

Ключевые слова: древнерусское церковно-певческое искусство, авторское гимнографическое творчество, распевы к службам русским святым, Новгородская певческая школа, Маркел Безбородый.

Введение

В «Предисловии, откуда и от какого времени начаса в нашей Рустей земли осмогласное пение» – главном музыкально-историческом труде средневековой России – говорится, что «некто бысть инок именем Маркел, прослутием Безбородой», которым была «Псалтырь» распета в Великом Новеграде». Он также «сложил канон» Никите, архиепископу Новгородскому «велми изящен» [1, л. 202]. По свидетельству другого источника тот же мастер «положил» на певческую нотацию «в нашей Рустей земле просиявшим бесчисленными чудесы мужем же и женам, иже именуются новые чудотворцы, и иным же славники, а иным с литиями с хвалитными стихеры и с величанием *полные празднества* от сентября до конца августа» [2, с. 139]¹. Приведенные тексты повествуют об активной творческой работе Маркела Безбородого в области гимнографии и певческого искусства.

Однако о самом Маркеле сохранилось очень мало сведений. Ничего не известно о его происхождении, раннем периоде жизни и деятельности. Самые ранние источники, упоминающие мастера, говорят о нем как об «иноке», но где и когда он принял монашество, также не известно. Исследование получило главным образом его литературно-агиографическое и поэтико-гимнографическое творчество, но не предпринималось определения распетых им песнопений для служб («полные празднества»).

В этих условиях особенно актуальным становится наше обращение к выявлению авторских певческих произведений мастера в составе создан-

ных им служб «новым чудотворцам» на основе изучения их списков второй половины XVI – начала XVII в. Маркел Безбородый «положил» на певческую нотацию славники, стихеры и целые праздничные службы *новым чудотворцам*, несомненно, после московских канонизационных соборов 1547 и 1549 гг. и собора Стоглава 1551 г., специально рассмотревшего вопрос о службах этим святым. Все соборы были проведены митром. Макарием, который, судя по всему, был хорошо знаком с мастером. Последний сам отметил, что обратился к творчеству, «повинуящеся *повелению* великаго отца и перьвопрестолника великия апостольския церкви Руския митрополита, – преосвященнаго реку Макария, Митрополита всея Руси». Проведенные исследования показали, что службы Маркела появились после всех перечисленных событий.

Обзор литературы

На основании результатов уже проведенных исследований и указаний авторского имени в акростихах канонов Маркелу Безбородому точно атрибутируются три службы – Никите Новгородскому, Варлааму и Иоасафу, Никите Переяславскому [напр.: 3–7]. Кроме того, в науке обосновано предположение о составлении этим гимнографом Службы Савве Сторожевскому [напр.: 6, 7]. Наконец, в ряде трудов рассматривается вероятность причастности Маркела к созданию и редактированию Службы Макарию Калязинскому [напр.: 6, 8]. Однако среди исследователей творчества Маркела Безбородого не ставилась задача определения в них певческих произведений мастера. В этом и состоит новизна предлагаемой работы.

¹ Автор публикации Н. Ф. Финдейзен не указал сведения о цитируемом источнике, который нам пока обнаружить не удалось.

Методы исследования

В статье используются, главным образом, текстологические методы, которые базируются на принципах системного подхода к структурному анализу рукописных литургических музыкально-гимнографических памятников XVI–XVII вв. В ходе сравнения певческих произведений применен авторский структурно-формульный метод. Историко-культурный подход позволяет рассмотреть проблему в контексте исторических явлений в области музыкального искусства исследуемого периода.

Результаты и дискуссия

Как и службы безымянных авторов, службы Маркела Безбородого распространились в различных по составу и назначению рукописях второй половины XVI – XVII в. В самом полном составе их списки можно найти в *непевческих* книгах – в Минеях служебных, Трефологиях и в различных богослужебных сборниках. Певческие рукописи (главным образом Стихирари) содержат только те песнопения мастера, которые в ходе служб исполнялись хорами соборов, монастырей, певчими церквей. Их состав зависел от предназначения и принадлежности. Так, прежде всего были распространены подборки песнопений, отражающие репертуар певчих (как правило, переписанные ими самими или по их заказу). Для этих списков характерны краткость и различный состав, соответствующий установленному порядку совершения данной службы в конкретном месте. Но сборники, появившиеся в скрипториях отдельных монастырей, близки по составу и содержанию (например, переписанные в Троице-Сергиевской обители). Для службы в крупнейших монастырских и городских храмах в рукописи нередко включали наиболее полный подбор певческих произведений.

Ярким примером этого являются сборники, созданные для домовых соборов крупнейших землевладельцев и купцов Строгановых в их книгописной мастерской. Одна из них, рукопись Стихиаря начала 1590-х гг., как наиболее полная по составу распетых песнопений используется нами в качестве основного списка для рассмотрения служб² [9]. Напомним, что в Строгановских владениях на севере России возникло особое творческое направление в церковно-певческом искусстве XVI–XVII вв. – «Усольское мастеропение». Благодаря всё возрастающему интересу и любви вотчинников к высокому музыкальному искусству появлялись сборники, вобравшие в себя огромное многообразие распевов, в том числе возникающих на ранней стадии рождения творческих школ, включая столичную Московскую [13]. Поэтому закономерно появление в этих сборниках и песнопений к службам Маркела Безбородого.

Итак, обратимся к определению певческих произведений из служб, атрибутируемых этому распевщику.

После канонизации в 1547 г. преп. Саввы Сторожевского в честь его «приспе пресветлый новейши праздник», а создание Службы, посвященной звенигородскому святому, стало самым ранним опытом гимнографического творчества Маркела Безбородого. Создавая ее, мастер применил основные принципы конструирования богослужебного последования, которые будут характерны и для его последующих творений. Кроме того, многие новые песнопения – стихиры «на Господи воззвах», «на стиховне», «на хвалитех» и прочие, – содержание которых восходило к созданному им Житию, были распеты. Однако славники, завершающие эти циклы стихир, а также иногда и другие песнопения (например, стихирю по 50-м псалме), Маркел здесь решил включить из уже существующих служб святым того же чина, в данном случае – из служб преподобным. В записи же самой Службы преп. Савве делались ссылки с указанием, где в певческих рукописях Стихиаря месячного в ходе богослужения следовало брать соответствующие песнопения³.

В рукописных *непевческих* сборниках Служба преп. Савве Сторожевскому («декабря в 3 день») получила распространение начиная со второй половины 1550-х гг. в записях двух типов. Наиболее широко бытовала ее краткая версия, состоящая из стихир «на Господи воззвах» и ссылки-указания на местонахождение необходимого славника. Этот вариант последования свидетельствует, что исполнением его в городах и монастырях различных местностей России память о святом отмечалась дополнительно в ходе общего богослужения⁴. Собственно полная Служба преп. Савве, видимо, совершалась только в местах особого почитания святого. Данный вариант включал последовательность певческих произведений для Всенощного бдения⁵.

В Службе, созданной Маркелом Безбородым по просьбе иноков Савво-Сторожевского монастыря, где она и совершалась в полном варианте, распетыми оказались: стихиры «на Господи воззвах» – 3; стихиры «на стиховне» – 3; тропарь – 1; светилен – 1; богородичен – 1; стихиры «на хвали-

² Подробнее о рукописи, см.: [10, с. 276–329; 11, с. 50–52; 12, с. 160–172].

³ Возможно, данный принцип Маркел применил здесь особенно широко в связи с необходимостью ускоренного создания Службы по просьбе иноков Савво-Сторожевской обители, поскольку официальная канонизация святого уже состоялась и важно было совершать эту Службу в монастыре. В записях Службы в *непевческих* рукописях, отличающихся стабильностью и точностью состава и содержания, приводились полные тексты этих славников.

⁴ Например, краткий вариант Службы содержится в рукописях: инока московского Симонова монастыря Елисея Вологжанина 1558 г. [14, л. 543 об. – 544]; клирошанина Троице-Сергиевского монастыря Иова Лупанды рубежа 1550–60-х гг. [15, № 414, л. 406 об. – 407 об.] и др.

⁵ Напр.: Стихиарь начала 1590-х гг. [9, л. 379–380 об.].

тех» – 3. Всего – не менее 12 песнопений. В самих рукописях имя распевщика не указывалось, что было характерно для того времени⁶. Однако у нас нет оснований не доверять цитируемому Н. Ф. Финдейзену источнику о переложении на музыку мастером своих гимнографических произведений. Одним из ярких показателей такого его творчества является включение в списки указаний о том, что при певческом исполнении стихир петь их как «самогласные», имеющие свой авторский вариант распевов, а не использовать подобны-образцы (как, видимо, предполагалось изначально, в момент создания Службы)⁷. Позже отсылки к подобным сохранялись в непевческих книгах, очевидно, для исполнения стихир в храмах, не имеющих нотированных записей этих произведений.

Анализируя состав различных списков другой Службы – *св. Никите Новгородскому*, ученые отмечали редкую для таких богослужебных последовательностей стабильность, представляющую собой основную часть Всенощного бдения (что мы видели и в Службе преп. Савве Сторожевскому). Эта стабильность при отсутствии «разновременных пластов» позволила атрибутировать данную Службу также одному автору – Маркелу Безбородому. Содержательный анализ песнопений показал, что входящие в нее певческие произведения делятся на два тематических блока: прославление жизни и памяти святителя и торжество обретения его мощей после их официального освидетельствования. Напомним, что Маркел в 1557 г. жил в новгородском Антониеве монастыре, где создал «Житие... и канун», а затем, находясь уже в Москве, завершил написание и всей Службы святителю Никите ко времени его общего прославления (1558). Богослужение совершалось дважды в году с преобладающим исполнением распевных мастером песнопений, соответствующих по тематике событию.

Наиболее полная Служба посвящалась памяти святителя Никиты Новгородского, отмечавшейся 30 января (в некоторых рукописях указана дата 31 января) [9, л. 474–476; 15, № 427, л. 117–119 об.]. Здесь распеты почти все стихиры и славники. Распевщиком проделана огромная творческая работа. Недаром, как сообщает летопись, он с весны 1557 г., отойдя от всех дел, жил шесть месяцев «в Онътонове монастыре», основанном преп. Антонием с благословения епископа Никиты Новгородского. Вероятно, здесь не только «сотвори Маркел Житие Никите... и канун», но и большую часть Службы памяти святого.

⁶ Напомним, что имена авторов распевов начнут обозначать в конце XVI – начале XVII вв. Но и тогда их обычно указывали ученики этих мастеров или писцы книг.

⁷ В певческие сборники XVI в. широко включался раздел «Подобники на восемь гласов», содержащий нотированные тексты подобнов с указанием гласа и количества строк в песнопении (напр.: [9, л. 162–164]).

Оба канона Маркела Безбородого в певческих рукописях приводятся в виде перечисления начальных слов ирмосов. В непевческих рукописях первому канону предшествует подзаголовок: «Пение молебное сложено по азбуцы свершено же именем списавшаго». Из начальных киноварных букв трех последних тропарей и богородична в 9-й песне складывается имя гимнографа: «МРКЛ» [15, № 629, л. 154 об., 163 об. – 164; № 624, л. 197, 204 об. – 205.]. Перед вторым канонам в тех же рукописях указывается: «Другии творец». Однако киноварными начальными буквами последних тропарей и богородична 9-й песни образуется то же самое имя, но написанное в обратной последовательности: «ЛКРМ» [15, № 629, л. 195 об., 167–167 об.; № 624, л. 197 об., 205–205 об.]. Переписчики книг, не разгадавшие «причудливый акростих» Маркела Безбородого, решили, что второй канон создал иной автор – «другии творец». Очевидно, поэтому в упоминавшемся нами «Предисловии, откуда и от какого времени начаса в нашей Рустей земли осмогласное пение» говорится о создании мастером лишь одного канона («сложил канон» Никите, архиепископу Новгородскому «велми изыщен»).

Кроме приведенного нами наиболее полного варианта Службы, совершавшейся, вероятно, в местах особого почитания святого, встречаются и списки её сокращенного варианта⁸.

Следующая последовательность богослужения – 30 апреля «Обретению» мощей Никиты Новгородского, – как правило, включала певческие произведения, взятые из рассмотренной нами Службы в честь святого. Краткость состава говорит о совершении лишь памяти об указанном событии в ходе общей (всенощной) службы. Встречаются различные варианты этой последовательности. Наиболее ранний из них состоит только из славников⁹.

Иной вариант предполагал более расширенный состав песнопений за счет включения стихир «на Господи возвах», тропаря и некоторых других певческих произведений. Так, в рукописи 1590-х гг. указано, что следует исполнять: «Слава и ныне. Празднику»¹⁰ [9, л. 539].

Важно отметить, что в составленной Маркелом Безбородым Службе преп. Никите Новгородскому распеты песнопения в различных по вре-

⁸ Например, рукопись XVI в. содержит: стихиры и славник «на Господи возвах» [16, л. 278–281 об.] и славник «на стиховне» [16, л. 203 об. – 204.] Песнопения помещены в стиле Путёвого распева.

⁹ Рукописи: 1560-х г. [17, л. 218–219 об.]; начала XVII в. [18, л. 135 об. – 138]. Более краткий вариант приведен в рукописях: посл. трети XVI в. (без литийного славника) [15, № 442, л. 338–339 об.]; 1580-х гг. (только славники «на Господи возвах» и «на стиховне») [15, № 428, л. 146–147].

¹⁰ Указание исполнять славник «празднику» подтверждает наше предположение об исполнении кратких вариантов Службы как памяти в ходе основного (праздничного) богослужения.

мени и составу списках представлены в необычайно устойчивой записи музыкальных строк в стиле Знаменного распева. Это подтверждает точку зрения исследователей о создании данных певческих произведений изначально одним автором, самим Маркелом [напр.: 5, с. 152]¹¹. Из рассмотренных нами рукописей следует, что мастером в честь преп. Никиты были распеты: стихиры «на Господи возвах» – 3; славник – 1; стихиры «на литии» – 3, славник – 1; стихиры «на стиховне» – 3; славник – 1, тропарь – 1; светилен – 1; стихиры «на хвалитех» – 3, славник – 1. Всего – не менее 18 песнопений. Как и в случае со Службой преп. Савве Сторожевскому, здесь представлены авторские распевы этих произведений, в то время как в певческих книгах для исполнения большинства из них (прежде всего стихир) указывались подобные образцы соответствующего гласа¹².

Еще в Новгороде наряду со Службами Савве Сторожевскому и Никите Новгородскому Маркел, вероятно, начал также создание Службы в честь преподобных Варлаама и Иоасафа.

В её основу был положен текст популярной на протяжении многих веков «Повести о Варлааме и Иоасафе», «пустынных жителей, в посте просиявших», которые некогда прославились в «великой стране, называемой Индией». Работая над этой Службой, Маркел как бы преобразовывал прозаический житийный текст Повести в гимнографическую (поэтическо-молитвенную) форму. Создавая полную редакцию своего богослужебного последования, он пользовался Софийским списком Миней Четых, пожалованных митр. Макарием новгородскому Софийскому собору. Позже, видимо, в Москве мастер выполнил некоторую редакторскую работу, причем, согласно заключению исследователей, редактором Службы мог быть только сам Маркел Безбородый [6, с. 8–9].

Возникает вопрос, что могло вызвать желание новгородского мастера обратиться к таким необычайно далеким по времени и месту прославления образам «индийских» подвижников – царевича, а затем царя Иоасафа и его духовного учителя Варлаама. Возможно, причиной написания Службы в честь них было тезоименитство одному из этих святых современника гимнографа Митрополита Московского и всея Руси Иоасафа (1539–1542), судьба которого сложилась весьма трагично. Он был предшественником митрополита Макария. Именно Макарий, будучи Архиепископом Великого Новгорода и Пскова, в феврале 1539 г. возглавлял проведение Чина поставления Иоасафа на митрополичий престол [2, с. 158]. Однако, как

затем он сам свидетельствовал, уже в 1542 г. Иоасафа «бояре согнали со стола», отправив в ссылку в Кирилло-Белозерскую обитель. По возвращении с 1547 г. Иоасаф проживал в Троице-Сергиевском монастыре и умер в 1555 г. Он был одним из просвещеннейших людей эпохи¹³. По всей вероятности, именно по «повелению» митр. Макария, всегда сочувственно относившегося к своему предшественнику и почитавшего его, Маркел Безбородый и приступил к написанию Службы в честь соименного Иоасафу святого, святого, который был бы ему заступником перед Господом благодаря всеобщему молению.

Служба Варлааму и Иоасафу была создана Маркелом в полной редакции, но в храмах она, видимо, совершалась крайне редко (тем более, что была задумана как полиелейная), а возможно, длительное время вообще не совершалась¹⁴. Во всяком случае нам пока не удалось обнаружить эту Службу в певческих рукописях второй половины XVI – первой половины XVII в. По всей вероятности, в то время на практике установился порядок исполнения в ходе богослужения (на 19 ноября приходилась также служба мученику Варлааму Антиохийскому) лишь двух тропарей, раскрывающих соответствующие образы «индийских» подвижников и содержание событий, связанных с их деятельностью. Так, в известном уже нам певческом Стихираре, отличающемся полнотой своего состава, мы обнаруживаем распетыми только эти тропари [9, л. 349–349 об.].

Возникшая к концу XVI столетия данная литургическая практика отразилась и в первом издании церковного Устава (Типикона) 1610 г. Здесь в разделе «Последование церковного пения» предписывалось 19 ноября, в день памяти преподобных, исполнять каждому из них по одному тропарю и одному кондаку [19, л. 410–410 об.]. Помещение же в Стихираре лишь распетых тропарей, возможно, свидетельствует о том, что тексты кондаков возглашались чтением.

Наиболее полный состав Службы Варлааму и Иоасафу, представляющей собой очередное произведение гимнографического творчества мастера Маркела Безбородого, сохранился в *непевческих* книгах [20, л. 369–380; 21, л. 263–281].

Особое внимание в Службе привлекают стихиры по 50-м псалме и славник, завершающий цикл стихир «на хвалитех». Здесь они представлены одним текстом, но с внесенным в содержание

¹¹ Песнопения в стиле Пути были распеты иными мастерами и появились позже. Например, в Стихираре инок Чудова монастыря распевщик Логгин Шишелов [15, № 428, л. 146–147].

¹² Н. В. Рамазанова, исследовавшая распев Маркела к одному из славников преп. Никите Новгородскому, заключает, что распевщик «не придерживался установленных им же самим образцов» [5, с. 153].

¹³ Например, Иоасаф владел значительной библиотекой рукописных книг, в которой были и книги его современников, в том числе уникальное собрание сочинений Максима Грека, собственноручно правленное автором (конец 1540-х – начало 1550-х гг.). Все рукописи отличались высоким уровнем художественного оформления и каллиграфического искусства.

¹⁴ Отметим, что в печатной Минее служебной (ноябрь) 1610 г. она отсутствует. При публикации в Минее служебной (ноябрь) в 1645 г. в заглавии к ней указывалось: «Аще изволит настоятель, [совершается] служба им» (л. 263).

славника некоторого разнообразия посредством редакторской правки. Важно отметить, что этот единый текст взят из стихир 6-го гласа в честь преп. Харитона Исповедника и в точности употреблен так же, как и в Службе преп. Савве Сторожевскому, созданной Маркелом ранее.

В каноне мастер снова открывает свое имя (МРКЛ), прибегнув к акrostиху в 9-й песне после ирмоса «Тя браконейскусию Матерь Бога», за которым следуют три тропаря и богородичен:

Минувшим днем некоем покрещени...

Радостными слезами сын почиташе отца...

К людем глаголаше сядя на престоле царьством...

Богородичен:

Лествица Иаковля. Ею же древле аггелы видя... [20, л. 379–379 об.; 21, л. 280 об. – 281].

В певческих книгах все циклы стихир указано распевать на подобны соответствующих гласов. Хотя в созданной Маркелом Службе имелись гимнографические тексты для переложения на распевы (всего – не менее 10 песнопений: стихиры «на Господи возвах» (они же и «на хвалитех») – 3; славник – 1; стихиры «на стиховне» – 3; славник – 1; тропарь – 1; святилен – 1), мастер, очевидно, не стал здесь выполнять работу распевщика. Во всяком случае мы не обнаруживаем его песнопений в нотированном виде в певческих рукописях до середины XVII вв. В них, как отмечалось, можно встретить лишь по одному тропарю каждому преподобному. Причем эти песнопения мы не находим в составе Службы Маркела. Два тропаря вместе в краткой форме передают содержание всего текста Повести о Варлааме и Иоасафе, подробно раскрываемого в стихирах мастера. До появления службы Маркела, видимо, они и должны были включаться в богослужбное последование на 19 ноября.

Что касается появления распетых песнопений из Службы Маркела в сборниках второй половины XVII в., то здесь полностью с гимнографическими текстами совпадают лишь стихиры «на Господи возвах» и стихиры «на стиховне» со славниками (всего – 8). Новые тексты созданы для хвалитных стихир (причем на 4-й глас), а в качестве стихир по 50-м псалме повторяется славник «на Господи возвах», но с другим распевом. Наиболее ранней из подобных певческих рукописей является раздельноречный пометный список 1650-х гг. [22, № 63, л. 573 об. – 577 об.; 4, с. 261–306.].

Оживление интереса к Службе Варлааму и Иоасафу к середине XVII в. и её бытование в рукописях второй половины столетия, очевидно, было связано с поставлением на патриаршество Иоасафа I (1634–1640), соименного правящему столетием ранее Митрополиту всея Руси Иоасафу, в память о котором и была создана Маркелом эта Служба. Затем на патриарший престол взошел и патриарх Иоасаф II (1667–1672). Служба Маркела, востребованная в новых условиях в полном составе, была переработана. В ней сохранялись

лишь указанные стихиры и славники новгородского мастера, а к другим песнопениям были созданы новые тексты и распевы. Что касается распевов к восьми гимнографическим произведениям Маркела, то мы не можем отнести их авторству мастера. Как отмечалось, песнопения Службы преподобным Варлааму и Иоасафу, созданные Безбородым, им самим, очевидно, так и не были распеты. Возможно, сказались невостребованность службы, а также, напротив, востребованность самого мастера, привлечение его к созданию служб в честь других подвижников, не позволившее ему вернуться к написанию распевов к данным песнопениям. Однако обнаружение наиболее раннего певческого списка Службы, совпадающего по составу песнопений и гимнографии с произведениями мастера, может изменить этот наш вывод.

Новый более пространственный вариант Службы преп. Никите Столпнику Переяславскому¹⁵ с малой вечерней и литией, почти полностью состоящий из оригинальных песнопений, создавался Маркелом на основе древней службы неизвестного автора XV в. и Жития святого. Содержащийся в этом варианте богослужбного последования канон 8-го гласа с акrostихом явно указывает на авторство Безбородого (как и в случаях с уже рассмотренными службами).

Царь Иван IV Васильевич, считавший преп. Никиту Переяславского небесным покровителем своей семьи и не раз поклонявшийся его мощам в древнем Никитском монастыре Переславля-Залесского, повелел возвести здесь «большой» храм с особым приделом во имя преподобного. Потребовалось и торжественное богослужение в честь святого. Заказчиками этой службы могли быть новый митрополит Афанасий, причастный к прославлению Никиты, или сам царь Иван¹⁶. Заметим, что ко времени освящения храма в мае 1564 г. царь и его хор певчих дьяков, видимо, уже знали и могли исполнить распетые песнопения Службы¹⁷. Косвенно данный факт свидетельствует о её создании гимнографом в Москве к этой дате.

Однако, прежде чем мы подробнее остановимся на новом творении Маркела, кратко рассмотрим особенности певческой части службы, сложившейся до него. Наиболее полный состав нотированных произведений в раннем варианте службы преп. Никите встречается в рукописях [см.: 9, л. 576–577 об.]. Отметим, что для пения славников использовались известные песнопения, распетые в честь других святых (на это указывают

¹⁵ Заметим, что в научной литературе закрепилось прозвание святого «Переяславский», в рукописях широко встречается также его наименование *Переславский*.

¹⁶ Н. В. Рамазанова предполагает, что он даже написал один из тропарей преподобному [10, с. 178].

¹⁷ Надпись на белокаменной плите, встроенной в стену храма, сообщает, что тогда царь «Всенощное бдение слушал... и красным пением с своею станицею сам же государь пел на заутрени и на литургии» [2, с. 247].

отсылки к певческим книгам). Данный принцип наполнения богослужения уже распетыми песнопениями на раннем этапе творчества широко использовал и Маркел (Служба преп. Савве Сторожевскому). В то же время в непевческих книгах обозначалось, что для певческого исполнения стихир образцами являлись распевы подобнов на соответствующие гласы. Что касается славников, то здесь помещался их полный текст, причем нередко в славнике «на стиховне» словосочетание «...тя чем отче наше» изменялось с добавлением имени святого на: «...тя чем отче Никито» [см.: 15, № 611, л. 244 об.; № 612, л. 232 об.; № 618, л. 75 об.]. Интересно, что позже, к концу XVI в., в период перехода к Службе Маркела Безбородого, стихиры «на стиховне» и «на хвалитех» с соответствующими славниками иногда включались в прежнее последование в новом текстовом варианте этого мастера [15, № 616, л. 210 об. – 211, 218].

Отметим также, что в непевческих книгах середины XVI – XVII в. встречается *краткий* вариант данной службы¹⁸. Так на практике отмечалась память преп. Никите Переяславскому в ходе основного богослужения. Об этом, например, свидетельствует и то, что иногда песнопения преп. Никите приводятся вперемежку с песнопениями службы св. Леонтию Ростовскому, приходящейся на тот же день¹⁹. Как видим, в подобных случаях Служба переяславскому святому в рукописях давалась в сокращенных вариантах, объем и состав которых определялся, вероятно, настоятелями конкретных храмов или монастырей.

Итак, ранняя служба, существовавшая на протяжении длительного времени, в целом имела устойчивый состав, но на практике (что отразили и рукописные памятники) совершалась в различных вариантах. Количество распетых произведений было небольшим, многие из них брались из других служб. Выше уже говорилось о том, что ко времени нового прославления Никиты Переяславского в мае 1564 г. возникло внимание и желание высших российских властей заново составить службу с расширением её певческого репертуара: предполагались торжества с участием государевых певчих дьяков. Маркел Безбородый, написавший канон «с краегранесием» преподобному, не только расширил последовательность богослужения (им включены Малая вечерня и стихиры «на литии»), но и создал новые произведения, переложив многие из них на распевы²⁰.

Таким предстаёт наиболее полный состав певческой части Службы, составленной Маркелом Безбородым. Встречается и её *краткий* вариант, включающий только славники Великой вечерни [18, л. 220–221 об.], иногда с добавлением стихир по 50-м псалме [24, л. 493–495 об.].

Полную Службу отличает прежде всего наличие Малой вечерни и Литии. Но из песнопений Малой вечерни Маркелом, по-видимому, был распет только славник, завершающий цикл стихир «на Господи возвах». Сами эти стихиры находим в непевческих рукописях в текстовом варианте, но с обозначением как «самогласные», что свидетельствует о появлении их (возможно, несколько позже) и в распетом виде. Отсутствуют в данной вечерне среди певческих произведений и стихиры «на стиховне», указанные в непевческих книгах как исполнявшиеся на распев подобна «Доме Евфрафов». Все это, вероятно, означает, что на практике Служба с полной Малой вечерней совершалась очень редко.

В разделе Великой вечерни находим два варианта стихир «на Господи возвах». Словесный текст первого из них с некоторой редакторской обработкой взят из прежней службы. Но распев стихир изменен мастером, создававшим заново Службу – Маркелом. Второй вариант («Ины стихиры») вместе со славником создан и распет тем же мастером. Однако для Литии в певческих рукописях распетых вариантов стихир и славников пока не обнаружено. Всего для Великой вечерни Службы преп. Никите Переяславскому Маркелом Безбородым были распеты: стихиры «на Господи возвах» – 3; ины стихиры – 3; славник – 1; стихиры «на стиховне» – 3; стихира по 50-м псалме – 1; стихиры «на хвалитех» – 3, славник – 1. Всего со славником Малой вечерни – не менее 17 песнопений. Как в предыдущих службах Маркела, здесь представлены авторские распевы произведений, в то время как в непевческих книгах для их исполнения указывались подобны-образцы соответствующего гласа.

Напомним, что появление первой Службы преп. Макарию Калязинскому было связано со следующими событиями. В мае 1521 г. в Калязинском монастыре «начаша копати рвы» для строительства каменного храма во имя Св. Троицы и «обретоша мощи преподобного игумена Макария». По завершении возведения соборной церкви мощи были здесь помещены «в новую гробницу камену» 9 октября 1523 г. [25, с. 37; 26, с. 519]. Тогда же, видимо, и было установлено местное почитание святого.

Их гимнографические тексты нами соотнесены с непевческими книгами того же времени: Трефолоем [15, № 616, л. 210–218 об.], Минеей служебной [15, № 562, л. 307–321]. Полную Службу преп. Никите, содержащую также нераспевавшиеся гимнографические произведения находим, например, в рукописной копии Миней служебной, изданной в 1626 г. [15, № 565, л. 285 об. – 298 об.].

¹⁸ Он содержит: стихиры «на Господи возвах» со славником, канон 4-го гласа, светилен и славник [15, № 620, л. 357 об. – 362 об.], нередко включался также славник «на стиховне» [15, № 563, л. 301 об.; № 611, л. 244 об.; № 612, л. 232 об.; № 619, л. 158 об.; № 623, л. 569 об.].

¹⁹ Здесь св. Никите включены: стихиры «на Господи возвах» (3), стихира «на стиховне» (1) со славником (1), тропарь 8-го гласа, стихира по 50 псалме и канон 4-го гласа [23, л. 102–107].

²⁰ Наиболее полный состав распетых Маркелом песнопений Службы в Стихираре конца XVI в. [15, № 427, л. 160–163 об.].

Первоначальное празднование *обретения мощей* Макария Калязинского (26 мая) носило ограниченный характер и совершалось, скорее всего, в границах Тверской земли или даже только в находящемся там монастыре, основанном самим преп. Макарием. Поэтому в рукописях второй четверти – середины XVI в. эта Служба практически не получила распространения. В таких случаях она, очевидно, выстраивалась в соответствии со «Службой общей преподобному единому» из Минеи общей. Певческая часть её составлялась из небольшого количества уже существовавших распетых песнопений (стихир, славников), почти полностью заимствованных из служб в честь наиболее почитаемых преподобных с включением в тексты имени Макария (что делалось в ходе богослужения).

Появление новой Службы святому – *памяти* (на преставление) Макария Калязинского – связано с его общецерковной канонизацией в 1547 г. на московском Соборе, постановившем «пети и праздновати повсюду, марта в 17 день, великому чудотворцу» [27, с. 203]. Образцом для составителя стала Служба преп. Сергию Радонежскому творения Пахомия Логофета. Служба на 17 марта появилась сразу с большим количеством распетых произведений в завершённом виде, которые в целом сохранялись в последующее время. В памятниках письменности второй половины XVI в. она длительное время бытовала наряду с появившейся и оформленной тогда же Службой на 26 мая. По всей вероятности, «творец» обеих богослужебных последовательностей (далее мы увидим, что это был Маркел Безбородый) сразу после Собора 1547 г. (и, видимо, снова «повинуящееся повелению» высокого лица) не только приступил к созданию новой Службы на 17 марта, но и провел свою составительскую работу над Службой на 26 мая. В полном виде обе службы вошли в непевческие рукописные книги (Минеи служебные, Трефологии и др.), которые быстро распространялись благодаря деятельности монастырских скрипториев (например, Троице-Сергиева монастыря) и бытовали одновременно.

Что касается певческих произведений, то традиционно в Службе на 26 мая, обретению мощей, их количество оставалось незначительным. Это говорит о том, что она могла совершаться либо по-прежнему кратко как напоминание о событии в ходе общего богослужения (на Всенощном бдении), либо полно, но уже с исполнением всех песнопений, указанных в ссылках (что зависело от распоряжения настоятеля храма или монастыря)²¹.

Составитель Службы большинство гимнографических текстов песнопений включил из существовавших служб преподобным святым. Распетых им произведений оказалось очень небольшое ко-

личество. В итоге здесь он ограничился тремя стихирами (по одной «на Господи воззвах», «по 50 псалме», «на хвалитех») и одним тропарем. Однако для Службы на память преп. Макария Калязинского, установленной Собором подвижнику как «великому чудотворцу», напротив, им распеты не только полные циклы стихир (иногда на подобен), но и некоторые славники [9, л. 509–511].

Итак, для Службы памяти преп. Макария были распеты: стихир «на Господи воззвах» – 3; стихир «на литии» – 3; стихир «на стиховне» – 3; тропарь – 1; светилен – 1; богородичен – 1; стихир «на хвалитех» – 3. Из славников распетыми оказались 2 замыкающих первые два цикла стихир (оставшиеся два славника следовало взять из Службы Сергию Радонежскому). Всего – не менее 17 песнопений. Здесь представлены авторские распевы этих произведений несмотря на то, что некоторые из них созданы на подобен. В непевческих книгах для исполнения всех стихир Службы указывалось использовать распевы конкретных подобнов соответствующего гласа. Таким предстаёт наиболее полный состав певческих произведений из Службы памяти преп. Макария Калязинскому.

Но необходимо отметить, что во второй половине XVI – XVII в. данная Служба бытовала (и очевидно, совершалась в отдельных случаях) также и в *кратком* составе, в который входили лишь некоторые славники из Великой вечерни, иногда с добавлением либо всех стихир «на Господи воззвах», либо по одной стихире из каждого цикла [17, л. 344–345; 18, л. 158–161; 15, № 414, л. 507, 879–880; № 442, л. 309–310]²².

Исследователями установлено, что кроме канонического текста рассмотренных нами обеих служб преп. Макарию Калязинскому в рукописях второй половины XVI – XVII в. обнаруживается его вариант в иной редакции [8, с. 402]. Его главное отличие от прежней (первой) редакции в том, что он представляет собой единую общую последовательность, возникшую в результате присоединения к Службе обретению мощей (26 мая) Службы памяти святого (17 марта). По существу, мартовская Служба преп. Макарию упразднялась и оставалась только объединенная Служба на 26 мая.

Основные отличия общей Службы (второй редакции) зафиксированы в непевческих книгах. В Малой вечерне приводится полный текст стихир «на Господи воззвах», славник 8-го гласа и ссылка на тропарь [28, № 120, л. 3 об. – 5 об.; 15, № 802, л. 2–2 об.]. Затем сразу из мартовской Службы следуют стихир Великой вечерни и Утрени²³. Особое внимание привлекают изменения, которые

²¹ См. состав Службы по Стихирарю певческому начала 1590-х гг. [9, л. 578–579 об.].

²² Появился даже краткий вариант путевым распевом [24, л. 408–409 об.].

²³ К стихирам «на Господи воззвах» указан подобен «Радуйся живоносе» [см.: 28, № 120, л. 5 об.].

коснулись обоих канонов. Здесь в 9-й песне каждого из них появляется акростишное имя автора.

Так, «краегранесие» тропарей и богородична в 9-й песне первого канона (глас 8) в Службе прежней редакции выглядело следующим образом:

*Рака идеже лежит;
Огнем божественного страха;
Мирская сласти возненавидев.*
Богородичен:

Низложи възнесенныя и победы [29, № 397, л. 160; 15, № 622, л. 226 об.].

В новой редакции гимнограф в результате перестановки тропарей и редактирования текста одного из них, а также замены богородична решил открыть свое имя:

*Мирская сласти возненавидев;
Рака идеже лежит;
Креста силою вооружився и Огнем божественного страха.*
Богородичен:

Ликующе вопием [28, № 120, л. 31 об. – 32 об.; 30, № 394, л. 475 об. – 476.].

Таким образом, самим автором-гимнографом в ходе редакторской работы были представлены акростишные подписи, причем в обоих канонах: МРКЛ (8-го гласа) и МАКЛ (1-го гласа)²⁴. Это подтверждает мнение исследователей о том, что автором и общей Службы преп. Макария Калязинскому, и созданных ранее обеих отдельных служб в честь него был выдающийся гимнограф и распевщик Маркел Безбородый.

Итак, в полной (второй) редакции Служба фактически была перенесена с 17 марта на 26 мая. По мнению А. Е. Смирновой, причиной её редактур и календарного перемещения могло стать выпадение дня памяти святого на время Великого поста, когда особое служение святому Всенощного бдения, каким изначально являлась данная Служба преп. Макария, практически было невозможно [6, с. 11].

Однако отметим, что, согласно рукописям, на протяжении второй половины XVI в. сложилось бытование обоих вариантов Службы *одновременно*, то есть в разных монастырях и местностях закрепились её разные редакции. Видимо, не везде знали о предпринятом редактировании и нередко продолжали переписывать богослужебные последования для двух празднеств [29, № 397, л. 150 об., 239 об.; № 611, л. 18 об., 255 об.]. Это проявилось позже и в печатных изданиях Миней месячных и Третофологионов XVII в.

Таким образом, Маркел Безбородый является автором, редактором (в основе обеих редакций лежит один авторский текст), а также и распевщиком большинства гимнографических текстов песнопений Службы преп. Макария Калязинскому.

Нами предпринято определение певческих произведений из служб, с высокой степенью точности атрибутируемых гимнографу и распевщику Маркелу Безбородому. Однако в научной литературе встречается указание на принадлежность ему еще одной Службы – св. *Иакову Боровичскому*. Пожалуй, источником появления такого утверждения стал труд историка церкви митр. Макария (Булгакова), издававший во второй половине XIX в. Ученый отметил, что в службах святым Савве Сторожевскому и Иакову Боровичскому повторяются довольно точно, либо с небольшими изменениями тропари и другие песнопения из канонов, созданных игуменом Маркелом в честь преп. Никиты Новгородского, причем «замечается во всем такое сходство с этими канонами, что как будто они вышли из-под пера самого Маркелла» [4, с. 44].

Служба «на принесение мощей» Иакова Боровичского была создана после 1572 г., когда по повелению Новгородского архиепископа Леонида состоялось второе освидетельствование мощей новоявленного святого (ранее, несмотря на наличие свидетельств об их чудотворениях, митр. Макарий не позволил установить ему общецерковное празднование). В эту Службу и был включен канон с азбучным акростихом, точно соответствующим акростиху первого канона Никите Новгородскому, а начальные буквы тропарей 9-й песни в ряде списков образуют акростих, по видимому, содержащий имя автора «ИВНВ» (ИВаНоВ), указанное по аналогии с «МРКЛ». Это свидетельствует о том, что произведения Маркела очень быстро становились образцами. Поскольку о жизни Иакова никаких сведений обнаружить не удалось, святой в каноне прославлялся в самых общих выражениях. Позже целый ряд азбучных канонов был создан уже на основе канона Иакову Боровичскому. На него ориентировались тогда, когда обретались мощи неведомого святого, о котором ничего не было известно [31, с. 185–186].

Выводы

Изучение творчества Маркела Безбородого показало выдающееся значение этого мастера в развитии древнерусской *гимнографии*. Например, именно его следует признать первым книжником, которому удалось приспособить славянский алфавит к сложному структурному построению канона и создать модель акростиха азбучных канонов. Его первые акростихи канонов Никите Новгородскому построены по оригинальной схеме, абсолютных аналогов которой в византийской и южнославянской литургике не обнаружено [6, с. 16 и др.]. Помимо этих канонов в Новгороде были созданы первые славянские азбучные каноны святым Новгородской земли, ставшие основой самостоятельной локальной гимнографической традиции, получившей затем признание и воплощение в творчестве гимнографов Российского царства и за его пределами.

²⁴ В одной из рукописей писец пометил: «Аще хоцещи уведати имя списавшаго, то у девятыя песни изообрящещи начальными словесы с перваго кануна у стихов» [15, № 802, л. 7 об., 14–14 об.]. Служба прежней редакции распространилась в большом количестве списков, но в них подобное указание не встречается, что свидетельствует об отсутствии здесь акростиха.

Следует отметить, что составленный нами обзор *певческих* произведений из служб, атрибутируемых творчеству Маркела Безбородого, содержит некоторую степень условности, так как к ним в собственно певческих книгах отсутствуют прямые указания на авторство мастера. Еще раз напомним, что во времена, на которые пришлось его творчество, еще не было принято указывать авторов распевов. Сегодня без соответствующих ремарок писцов невозможно определить с абсолютной точностью, к каким конкретно песнопениям, созданным мастером-гимнографом, были им же созданы и распевы. Мы можем только говорить о высокой степени достоверности наших предположений. Невозможно также определить точно, какие еще певческие произведения в Стихирарях праздничных (минейных) принадлежат Маркелу. Можно лишь полагать, что они содержатся, главным образом, не только в службах, к составлению которых он имел прямое отношение («полные празднества»), но и в певческих циклах, прежде всего в честь святых новгородского пантеона («иным же славники»). Исследование авторских особенностей выявленных певческих произведений Маркела является масштабной и важной проблемой музыкальной медиэвистики.

Литература

1. Российская национальная библиотека (РНБ). – Q.I.1101.
2. Финдейзен, Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. / Н. Ф. Финдейзен. – М. ; Л., 1928. – 376 с.
3. Кручинина, А. Н. Новгородский гимнограф-распевщик Маркелл Безбородый и его служба Варлааму и Иоасафу / А. Н. Кручинина // Древнерусское песнопение. Пути во времени : сборник статей. – СПб., 2020. – Вып. 8. – С. 261–306.
4. Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви / митр. Макарий (Булгаков). – М., 1996. – Кн. 4. – Ч. 2. – 468 с.
5. Рамазанова, Н. В. Две редакции стихир св. Никите, епископу Новгородскому / Н. В. Рамазанова // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. – СПб., 2000. – Вып. 3. – С. 148–163.
6. Смирнова, А. Е. Творчество гимнографа XVI в. Маркела Безбородова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Е. Смирнова. – СПб. : ИРЛИ, 2005. – 25 с.
7. Спасский, Ф. Г. Поэт XVI века, игумен Хутынский Маркелл Безбородой / Ф. Г. Спасский // Православная мысль: Труды православного богословского института в Париже. – 1948. – Вып. 6. – С. 155–169.
8. Гадалова, Г. С. Службы преп. Макарию Калязинскому / Г. С. Гадалова // Русская агиография. Исследования, публикации, полемика. – СПб., 2005. – С. 396–427.
9. РНБ. – Кир.-Бел. – 586/843.
10. Рамазанова, Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII вв. / Н. В. Рамазанова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 453 с.
11. Парфентьев, Н. П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. / Н. П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 10. – С. 43–62.
12. Парфентьев, Н. П. Образ райского сада в книжной орнаментике художника Фёдора Басова (конец XVI – начало XVII вв.) / Н. П. Парфентьев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2019. – № 33. – С. 160–172.
13. Парфентьев, Н. П. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. / Н. П. Парфентьев, Н. В. Парфентьева. – Челябинск, 1993. – 347 с.
14. РНБ. – Кир.-Бел. – 652/909.
15. Российская государственная библиотека. – Ф. 304.
16. РНБ. – Кир.-Бел. – 623/880.
17. РНБ. – Q.I.488.
18. РНБ. – Сол. – 690/769.
19. Типикон. – М., 1610.
20. Трефологион. – М., 1637.
21. Миней служебная (ноябрь). – М., 1645.
22. РГБ. – Ф. 379.
23. РНБ. – Погод., № 428 (1561 г.).
24. РНБ. – Q.I.186 (Путевая нотация).
25. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. – СПб. : Археогр. комис., 1904. – Т. 13. – Ч. 1. – 302 с.
26. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. – Т. 22. – Ч. 1. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. – 568 с.
27. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. – Т. 1. – СПб. : Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. – 491 с.
28. РГБ. – Ф. 228.
29. РГБ. – Ф. 256.
30. РГБ. – Ф. 113.
31. Смирнова-Косицкая, А. Е. Азбучные каноны русским святым / А. Е. Смирнова-Косицкая // ТОДРЛ. – СПб., 2008. – Т. 58. – С. 185–186.

Парфентьев Николай Павлович – доктор искусствоведения, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: pprfentevnp@susu.ru. ORCID 0000-0001-6982-6554

Поступила в редакцию 26 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260308

CHANTS FOR SERVICES IN HONOR OF THE “NEW WONDERWORKERS” BY THE OLD RUSSIAN MASTER MARKEL BEZBORODY (16th CENTURY)

N. P. Parfentiev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

A study of the work of the Novgorod master Markel Bezborody has revealed that he was not only an outstanding hymnographer but also a chanter, who composed music for a number of services to the “new” Wonderworkers elevated to the rank of all-Russian saints in the 16th century. Based on the results of already conducted research and indications of the author’s name in the acrostics of the Canons, three services are accurately attributed to Markel Bezborody – to Nikita of Novgorod, Varlaam and Ioasaph, and Nikita of Pereyasavl. Moreover, the assumption that this hymnographer composed the Service to Savva Storozhevsky has been substantiated in science. Finally, a number of works consider the possibility of Markel’s involvement in the creation and editing of the Service to Macariy of Kalyazin. This article attempts to identify the master’s original works within these services based on a study of their manuscripts from the second half of the 16th and early 17th centuries. The differences in the composition and content of the manuscripts are explained by the specifics of their creation and purpose. Different regions, monasteries, and even churches developed their own liturgical traditions for the performance of these services and the hymns under study. This work primarily utilizes textual methods of art historical research.

Keywords: Old Russian church singing, author’s creativity in hymnographic works, Novgorod school of church singing, Markel Bezborody, chants for services to Russian saints.

References

1. Rossiyskaya natsional’naya biblioteka (RNB) [Russian National Library (RNL)]. Q.I.1101.
2. Findeizen N.F. Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [Essays on the History of Music in Russia from ancient times to the end of the 18th century]. Moscow, Leningrad, 1928, 376 p.
3. Kruchinina A.N. Novgorodskiy gimnograf-raspevshchik Markell Bezborodyy i ego sluzhba Varlaamu i Ioasafu [Novgorod Hymnographer-Chanter Markell Bezborody and his Service to Varlaam and Ioasaph] // *Drevnerusskoye pesnopeniye. Puti vo vremeni: sbornik statey*. Saint Petersburg, 2020. Vyp. 8. P. 261–306.
4. Macariy (Bulgakov), Metropolitan. Istoriya russkoy tserkvi [History of the Russian Church]. Moscow, 1996. T. 4. Kn. 2. 468 p.
5. Ramazanova N.V. Dve redaktsii stikhiry sv. Nikite, yepiskopu Novgorodskomu [Two Editions of the Sticheras to St. Nikita, Bishop of Novgorod] // *Opyty po istochnikovedeniyu. Drevnerusskaya knizhnost’: redaktor i tekst*. Saint Petersburg, 2000. Vyp. 3. P. 148–163.
6. Smirnova A.E. Tvorchestvo gimnografa XVI v. Markela Bezborodova [The Work of the 16th Century Hymnographer Markel Bezborody]: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Saint Petersburg, 2005. 25 p.
7. Spasskiy F.G. Poet XVI veka, igumen Khutynskiy Markell Bezborody [Poet of the 16th Century, Igumen of Khutyn Monastery Markell Bezborodoy] // *Pravoslavnyaya mysl’*: Trudy pravoslavnogo bogoslovskogo instituta v Parizhe. 1948. Vyp. 6. P. 155–169.
8. Gadalova G. S. Sluzhby prep. Makariyu Kalyazinskomu [Services to St. Macarius of Kalyazin] // *Russkaya Agiografiya*. Saint Petersburg, 2005. P. 396–427.
9. RNB [RNL]. Kir.-Bel. 586/843.
10. Ramazanova N.V. Moskovskoye tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vv. [The Moscow Tsardom in the Church Singing Art of the 16th – 17th Centuries]. Saint Petersburg, 2004. 453 c.

11. Parfentiev N. P. O stroganovskoy masterskoy knizhno-rukopisnogo iskusstva XVI–XVII vv. [About Stroganov's Workshop of Manuscript art of the 16th – 17th Centuries] // *Vestnik Uzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Sotsial'no-gumanitarnye nauki"*. 2008. T. 10. P. 43–62.
12. Parfentiev N.P. Obraz rayskogo sada v knizhnoy ornamentike khudozhnika Fodora Basova (konets XVI – nachalo XVII vv.) [The Image of the Paradise Garden in the Book Ornamentation of the Artist Fyodor Basov (late 16th – early 17th Centuries)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*. 2019. № 33. P. 160–172.
13. Parfentiev N.P., Parfentieva N.V. Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoy muzyke XVI–XVII vv. [Usolskaya (Stroganov) School in Russian Music of the 16th–17th Centuries]. Chelyabinsk, 1993. 347 p.
14. RNB [RNL]. Kir.-Bel. 652/909.
15. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka (RGB) [Russian State Library (RSL)]. F. 304.
16. RNB [RNL]. Kir.-Bel. 623/880.
17. RNB [RNL]. Q.I. 488.
18. RNB [RNL]. Sol. 690/769.
19. Tipikon [Typicon]. Moscow, 1610.
20. Trefologion [Trefologion]. Moscow, 1637.
21. Mineya sluzhebnyaya (noyabr') [Service Book of the Minues (November)]. Moscow, 1645.
22. RGB [RSL]. F. 379.
23. RNB [RNL]. Pogod., № 428 (1561 g.).
24. RNB [RNL]. Q.I. 186 (Putevaya notatsiya).
25. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisju [The Chronicle Collection, Called the Patriarch's or Nikon Chronicle] // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. Saint Petersburg, 1904. T. 13. 302 p.
26. Russkiy khronograf. Khronograf redaktsii 1512 g. [Russian Chronograph. Chronograph of the 1512 Edition] // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. V. 22. Kn. 1. Saint Petersburg, 1911. 568 p.
27. Acty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsiei [Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by Archaeographic Expedition]. T. 1. Saint Petersburg, 1836. 491 p.
28. RGB [RSL]. F. 228.
29. RGB [RSL]. F. 256.
30. RGB [RSL]. F. 113.
31. Smirnova-Kositskaya A.E. Azbuchnye kanony russkim svyatym [ABC Canons to Russian Saints] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom) RAN*. Saint Petersburg, 2008. T. 58. P. 185–186.

Nikolay P. Parfentiev – D. Sc. (Art History), D. Sc. (History), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Theology, Culture and Arts, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: parfentevnp@susu.ru

Received May 26, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Парфентьев, Н. П. Песнопения к службам в честь «новых чудотворцев» древнерусского мастера Маркела Безбородого (XVI в.) / Н. П. Парфентьев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 68–78. DOI: 10.14529/ssh260308

FOR CITATION

Parfentiev N. P. Chants for services in honor of the “new Wonderworkers” by the Old Russian master Markel Bezborody (16th century). *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 68–78. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260308

СЛАВЯНСКАЯ МИФОЛОГИЯ В ВИДЕОИГРАХ: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИГРОВОМ НАРРАТИВЕ

Н. Л. Зыховская¹, Д. Э. Безменов^{1,2}

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Дом юношеского технического творчества, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена анализу репрезентации славянской мифологии в видеоиграх «Ведьмак» (The Witcher, 2007), «Ведьмак 2: Убийцы королей» (The Witcher 2: Assassins of Kings, 2011), «Ведьмак 3: Дикая охота» (The Witcher 3: Wild Hunt, 2015), Blacktail (2022), Yaga (2021), «Черная книга» (2021), «Лихо одноглазое» (2025). Актуальность исследования определяется устойчивым интересом к мифологическим сюжетам в современной цифровой культуре и необходимостью описать способы их функционирования в игровом нарративе. Цель работы – выявить основные модели трансформации славянского мифа в видеоигровой среде. Материалом исследования послужили перечисленные видеоигры и сопровождающие их внутриигровые тексты (бестиарии, энциклопедии, сценарии). В работе применяются нарратологический, сравнительно-типологический, мифопоэтический и интермедиаальный подходы. Показано, что славянская мифология в видеоиграх выступает не только как источник образов и сюжетных мотивов, но и как способ организации игрового мира и визуальной стилистики. Установлено, что в рассмотренных проектах мифологический материал реализуется по-разному: как культурный код, как основа художественной стилизации и как средство формирования игровой атмосферы. Выявлено также, что в ряде игр славянский миф становится не внешним источником цитирования, а структурным принципом построения персонажей, конфликта и интерактивного опыта игрока.

Ключевые слова: славянская мифология, славянский фольклор, культурный код, видеоигра, геймификация, геймплей, сказка, быличка, миф.

Введение

В современном научном осмыслении миф все чаще рассматривается не как архаический элемент традиционной культуры, а как подвижная семиотическая и повествовательная форма, способная к трансформации в новых медиальных условиях. В рамках данного исследования речь идет об обращении к славянской мифологии в видеоиграх, которые объединяют современные формы повествования, визуализации и взаимодействия с пользователем.

Для филологического анализа важно не только обнаружить мифологические мотивы, представленные в игровом материале, но и описать способы их адаптации, функции в построении игрового мира и характер связи с культурной памятью.

Актуальность темы обусловлена тем, что видеоигра сегодня выступает как сложный художественный объект, объединяющий сюжет, изображение, механику и звук. В работах по игровым исследованиям (game studies) делается вывод о том, что мифология в игровом пространстве может выполнять не декоративную, а структурообразующую функцию, определяющую построение мира, систему персонажей и логику прохождения.

Однако в отечественной и зарубежной науке недостаточно подробно описаны славянские мифологические модели в современных играх, особенно в их сравнительном аспекте.

Гипотеза исследования заключается в том, что славянская мифология в современных видеоиграх – это не только прямое заимствование фольклорного материала, но и адаптируемый культурный код, который в зависимости от жанра, нарративной структуры и игровой механики подвергается трансформации и выполняет различные функции. Исследовательский интерес сосредоточен на вопросах культурной репрезентации, сюжетной адаптации и визуально-стилистической переработки мифологического материала.

Обзор литературы

Теоретическую основу настоящего исследования образуют труды, посвященные структуре фольклорного нарратива и мифологической картине мира славян. Системообразующим для анализа сюжетной организации мифологического материала остается подход В. Я. Проппа: в «Морфологии волшебной сказки» и «Исторических корнях волшебной сказки» исследователь описал систему устойчивых сюжетных функций и механизмов трансформации мифологических образов, что позволяет применять его метод к анализу современных нарративных форм, включая видеоигры [1, 2]. Мифологическую картину мира славян реконструируют работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова [3, 4]; персонажи низшей мифологии и региональные традиции рассматриваются в исследовании Е. Л. Мадлевской [5]; собрание А. Н. Афанасьева

ева предоставляет корпус нарративных первоисточников, к которым обращаются создатели анализируемых игр [6].

Переход от классической фольклористики к игровым исследованиям обеспечивает ряд работ, рассматривающих видеоигру как самостоятельный культурный объект. К. П. Шевцов, анализируя компьютерную игру как предмет философского анализа, выдвигает тезис о том, что игра «образует первичный уровень надления смыслом мира, ориентации в нем», а ее подлинной ставкой является «личная идентичность геймера» [7, с. 98–99]. Это наблюдение принципиально для понимания того, почему мифологические нарративы органично встраиваются в игровое взаимодействие. Е. В. Галанина и А. С. Салин развивают этот тезис применительно к мифологическому измерению игр: исследователи показывают, что «мифы и мифологические образы не только присутствуют в видеоиграх, но и определяют архитектуру, структуру и содержание виртуального игрового мира» [8, с. 76], а архетипические сюжеты выполняют структурообразующую, а не декоративную функцию [8, с. 76–88].

Следующий уровень составляют работы, рассматривающие конкретные механизмы трансформации мифологического материала в игровом нарративе. Е. Н. Корнилова на материале видеоигр, использующих сюжет «Одиссеи», демонстрирует продуктивность нарратологического подхода, что помогает выявить, как античный эпос переосмысливается в логике игрового прохождения и теряет при этом исходные моральные ориентиры первоисточника [9, с. 151–161]. А. В. Косухин, анализируя трансформацию скандинавской мифологии в видеоиграх, устанавливает, что отдельные мифологические образы «приобретают в рамках игрового нарратива новые смыслы, претерпевая существенную переработку в соответствии с требованиями жанра и игровой механики» [10, с. 47–48]. Эти наблюдения методологически переносимы на материал славянской мифологии. Механизмы адаптации, стилизации и переосмысления оказываются сходными вне зависимости от конкретной мифологической традиции.

Непосредственно функционирование славянского фольклора в цифровой среде исследуется в работах А. В. Никитиной [11], А. С. Торчик [12], Д. А. Рапаты и Э. Г. Новиковой [13], Е. И. Скорокозовой [14]. Авторы анализируют медиатизацию фольклорных персонажей, особенности использования культурного наследия в игровых проектах и трансформацию мифологических образов в конкретных играх. Общий контекст освоения мифологического материала как способа структурирования мира задается в работе Ж. К. Итигуловой и Д. А. Кочкоровой [15], тогда как Ю. В. Гнездова рассматривает славянскую мифологию непосредственно как материал для медиаадаптации [16]. Внутриигровые тексты (бестиарии, энциклопедии,

игровые сценарии) привлекаются в настоящем исследовании в качестве самостоятельных источников анализа наравне с научной литературой.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют нарратологический, сравнительно-типологический, мифопоэтический и интермедиаальный подходы.

Нарратологический анализ позволяет рассмотреть мифологический материал в связи с сюжетной организацией игры, особенностями персонажей и структурой конфликта. Сравнительно-типологический подход используется для синхронизации разных моделей обращения к славянской мифологии в избранных играх и для выявления устойчивых и вариативных элементов их художественной системы.

Мифопоэтический подход позволяет описать, как традиционные образы и мотивы преобразуются в игровые символические структуры.

Интермедиаальный подход дает возможность рассматривать видеоигру как среду, в которой вербальные, визуальные и интерактивные компоненты реализуются совместно.

В качестве материала исследования были выбраны перечисленные игры, поскольку именно в них славянская мифология представлена наиболее отчетливо и продемонстрированы разные стратегии культурной переработки: от прямой сюжетной опоры на фольклор до свободной реконструкции мифологических фигур и мотивов.

Результаты и дискуссия

Важнейшим механизмом функционирования мифа в видеоиграх является его нарративизация – превращение фольклорных сюжетов и мотивов в интерактивное повествование. В традиционной культуре сказка и быличка существовали как формы устного рассказа. Видеоигра, напротив, предполагает активное участие пользователя в развитии событий. Поэтому мифологический текст не просто пересказывается, а преобразуется в систему игровых действий. Рассмотрим основные модели такой трансформации на материале отдельных видеоигр.

Первой значимой игрой, познакомившей массового игрока с восточноевропейской мифологической традицией, по праву считается «Ведьмак» (*The Witcher*, 2007) и последующие части серии – «Ведьмак 2: Убийцы королей» (2011) и «Ведьмак 3: Дикая охота» (2015). Хотя автор оригинальных произведений Анджей Сапковский подчеркивал, что принципиально не отдает предпочтения славянской мифологии и что необходимость использования в его текстах того или иного образа диктуется исключительно сюжетом [цит. по: 13], мир «Ведьмака» насыщен образами и мотивами восточноевропейской мифологической традиции. Именно видеоигровая адаптация усилила данный аспект, сделав славянский культурный код одной из важнейших составляющих франшизы.

Наиболее заметным проявлением мифологического начала является игровой бестиарий. В мире The Witcher представлены лешие, полуденницы, кикиморы, волколаки, упыри, водяные и многие другие персонажи, имеющие прямые аналоги в славянской демонологии. Примечательно, что при создании своей вселенной Сапковский описывал мифологических существ не только с магической, но и с биологической точки зрения. Поэтому в игре эти существа функционируют как естественная часть мира, занимая свою нишу и обладая собственными повадками, сильными и слабыми сторонами, которые описываются в бестиарии.

Славянский субстрат в данном случае геймифицирован через механику охоты, отвечающую требованиям жанра action-RPG. Так, полуденница, которая в народных представлениях выступала духом, персонификацией самого полдня, полуденного зноя и опасности, в игре превращается в полноценного сюжетного противника, имеющего отличное от оригинала происхождение и иные способы борьбы с ним. Вот как описывает полуденницу внутриигровой бестиарий: *«Полуденницы – духи женщин и молодых девушек, которые умерли насильственной смертью непосредственно перед или после своей свадьбы. Обезумевшие от боли и ненависти, кружат они среди нив в поисках своих прежних неверных любовников или соперниц, но убивают каждого, кто попадется у них на пути. От перехода в иной мир их обычно удерживает некий предмет, имеющий для них особое эмоциональное значение»* [17].

Если в мифах и фольклоре человек бессилен против самой природы полуденницы и может только убежать или забраться на высокий столб [5], то в «Ведьмаке» переосмысливается сам мифологический паттерн борьбы с чудовищем. Этнографические особенности славянских верований здесь превращены в практическое руководство для игрока: чтобы победить полуденницу, ему нужно совершить обряд по ее вызову и с помощью ведьмачьего знака Ирден или специальной бомбы сделать ее уязвимой для физических атак серебряного меча.

Ярким примером также служит квест «Заказ: Белая дама» в The Witcher 3: Wild Hunt, нарратив которого в точности следует описанию бестиария. По сюжету необходимо изгнать полуденницу, являющуюся призраком конкретной девушки, покончившей с собой в поле из-за несчастной любви. Игрок должен разобраться в этой истории, выяснить происхождение призрака, найти удерживающий предмет, провести необходимый ритуал и вступить в бой с противником. Таким образом, мифологический персонаж становится элементом игровой драматургии.

Сходная трансформация наблюдается в образе лешего. В традиционной культуре леший воспринимался как хозяин леса и дух природного пространства и чаще всего изображается в виде стари-

ка с длинной бородой. В The Witcher он получает визуальный облик, подчеркивающий его связь с деревьями и дикой природой, – это высокое сухопарое существо, напоминающее ствол дерева. Сам игровой дизайн делает лешего объектом исследования и охоты и подсказывает игроку, что существо может быть уязвимо перед огнем. В бестиарии это подтверждается: одним из эффективных способов уничтожения лешего становится ведьмачий знак Игни, вызывающий поток пламени: *«Лешего можно встретить в густых древних лесах. Он живет в одиночестве, исключительно привязан к своей территории, и его крайне тяжело выследить. Пользуясь врожденной магией, он контролирует живущих на его территории зверей и растения, что делает его серьезным противником»* [17].

Е. И. Скорокозова, исследуя DLC «Кровь и вино» к «Ведьмаку 3», показывает, что механизм деконструкции традиционных сказочных сюжетов последовательно применяется разработчиками и в других локациях игры: «классические персонажи переосмыслены через призму мрачного фэнтези, приобретая новые символические и сюжетные функции», а фольклорные мотивы создают «сложные интертекстуальные связи» внутри игровой вселенной [14, с. 574–575]. В результате The Witcher использует славянскую мифологию прежде всего как основу художественной атмосферы и системы персонажей, интегрируя ее в структуру игрового процесса.

Если трилогия The Witcher не акцентирует внимание на каком-то одном персонаже, используя широкий спектр мифологических существ, то игра **Blacktail (2022)** сосредотачивается на образе Бабы Яги. В отличие от традиционных сказок, где Баба Яга чаще всего выступает второстепенным персонажем, Blacktail помещает ее в центр повествования. Игрок наблюдает не готовую мифологическую фигуру, а процесс ее становления, показанный через призму психологии героини.

С точки зрения мифопоэтики игра представляет собой своеобразный опыт реконструкции архетипа. По сюжету игрок управляет 16-летней девушкой Ягой, которую подвергают остракизму из-за ее связи с ведьмовством. Героине нужно найти свою пропавшую сестру и расследовать исчезновение других детей. Здесь происходит переосмысление сюжета по Проппу через придание ему противоположного смысла. Владимир Пропп утверждал, что переосмысление – это «замена одного элемента обряда, ставшего в силу исторических изменений ненужным или непонятным, другим, более понятным», и что «сюжет возникает путем отрицания действительности» [2, с. 18]. В мифах и сказках Яга похищает детей, в игре, наоборот, пытается найти и спасти их.

Тип Яги-похитительницы также был выделен Владимиром Проппом. Говоря об амбивалентно-

сти образа Бабы Яги, он различал три ее типа: Ягударительницу, Ягу-похитительницу и Ягу-воительницу [2]. Если разбирать образ героини видеоигры по этой классификации, то она ближе к типу воительницы как своей изначальной ипостаси: геймплей подразумевает активное исследование мира, сбор «ресурсов» и сражения с противниками.

Многогранность образа игровой Яги подчеркивает и этическая логика: в игре есть как условно хорошие, так и плохие действия и решения, на основании которых игрок может прийти к одной из нескольких концовок, выстроив собственного персонажа Бабы Яги. В конечном счете от действий игрока зависит, станет она «дарительницей» или «похитительницей».

Особое значение приобретает визуальная семантика игры. Пространство леса выступает не только местом действия, но и отражением внутреннего состояния героини. Природные ландшафты, сказочные существа и сюрреалистические образы формируют особый визуальный язык, в котором мифологическое и психологическое оказываются неразделимыми.

В игровой процесс также интегрированы и адаптированы узнаваемые атрибуты Яги. Так, Избушка на курьих ножках, которая в сказках стоит на границе между реальным и потусторонним миром и служит для обряда инициации [2], в *Blacktail* становится «хабом» – безопасным местом, куда Яга постоянно возвращается, чтобы отдохнуть, «прокачать свои навыки» и стать сильнее. У котла игрок не варит зелье в прямом смысле, а «переваривает» свои воспоминания. Таким образом, Избушка превращается в наглядную интерактивную иллюстрацию обряда инициации. Мифопоэтическая структура *Blacktail* демонстрирует характерную для современных видеоигр тенденцию к психологизации мифа. А традиционные образы используются для исследования внутренних конфликтов и личностного становления героя.

Игра *Yaga* (2021) демонстрирует иной подход к работе с фольклорным материалом. В отличие от *Blacktail*, ориентированной на переосмысление одного архетипического образа, *Yaga* стремится объединить и адаптировать различные сказочные и мифологические мотивы в единую повествовательную систему. В итоге получается некая адаптация плутовской волшебной сказки, следующая функциям, описанным Проппом. Основные персонажи распределены по архетипам: Иван-кузнец – «герой-искатель» или «герой-жертва» (главный герой игры), Царь – «вредитель» (основной антагонист, нарушающий покой главного героя), Баба Яга – «даритель» (помогает главному герою и выступает в роли наблюдателя) [1].

Сюжет *Yaga* использует классический сказочный мотив невыполнимого задания: «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Главный герой должен выполнить три невозможных поруче-

ния, данных ему Царем: «*Ступай в дали-дальние и верни мне силушку богатырскую*», «*Отправляйся за тридевять земель и найди сосуд с молодильной водой*», «*За девятью морями, за девятью горами найди для меня самую прекрасную жену и приведи ее мне*» [18].

Здесь использованы сюжеты русских народных сказок о молодильных яблоках и живой воде и о Марье Моревне [6]. Особый интерес представляет и образ Лиха. В народной традиции и в сказке «Лихо одноглазое» Лихо связано с представлениями о несчастье, злой судьбе и невезении [6]. В игре *Yaga* интертекстуальное поле сказки получает игровое воплощение через механику «дурной удачи», которую можно рассматривать как оцифровку абстрактной фольклорной категории Доли и Недоли [4]. Главный герой, как и в первоисточнике, преследуется Лихом, и шкала невезения заполняется каждый раз, когда игрок совершает нехарактерные для сказочного праведника действия. При заполнении шкалы игра накладывает текстовый и системный «дебафф», материализуя Лихо. Тем самым абстрактная мифологическая категория становится частью системы правил и непосредственно влияет на игровой процесс.

Сходные моменты наблюдаются и в игре «**Черная книга**» (2021): фольклорные представления интегрируются в систему повествования через жанр былички. В ходе прохождения игрок собирает рассказы о сверхъестественных событиях, которые становятся частью внутриигровой энциклопедии «Именослов».

Игровое повествование воспроизводит сам механизм существования фольклора как системы устных рассказов и свидетельств. Показательно, что многие задания в игре требуют от игрока знания ранее услышанных историй. Следовательно, фольклор перестает быть исключительно предметом изображения и становится функциональным элементом игрового процесса.

Например, в игре есть квест, в котором нужно избавить девушку от нечисти. Героине является окаянный в облике усопшего мужа без позвоночника, который лишает ее сил. Игроку нужно определить, какая нечисть виновата в болезни. Помочь в этом может собранная ранее быличка об огненном змее, которая гласит, что «*некоторые черти принимают облик усопшего родственника и являются скорбящим. Такой черт летает в воздухе огненным снопом, а на земле принимает облик покойного. Оpoznать его можно по отсутствию позвоночника*» [19].

Таким образом, «Черная книга» функционирует как цифровой музей, нарратив которого во многом состоит из быличек Чердынского уезда. По основному сюжету игры главная героиня Василиса должна открыть семь печатей Черной книги – артефакта, исполняющего любые желания. Василиса хочет вернуть с того света своего возлюблен-

ного, который погиб при загадочных обстоятельствах. Исследователь А. С. Торчик усматривает в этом сюжете различные фольклорные функции, выделенные Владимиром Проппом [1]. Так, смерть возлюбленного – это мотив «отлучки», «пособничество» – становление Василисы как ведьмы, «посредничество» – выполнение ее наставник, а «победа героя» зависит от выбора игрока, что демонстрирует взаимодействие элементов фольклорного жанра с традициями жанров современных видеоигр [12, с. 443–444]. Стоит отметить и переосмысление самого образа Василисы, который отсылает к Василисе Прекрасной или Премудрой. В отличие от традиционной модели «девы в беде», героиня предстает активным субъектом действия, берущим на себя роль спасительницы, а не спасаемой. Тем самым игра не только воспроизводит отдельные фольклорные мотивы, но и переакцентирует их в соответствии с современными культурными представлениями о женской субъектности, ответственности и самостоятельности [11, с. 71–72].

В игре «**Лихо одноглазое**» (2025), также основанной на одноименной сказке [6], показан переход от текстовой и системной трансляции фольклора к опыту переживания ужаса. По сюжету сказочные герои Кузнец и Портной отправляются на поиски Лиха. Но если в сказке они осознанно шли навстречу беде, то в игре игроку предоставляется выбор, чего ему не хватает: горя, света или истины. «*Знания обретают только те, кто прошел через темный лес. Только те, кто встретил лихо*» [20].

Видеоигра расширяет первоначальную историю и заставляет главного героя пройти через этапы обряда инициации: темный лес, переход в иной мир через избу, обретение волшебного помощника, испытания, пир и перерождение [2]. В то же время игрок проходит и основные сюжетные моменты сказки, такие как побег под шкурой овцы и отрубание руки. Мотивы хоррора выражаются здесь в отсутствии света (есть только спички, которые зажигает герой, чтобы осветить путь). Тьма постоянно напоминает о физическом присутствии Нави и Лиха, о том, что за игроком постоянно наблюдают [3].

Общей чертой всех указанных проектов является стремление не просто воспроизводить отдельные мифологические образы, а переводить традиционные представления в язык интерактивных механик. Благодаря этому миф перестает быть объектом рассказа и превращается в непосредственный опыт взаимодействия.

Анализ исследуемых игр позволяет выделить три основные модели работы с мифологическим материалом: адаптацию, стилизацию и переосмысление.

Адаптация предполагает стремление сохранить близость к фольклорному источнику при сохранении особенностей игрового нарратива. Наиболее последовательно данный подход реализован

в игре «Черная книга». Разработчики активно используют этнографические материалы, реальные былички и народные представления о нечистой силе. Основой художественного мира игры становятся не только отдельные мифологические существа, но и сама атмосфера северорусской деревни, в которой повседневная жизнь тесно переплетается с представлениями о нечистой силе, обрядах и суевериях. Значительная часть квестов основана на подлинных фольклорных текстах, а внутриигровой справочник выполняет образовательную функцию.

Стилизация характерна прежде всего для серии The Witcher. Несмотря на большое количество персонажей из славянской мифологии, мир игры не является ее реконструкцией. Напротив, он представляет собой фэнтези-вселенную, в которой отдельные мифологические элементы используются для создания узнаваемого культурного кода. Здесь мифология выполняет преимущественно эстетическую функцию. Многие фольклорные и мифологические образы в игре теряют свой первоначальный облик в угоду зрелищному визуальному стилю [14, с. 575–576]. Стилизация также характерна и для «Лиха одноглазого». Игра активно использует визуальный минимализм – черно-белое изображение, кадр в формате 1:1, что позволяет передать архаику страха. В то же время в ней адаптируется основной сказочный мотив Лиха, а также прохождение обряда инициации [2].

Промежуточное положение между адаптацией и стилизацией занимает Yaga. Игра одновременно сохраняет сказочные архетипы и свободно комбинирует элементы различных фольклорных традиций, создавая самостоятельную художественную систему.

Переосмысление наиболее ярко представлено в Blacktail. Разработчики сохраняют узнаваемые черты образа Бабы Яги, однако принципиально меняют смысловую структуру мифа. В результате возникает новый авторский нарратив, использующий традиционный образ как отправную точку для размышления о взрослении, одиночестве и самоопределении героини.

Таким образом, мифологический материал в современных видеоиграх не воспроизводится механически, а подвергается переработке, степень и характер которой зависят от задач конкретного произведения.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько ключевых функций славянской мифологии в современных видеоиграх. Прежде всего мифологический материал выполняет сюжетную функцию. Многие игровые конфликты, задания и сюжетные линии строятся на основе фольклорных мотивов. Поиск чудесных предметов, столкновение с нечистой силой, прохождение испытаний и путешествие в иной мир восходят к структурам волшебной сказки и мифа.

Не менее важной является функция миропостроения. Мифология формирует систему представлений о пространстве, времени и сверхъестественном внутри игрового мира. Особое место занимает персонажная функция. Именно мифологические персонажи выступают носителями культурной памяти и обеспечивают узнаваемость произведения. Баба Яга, леший, полуденница, Лихо сохраняют связь с фольклорной традицией даже в случае значительных авторских трансформаций.

Кроме того, мифологический материал выполняет идентификационную функцию. Использование славянской мифологии позволяет разработчикам создавать произведения, отличающиеся от традиционного западноевропейского фэнтези и подчеркивающие принадлежность к восточноевропейскому культурному пространству.

Таким образом, славянская мифология в современных видеоиграх выступает не как декоративный элемент, а как полноценный структурообразующий компонент игрового нарратива. Она участвует в создании сюжета, формировании игрового мира и конструировании системы персонажей, сохраняя связь с традиционной культурой и одновременно адаптируясь к требованиям цифрового медиума.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что славянский фольклор в видеоиграх выступает как культурный код, способный к трансформации в зависимости от жанровых и нарративных задач конкретного проекта. Материал волшебной сказки успешно переводится с вербального уровня (тексты быличек, сказок, мифологических описаний) на людонарративный уровень – игровые ресурсы, шкалы морали, механики выживания и боя, системы квестов.

Выявленные три модели работы с мифологическим материалом: адаптация, стилизация и переосмысление – не являются взаимоисключающими. В рамках одного проекта они могут сочетаться, однако степень их выраженности определяет художественную стратегию игры в целом. Наиболее устойчивой остается персонажная функция мифологии: образы Бабы Яги, лешего, полуденницы и Лиха сохраняют узнаваемость даже при существенной трансформации их сюжетной роли.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется расширение материала за счет других проектов со славянским культурным кодом, а также сравнительный анализ рецепции данных образов российской и зарубежной игровой аудиторией.

Литература

1. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М. : Иллюминатор, 2023. – 224 с.
2. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб. : Азбука : Азбука-

Аттикус, 2024. – 544 с.

3. Иванов, В. В. Славянская мифология / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 450–456.

4. Иванов, В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. – С. 65–73.

5. Мадлевская, Е. Л. Полудница / Е. Л. Мадлевская // Русская мифология : энциклопедия. – М. : Эксмо : Мидгард, 2005. – С. 340–343.

6. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984–1985.

7. Шевцов, К. П. Компьютерные игры как предмет философского анализа / К. П. Шевцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2016. – № 1. – С. 98–103.

8. Галанина, Е. В. Мифическое в виртуальных мирах видеоигр / Е. В. Галанина, А. С. Салин // Философия и культура. – 2017. – № 9. – С. 76–88.

9. Корнилова, Е. Н. «Многострадальный» Одиссей в видеоиграх XXI века / Е. Н. Корнилова // Гуманитарный вектор. – 2024. – Т. 19, № 4. – С. 151–161.

10. Косухин, А. В. Из легенд в новую реальность: трансформация скандинавской мифологии в видеоиграх / А. В. Косухин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2024. – № 7. – С. 47–54.

11. Никитина, А. В. Славянский фольклор и современные видеоигры / А. В. Никитина // Семантика народной культуры в литературе : материалы межвузовской междисциплинарной научной конференции с международным участием ; под общ. ред. Д. В. Абашевой. – М. : Московский педагогический государственный университет, 2022. – С. 71–78.

12. Торчик, А. С. Фольклорные мотивы в видеоиграх на примере игры «Черная книга» / А. С. Торчик // Аммосов – 2025 : сборник материалов общеуниверситетской научной конференции студентов и магистрантов. – Якутск : Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, 2025. – С. 443–447.

13. Рапота, Д. А. Славянский культурный код в трансмедийной метавселенной «Ведьмак» / Д. А. Рапота, Э. Г. Новикова // Русин. – 2025. – № 79. – С. 304–322.

14. Скорокозова, Е. И. Деконструкция героев сказок в игровом нарративе: анализ локаций Страна Тысячи Сказок в DLC «Кровь и вино» к игре «Ведьмак 3: Дикая охота» / Е. И. Скорокозова // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. – 2025. – Т. 2, № 1(34). – С. 574–578.

15. Итигулова, Ж. К. Мифология как способ освоения мира / Ж. К. Итигулова, Д. А. Кочорова // Вестник Ошского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 91–94.

16. Гнездова, Ю. В. Славянская мифология и фольклор: ресурс для креативных индустрий / Ю. В. Гнездова // Славянский мир: письменность, культура, история : материалы XXXIV Международной научно-практической конференции. – Курск, 2025. – С. 48–52.

17. The Witcher 3: Wild Hunt : видеоигра / разработчик CD Projekt RED. – Варшава : CD Projekt, 2015. – Бестиарий (внутриигровой текст).

18. Yaga : видеоигра / разработчик Breadcrumbs Interactive. – Бухарест : Versus Evil, 2021. – Игровой сценарий (внутриигровой текст).

19. Черная книга (Black Book) : видеоигра / разработчик Morteshka. – Пермь : HypeTrain Digital, 2021. – Именослов (внутриигровой текст).

20. Лихо одноглазое (One-Eyed Likho) : видеоигра / разработчик Morteshka. – Пермь : Morteshka, 2025. – Игровой сценарий (внутриигровой текст).

Зыховская Наталья Львовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: ladoga122@gmail.com. ORCID: 0000-0002-1697-2782

Безменов Денис Эдуардович – редактор ГБУ ДО «Дом юношеского технического творчества», соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: darionrise13@gmail.com

Поступила в редакцию 16 июня 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260309

SLAVIC MYTHOLOGY IN VIDEO GAMES: WAYS OF REPRESENTATION, TRANSFORMATION, AND FUNCTIONS IN CONTEMPORARY GAME NARRATIVE

N. L. Zykhoyskaia¹, D. E. Bezmenov^{1,2}

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²Supplementary Education House of Youth Technical Creativity, Chelyabinsk, Russian Federation

The article examines the representation of Slavic mythology in several video games, including The Witcher (2007), The Witcher 2: Assassins of Kings (2011), The Witcher 3: Wild Hunt (2015), Blacktail (2022), Yaga (2021), Black Book (2021), and One-Eyed Likho (2025). This study is relevant because of the increasing scholarly interest in mythological narratives in digital culture, as well as the need to understand how they function within game narratives. The article aims to identify various ways in which Slavic mythology is transformed into video games. The research material includes the listed video games and their accompanying in-game texts, such as bestiaries, encyclopedias, and scripts. The study employs narratological, comparative-typological, mythopoetic, and intermedial approaches. It reveals that Slavic mythology in video games serves both as a source of images and plot motifs, as well as a means for organizing the game world and its visual style. The analysis demonstrates that the use of mythological material varies across the selected projects: as a cultural code, as a basis for artistic stylization, and as a means of creating game atmosphere. Additionally, the study shows that in some games the Slavic myth becomes a structural principle of shaping characters, conflicts, and the player's interactive experience, rather than an external object of quotation.

Keywords: Slavic mythology, Slavic folklore, cultural code, video game, gamification, gameplay, fairy tale, memorate (vernacular legend), myth.

References

1. Propp V.Y. Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of the Folktale]. Moscow: Illyuminator, 2023. 224 p.
2. Propp V.Y. Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical Roots of the Fairy Tale]. Saint Petersburg: Alfabeta: Alfabeta-Attikus, 2024. 544 p.
3. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskaya mifologiya [Slavic Mythology] // *Mify narodov mira: entsiklopediya*: in 2 t. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. T. 2. P. 450–456.

4. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy [Slavic Linguistic Modeling Semiotic Systems]. Moscow: Science, 1965. P. 65–73.
5. Madlevskaya E.L. Poludnitsa [The Noon Witch] // *Russkaya mifologiya: entsiklopediya*. Moscow: Eksmo: Midgard, 2005. P. 340–343.
6. Afanas'yev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian Folk Tales]: in 3 t. Moscow: Science, 1984–1985.
7. Shevtsov K.P. Komp'yuternye igry kak predmet filosofskogo analiza [Computer Games as a Subject of Philosophical Analysis] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 2016. № 1. P. 98–103.
8. Galanina E.V., Salin A.S. Mificheskoe v virtual'nykh mirakh videoigr [The Mythical in the Virtual Worlds of Video Games] // *Filosofiya i kul'tura*. 2017. № 9. P. 76–88.
9. Kornilova E.N. "Mnogostradal'nyy" Odissey v videoigrakh XXI veka ["Long-suffering" Odysseus in Video Games of the 21st Century] // *Gumanitarnyy vektor*. 2024. T. 19, № 4. P. 151–161.
10. Kosukhin A.V. Iz legend v novuyu real'nost': transformatsiya skandinavskoy mifologii v videoigrakh [From Legends to a New Reality: The Transformation of Scandinavian Mythology in Video Games] // *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 2024. № 7. Pp. 47–54.
11. Nikitina A.V. Slavyanskiy fol'klor i sovremennye videoigry [Slavic Folklore and Modern Video Games] // *Semantika narodnoy kul'tury v literature: materialy mezhvuzovskoy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; pod obshch. red. D.V. Abashevoy*. Moscow: MPSU, 2022. P. 71–78.
12. Torchik A.S. Fol'klornye motivy v videoigrakh na primere igry "Chernaya kniga" [Folklore Motifs in Video Games: A Case Study of "Black Book"] // *Ammosov – 2025: sbornik materialov obshcheuniversitetskoy nauchnoy konferentsii studentov i magistrantov*. Yakutsk: NEFU named after M.K. Ammosov, 2025. P. 443–447.
13. Rapota D.A., Novikova E.G. Slavyanskiy kul'turnyy kod v transmediynom metavseleynoy "Ved'mak" [The Slavic Cultural Code in the Transmedia Universe of "The Witcher"] // *Rusin*. 2025. № 79. P. 304–322.
14. Skorokozova E.I. Dekonstruksiya geroev skazok v igrovom narrative: analiz lokatsii Strana Tysyachi Skazok v DLC "Krov' i vino" k igre "Ved'mak 3: Dikaya Okhota" [Deconstruction of Fairy Tale Heroes in Game Narrative: Analysis of the Land of a Thousand Fables Location in the "Blood and Wine" DLC for "The Witcher 3: Wild Hunt"] // *Forum. Seriya: Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk*. 2025. T. 2. № 1 (34). P. 574–578.
15. Itigulova Zh.K., Kochkorova D.A. Mifologiya kak sposob osvoeniya mira [Mythology as a Way of Comprehending the World] // *Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 4. P. 91–94.
16. Gnezdova Y.V. Slavyanskaya mifologiya i fol'klor: resurs dlya kreativnykh industriy [Slavic Mythology and Folklore: A Resource for Creative Industries] // *Slavyanskiy mir: pis'mennost', kul'tura, istoriya: materialy XXXIV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kursk, 2025. P. 48–52.
17. The Witcher 3: Wild Hunt: videoigra [The Witcher 3: Wild Hunt: video game] / razrabotchik CD Projekt RED / razrabotchik CD Projekt RED. Warsaw: CD Projekt, 2015. Bestiariy (vnutriigrovoy tekst).
18. Yaga: videoigra [Yaga: video game] / razrabotchik Breadcrumbs Interactive. Bucharest: Versus Evil, 2021. Igrovoy stseneriy (vnutriigrovoy tekst).
19. Chernaya kniga: videoigra [Black Book: video game] / razrabotchik Morteshka. Perm': HypeTrain Digital, 2021. Imenoslov (vnutriigrovoy tekst).
20. Likho odnoglazoe: videoigra [One-Eyed Likho: video game] / razrabotchik Morteshka. Perm': Morteshka, 2025. Igrovoy stseneriy (vnutriigrovoy tekst).

Natalia L. Zykhevskaya – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: ladoga122@gmail.com

Denis E. Bezmenov – Editor, Supplementary Education House of Youth Technical Creativity, Applicant for the Degree of Cand. Sc. (Philology), South Ural State University (National Research University), (Chelyabinsk), e-mail: darionrise13@gmail.com

Received June 16, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Зыковская, Н. Л. Славянская мифология в видеоиграх: способы репрезентации, трансформации и функции в современном игровом нарративе / Н. Л. Зыковская, Д. Э. Безменов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 79–86. DOI: 10.14529/ssh260309

FOR CITATION

Zykhevskaya N. L., Bezmenov D. E. Slavic mythology in video games: ways of representation, transformation, and functions in contemporary game narrative. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 79–86. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260309

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПРОЗЕ ПАВЛА УЛИТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ «МАКАРОВ ЧЕШЕТ ЗАТЫЛОК»)

Е. М. Кирякова, Г. Д. Распаева

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию библейских прецедентных феноменов в книге Павла Улитина «Макаров чешет затылок». На основе теории прецедентности и интертекстуальности авторами анализируются трансформации библейских имён, высказываний, текстов и ситуаций в ассоциативном, фрагментарном нарративе Улитина. Были обнаружены все виды прецедентных феноменов, сферой-источником которых является Библия: прецедентные имена (Понтий Пилат, Богородица Мария, Валтасар, Навуходоносор и другие), тексты (Ветхий и Новый Заветы), высказывания и ситуации, – содействующих раскрытию центрального мотива книги – судьба писателя в условиях преследования за идеи, не соответствующие рамкам цензуры. В ходе анализа были применены описательный метод, контекстуальный анализ и другие. По итогам проведенного исследования сделаны выводы о том, что библейские прецедентные феномены становятся неотъемлемой составляющей ассоциативно-фрагментарного нарратива. Они являются частью культурного кода и механизмом диалога культур, отсылают читателя к произведениям русской и зарубежной литературы, проводят мотив жертвенного служения искусству и противостояния писателя и системы. Таким образом, библейские прецедентные феномены становятся важной особенностью авторской стратегии и помогают читателю лучше понять интенцию автора.

Ключевые слова: Павел Улитин, постмодернизм, христианство, прецедентные феномены, Библия.

Введение

Традиционно религиозные тексты служили основой для новых метафор, символов и аллюзий в литературе. Диалог между текстом и религиозной традицией углубляет смысл текста, делает акцент на духовном аспекте существования человека [1–3]. Библейские прецедентные феномены часто встречаются в литературных текстах, создавая дополнительные смысловые слои и подтексты [4, 5].

Данная статья посвящена исследованию библейских прецедентных феноменов в книге Павла Улитина (1918–1986) «Макаров чешет затылок». Писатель не был известен при жизни [6], его произведения дважды публиковались за рубежом, после смерти писателя в России вышли три книги: в 2002 году была издана книга «Разговор о рыбе», книга «Макаров чешет затылок» вышла в 2004 году, с книгой «Путешествие без Надежды» читатели познакомились в 2006 году.

Книга «Макаров чешет затылок» была написана в середине 1960-х годов. С первых страниц произведения автор погружает читателя в плотную среду культурных кодов, где современная ему повседневность сталкивается с мировым художественным пространством, частью которого являются прецедентные феномены, отсылающие читателя к библейским текстам.

Обзор литературы

Термин «прецедентный текст» впервые был употреблен Ю. Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность» (1987). Он понимал прецедентные тексты как актуальные для конкретного носителя языка в познавательном и эмоцио-

нальном плане, известные его широкому окружению, включая предшественников и современников, к которым говорящий неоднократно обращается в речи [7].

Развивая идеи Ю. Н. Караулова о прецедентном тексте, исследователи Д. Б. Гудков, В. В. Красных и И. В. Захаренко предложили рассматривать в качестве прецедентных феноменов любые явления, обладающие широкой известностью в лингвокультурном сообществе. Согласно их подходу, такие феномены закрепляются в коллективном сознании и становятся общим достоянием его представителей [8, с. 104]. В то же время Е. А. Нахимова, основываясь на результатах собственного исследования восприятия прецедентных феноменов студенческой аудиторией, сочла уместным уточнить существующее определение. Она предлагает заменить формулировку «известные любому среднему представителю» на более точную – «известные значительной части» лингвокультурного сообщества [9].

Е. А. Нахимова выделяет три ключевых признака прецедентных феноменов: во-первых, их известность значительной части носителей культуры; во-вторых, их актуальность в когнитивном и эмоциональном аспектах; в-третьих, их регулярное обращение в речи членов данного сообщества [9, с. 172].

Д. Б. Гудков и В. В. Красных предложили иерархическую модель прецедентности, включающую в себя четыре уровня. К ним относятся: 1) автопрецедентные феномены, значимые для отдельной личности и её индивидуального ассоциа-

тивного поля; 2) социумно-прецедентные феномены, образующие коллективное когнитивное пространство определённой социальной группы; 3) национально-прецедентные феномены, являющиеся частью национальной когнитивной базы; 4) универсально-прецедентные феномены, входящие в глобальное, общечеловеческое когнитивное пространство [10, с. 103; 11, с. 173]. Прецедентные феномены, источником которых считается Библия, являются универсальными в силу универсально-глобального и всеобъемлющего характера данных феноменов [10].

Согласно В. В. Красных, прецедентная ситуация – это своего рода культурный эталон, хранящийся в коллективной памяти. Это узнаваемый сценарий, который мгновенно вызывает у носителей культуры целый набор привычных ассоциаций и смыслов. Прецедентный текст – это законченное речевое произведение, которое стало общим достоянием. Оно настолько хорошо знакомо типичному представителю культуры, что его можно не воспроизводить целиком, а лишь упомянуть, чтобы вызвать в сознании весь его объём. Прецедентное имя – собственное имя, обладающее прецедентным статусом, представляет собой апелляцию к когнитивной базе реципиента. Выступая в роли сложного знака, данное имя актуализирует не сам денотат, а весь коннотативный комплекс признаков, закреплённых за этим культурным текстом или ситуацией. Прецедентное высказывание – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений» [11, с. 172].

В текстах Павла Улитина прецедентные феномены играют ключевую роль. Как отметила Д. Барышникова, тексты Улитина «строятся / выстраиваются фрагментарно. Улитин называл свою технику “уклейкой” – это принцип монтажа, сводящий в один, но дискретный поток сознания воспоминания, фрагменты монологов, диалогов, цитаты разного рода и на разных языках. Текст отказывается от рамок сюжета и организуется лейтмотивами, соединяемыми ассоциативной логикой» [12, с. 284].

Методы исследования

Методология данной работы базируется на теории интертекстуальности (Ю. А. Кристева, Н. А. Кузьмина, Г. Г. Слышкин и др.), теории прецедентных феноменов (Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и др.). В работе применялись методы, позволившие провести многоаспектный анализ: когнитивное исследование, дискурсивный анализ, описательный метод, выявляющий роль библейских прецедентных феноменов в построении сюжетных линий нарратора; контекстуальный анализ, акцентирующий выявление смысловых

преобразований библейских прецедентных феноменов нарратором; были задействованы лингвокультурологические материалы, общенаучные методы обобщения и сопоставления, необходимые для достижения цели работы.

Результаты и дискуссия

Целью данного исследования является анализ библейских прецедентных феноменов в книге «Макаров чешет затылок» Павла Улитина.

В произведениях П. Улитина были обнаружены все виды прецедентных феноменов: имена, высказывания, тексты и ситуации, сферой-источником которых является Библия. Рассмотрим наиболее яркие примеры.

Нарратор использует **прецедентное высказывание** из Нового Завета: «*Ночевать вы должны в Москве! Идеиные механизмы действуют: кво вадис, Доминэ?*» [13, с. 19].

Выражение «Кво вадис, Доминэ?» (лат. Quo vadis, Domine?) из Нового Завета, Иоанна 13:36: «Симон Петр сказал Ему: Господи! **Куда Ты идешь?** Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною». Также этот вопрос был задан апостолом Петром Иисусу Христу в период гонений христиан во время правления императора Нерона. У Улитина это многослойная отсылка не только к библейскому тексту, но и к роману польского писателя Г. Сенкевича «Камо грядеши?», где автор изображает борьбу императора Нерона против христиан, проводя параллель с борьбой Польши за независимость. С одной стороны, прецедентное высказывание является маркером присутствия культурных кодов в тексте (Библия, иностранная литература), с другой стороны, его значение трансформируется. В тексте Улитина он идет после указания («ночевать вы должны в Москве»), что говорит о заранее заданном направлении. Реплика «идеиные механизмы действуют» намекает на то, что никто не может самостоятельно принимать решение. Куда придет такое общество, где фатальность и неизбежность сопровождает человека в существующем пространстве идеологических лозунгов и цензуры, – этот вопрос остается без ответа.

Следующий пример **прецедентной ситуации**, которая актуализируется при помощи **прецедентного высказывания** «пронеси чашу сию мимо меня» и **прецедентного имени** Понтий Пилат: «*Сам-то он иначе смотрит и иначе ощущает. Чашу Отче мимо не пронес. Разговор с Понтием Пилатом был другой*» [13, с. 86].

Продолжая тему божественной природы творчества, нарратор использует трансформированное прецедентное высказывание и делает отсылку к фразе, сказанной Иисусом Христом в Гефсиманском саду: «Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты» (Евангелие от Марка 14: 36). Перед своей мученической смертью Иисус Христос

понимал, что эта «чаша» может миновать его. Однако Он осознавал, что цель Его святой жизни – спасти людей от рабства греха и смерти, т. е. «испить чашу за всех, чтобы посредством ее искупить долги всех людей» [14]. Прецедентное имя **Понтия Пилата** упоминается в Евангелиях от Матфея, Иоанна, Марка и Луки. Он как префект Иудеи санкционировал казнь Иисуса Христа. Его имя является для нарратора символом диалога с властью, который заканчивается принесением творца в жертву системе.

Прецедентное высказывание является одновременно референцией к стихотворению Б. Пастернака «Гамлет» (1946)¹. Иисус пришел, чтобы испить чашу и искупить грехи людей, лирический герой Пастернака, подобно Гамлету, проявляет человеческую слабость и просит пронести чашу мимо него, молит о том, чтобы не становиться жертвой в чужой драме. У Улитина это уже не выбор и не мольба, а констатация свершившегося факта, приговора. Он описывает не драму выбора, а состояние после выбора, которого, возможно, не было. В его понимании личность художника, писателя подобна Христу, но описывает он не Христа, принявшего крест, и не Гамлета, колеблющегося его принять, а творца, который уже пьет свою чашу, став жертвой преследования, приговоров, попыток склонить к молчанию. Поскольку в книге одним из центральных мотивов является мотив противостояния писателей системе, много внимания уделяется судьбе Б. Пастернака, ставшего объектом травли со стороны союза писателей из-за присуждения ему Нобелевской премии по литературе в 1958 году. Таким образом, отсылка к прецедентной ситуации в тексте книги Улитина существует на трех уровнях: уровень культурного кода (как часть библейского текста, как отсылка к стихотворению Пастернака), уровень реальных событий (жизнь Б. Пастернака), параллель с другими современными писателями (диссиденты 1960-х).

Прецедентная ситуация, связанная с Лаодикийской церковью, актуализируется через **прецедентное имя Ангел Лаодикийской церкви**: «И оного дать не можем, поелику не имеем. Так держать, сестра! Человек меняет кожу. Такой

финал. Хорошо Ангелу ЛЦ: ему волноваться нечего. Ему ждать некого» [13, с. 41]. **Прецедентное имя Ангел ЛЦ** (Лаодикийской церкви) из Откровения: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч!» (Откровение 3:15). Интересно, что в тексте вместо полного названия использована аббревиатура. Можно провести параллель между советским новоязом и обилием аббревиатур, особенно в обозначении организаций и учреждений. Образ Ангела Лаодикийской церкви репрезентирует деградацию и безразличие людей к духовной жизни, к настоящему искусству.

Нарратор обращается к нему еще раз: «*Это что, “данс макабр” что ли? Она читает Натали Саррот и Андрея Белого. Ее тянет к “Носу” Гоголя. Не с ее носом. Принцесса, но курносая. Она не любит бессильных мужчин. Она терпеть не может слабых людей. И Ангелу Лаодикийской церкви написал Товарищ Бог Ослов*» [13, с. 110].

Лаодикийская церковь, упоминаемая святым Иоанном Богословом в Откровении 3:14, обличается за недостаток горячности веры и земные пристрастия. Претекст: «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч!» (Откровение И. Богослова 3:14).

Нарратор создает интеллектуальный литературный коллаж из прецедентных имен и библионимов, которые в свою очередь являются маркерами смысловых слоев фрагментарного повествования. Это не описание человека или образа, а проекция этого образа в сознании нарратора.

Прецедентные имена и библионимы создают литературный смысловой слой. Литературные и культурные коды перемешиваются и предоставляют читателю возможность достроить смысловые связи. *Danse macabre* (1874) («Пляска смерти») – это обращение к аллегорическому сюжету европейской средневековой ортодоксально-церковной и ритуально-фольклорной культуры и отсылка читателя к симфонической поэме французского композитора К. Сен-Санса по стихотворению «Равенство, братство» (*Égalité-Fraternité*) А. Казалиса, в котором описывается ночной танец скелетов на кладбище под аккомпанемент скрипача-Смерти. Лаодикийская церковь и пляска смерти выступают в роли метафоры современной Улитину эпохи, когда часть классического искусства не признавалась официально, а все новое и прогрессивное подавлялось, часть культуры была мертва для зрителей и читателей.

Одной из особенностей авторской стратегии Улитина является создание многослойного фрагментарно-ассоциативного нарратива, в котором одно то же прецедентное имя относится к разным культурным кодам, разным текстам и ситуациям: «*Ни ассонансов ни аллитераций. Просто здорово*

¹ Претекст:

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске,

Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, Авва Отче,

Чашу эту мимо пронеси.

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не поле перейти.

звучит. *“Пир Бальтасара” у Ольги Чуминой лучше, чем у Байрона. Это как перевод на французский язык у поэта. И ничего не теряется. Это как карманный формат “Нового мира”. И ничего не теряется»* [13, с. 87].

Прецедентное имя Балтасар (Валтасар – последний царь Вавилона) как символ падения Вавилона упоминается в Ветхом Завете, Книга Даниила 5: 1. Устроив пир, посвященный вавилонским богам, Валтасар приказал принести драгоценные сосуды, взятые из Иерусалимского храма. Во время пира на стене появилась рука, писавшая слова, обращенные к Валтасару. Смысл послания смог объяснить пророк Даниил, который еще при царе Навуходоносоре был известен даром толкования снов царей. Послание гласило: «И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это; но вознесся против Господа небес, и сосуды Дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки и начертано это послание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН» (Кн. Даниила 5: 22–25).

Этот сюжет лежит в основе стихотворения Дж. Байрона «Еврейские мелодии 17. Видение Валтасара» (Vision of Belshazzar). Нарратор сравнивает оригинал Байрона и перевод Ольги Чуминой «Пир Валтасара», который «просто здорово звучит», таким образом, он ссылается сразу на три текста.

В книге повторно упоминается Валтасар: *«В Оксбридже 4 года было потрачено на то, чтобы привыкнуть к новому произношению старых имен. И Валтасар, и Анадиемена, и Навуходоносор казались новыми людьми. Новые персонажи только на новый взгляд кажутся новыми»* [13, с. 88].

Интересно, что Улитин использует два варианта прецедентного имени: *Бальтасар*, более характерный для западной традиции, и *Валтасар*, более распространенный в восточной Европе. В примере упоминается еще одно ветхозаветное прецедентное имя Вавилонского царя **Навуходоносора**, осадившего и ограбившего Иерусалим и Иерусалимский храм, при этом еврейский народ и царь Иехония были отведены в плен в Вавилон. В англоговорящих странах его называют *Nebuchadnezzar II*, поэтому нарратор отмечает «новое произношение старых имен» в «Оксбридже». Разные варианты чтения прецедентных имен являются способом показать диалог русской и западной культуры.

В произведении П. Улитина были обнаружены упоминания **прецедентных текстов**: Ветхий Завет и Новый Завет, входящие в состав Библии. Нарратор использует два созвучных слова, проти-

воставляя материальное духовному: завещание (термин из области гражданского права, обозначает одностороннюю сделку относительно материальных вещей) и завет (духовное или моральное обязательство): *«А куда ж делось это завещание? И почему два? Одно ветхое, другое новое. Два завета. Ушел. Ушел! Ушел!! УШОЛ Не в первый раз. Но может и в последний. И ОНОГО ДАТЬ НЕ МОЖЕМ ПОЕЛИКУ НЕ ИМЕЕМ»* [13, с. 94].

Ветхий и Новый Завет описывают отношения Бога с человечеством: Ветхий Завет содержит историю творения и пророчества, а Новый повествует о жизни, учении и жертве Иисуса Христа, спасении и жизни первых христиан. В христианской традиции Бог спускался на землю в воплощении Иисуса Христа, также в Ветхом Завете упоминается явление Бога (Яхве) и ожидается его «второе пришествие». В тексте Улитина нет надежды на возвращение того, кто ушел, нет надежды на лучшие времена.

Используя прецедентные высказывания, нарратор иносказательно говорит о распространении идей и жертве тех, кто этому способствовал: *«Эпиграф тот же: а если умрет, то принесет много плода. Если падшее зерно не прорастет, то библейская традиция пойдет дальше и будет выслушивать от кого-то еще: комедиантка, страдальца, великомученица, вы думаете, это и значит выражаться библейски? <...> Он лучше всех умеет затачивать острые концы, но иглозное ушко – не его специальность. Нет возврата к старым воплям. Мороз тот же?»* [13, с. 107].

Претекст **прецедентного высказывания** – Евангелие от Иоанна 12:24: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». В этой притче Иисус Христос, предсказывая Свою смерть в образе падшего зерна, предвосхищает приумножение верующих в Него среди еврейского народа и язычников, явление Своей Силы через Свое воскресение.

Еще одно **прецедентное высказывание** сокращено до словосочетания «игольное ушко», в Библии (Мф. 19:24, Мк. 10:25, Лк. 18:25) это образное сравнение, иллюстрирующее, как трудно богатым людям, возложившим свою надежду на богатство, войти в Царство Божие: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». Христос призывает верующих своими талантами (любовью к окружающим, способностями) и богатством служить Ему, помня подвиг Христа, отдавшего все для спасения людей. В тексте Улитина оно относится ко всем писателям, которым выразить свои идеи и опубликовать свои книги было так же сложно, как «пройти сквозь игольное ушко». Со временем интерес к неопубликованным или запрещенным книгам возрастает, и, возможно, они станут популярны после смерти их авторов.

Библейские прецедентные высказывания оказываются вплетены в исторический контекст: «Перед судом истории /вечно с вами какая-нибудь история!/: в замысле и в результате и на взгляд младенца **уста́ми младенцев глаголет великий язык кинематографа Авэ / ? / *Мариа!* Моритури те салютант!**» [13, с. 108].

Трансформированное **прецедентное высказывание** «уста́ми младенцев глаголет» (претекст: «Иисус же говорит им: да! Разве вы никогда не читали: “из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу”»? (Евангелие от Матфея 21: 16). Фраза описывает сцену входа Иисуса Христа в Иерусалим на осленке, сопровождаемого восклицаниями и хвалой детей, которые известны своей непосредственностью, искренним выражением своих мыслей, а также Христос напоминает, что из уст маленьких детей может быть провозглашена великая истина.

В. И. Ленин считал кино «важнейшим из искусств» [15, с. 19]. Кинематограф использовался в целях пропаганды, и искусство, в том числе кино, превратилось в инструмент идеологического воздействия на людей. П. Улитин сокращает высказывание и употребляет вместо слова «хвалы» словосочетание «великий язык кинематографа», что намекает на возможность обладающих властью людей «устроить хвалу» самим себе, подменив кинематографом реальность для обезличенной инфантилизированной массы. Нарратор апеллирует к суду истории, которому предстоит позже отличить одно от другого.

Прецедентное высказывание «Авэ Мариа!», произнесенное Архангелом Гавриилом (Евангелие от Луки 1: 28) и праведной Елисаветой (Евангелие от Луки 1:42), родившей пророка Илью, является Богородичной молитвой в католицизме и соответствует молитве в православии «Богородица Дева, радуйся!». В тексте смешиваются два высказывания «Ave Maria!» и «Ave Caesar! Morituri te salutant!». Это два приветствия, одно обращено Архангелом к божественной сущности, второе произносили гладиаторы, приветствуя земного владыку (Цезаря). Внедрение новой идеологии через кино предстает как ложное благоговение, кощунственная подмена священного события. Публика, принимающая этот новый «язык», становится толпой, принужденно приветствующей систему, которая ведет их к духовной гибели. Так, библейские прецедентные феномены в тексте Улитина становятся инструментом для вскрытия механизмов подмены истины, профанации веры и превращения искусства в орудие массового гипноза.

В этих условиях христианские добродетели оказываются иллюзией: «А дело одно. *И остается только дайджест в чужом архиве. Некрасиво. Надежда была. Вера была. А любовь была? Была и любовь. Вот чем обернулось возвращение*» [13, с. 122].

В Библии вера, надежда и любовь – это три центральные христианские добродетели, претекстом высказывания является стих из Коринфянам 13:13: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». В произведении прецедентное высказывание изменено: и вера, и надежда, и любовь были когда-то там, в прошлом. Это констатация краха, в настоящем их больше нет, и остается только «дайджест в чужом архиве». Этот дайджест и есть текст Улитина, эти осколки, фрагменты и обращения к другим текстам – единственное, что он может спасти, пусть даже сохранив «в чужом архиве».

Выводы

В произведении «Макаров чешет затылок» П. Улитина были обнаружены все виды прецедентных феноменов: имена (Мария, Валтасар, Навуходоносор, Понтий Пилат, Лаодикийская церковь), тексты (Новый и Ветхий Завет), ситуации и высказывания в трансформированной, сокращенной форме, актуализирующиеся в тесной связи между собой. Апелляция к библейским прецедентным феноменам выражает субъективное отношение нарратора к творчеству писателя. Он говорит о потере ориентиров («Кво вадис?»), о жертвенной природе служения искусству (Понтий Пилат, чаша), о духовной бедности официального искусства (Лаодикийская церковь), о связи культур (разное звучание прецедентных имен), о стремлении быть честным с собой и говорить об истине («много плода»), о распространении идеологии через искусство («уста́ми младенцев глаголет великий язык кинематографа») и полной безысходности («Надежда была. Вера была. А любовь была? Была и любовь»). Прецедентные феномены из Библии являются частью авторской стратегии, Улитин создает «скрытый сюжет», используя «чужое слово», то, что уже было сказано и написано.

Когда в тексте встречаются отсылки к Библии, речь идет о чем-то глубоком и настоящем в мире «халтуры». Но говорить об этом не просто, каждая отсылка оказывается трансформированной, усеченной. Библейский код используется не для утверждения веры, а для фиксации ее отсутствия. Таким образом, нарратор обращается к Библии как к способу выразить невыразимое: не присутствие Бога, а оглушительность его молчания, не торжество истины, а тошноту от лжи, не пребывание любви, а мучительную ясность ее ухода. Прецедентные феномены из библейских текстов диагностируют духовную болезнь эпохи через ее неспособность вместить исконные смыслы (любовь, жертвенность, надежда, искупление, вера).

Литература

1. Breck, J. The Shape of Biblical Language: Chiasmus in the Scriptures and Beyond / J. Breck. – N. Y. : St. Vladimir's Seminary Press, 1994. – 387 p.

2. Alter, R. Canon and Creativity: Modern Writing and the Authority of Scripture / R. Alter. – New Haven : Yale Univ. Pr., 2000. – 198 p.
3. Phillips, G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? / G. Phillips // *The Intertextuality of the Epistles: Explorations of Theory and Practice*. – Sheffield, 2006. – P. 36–45.
4. Liptak, R. Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present / R. Liptak. – Pretoria : University of Pretoria, 2006.
5. Phillips, G. Sign / Text / Difference. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism / G. Phillips // *Intertextuality*. – New York : de Gruyter, 1991. – P. 79–97.
6. Мемориальный сайт Улитина в составе Русской виртуальной библиотеки. – URL: <http://rvb.ru/ulitin/index.html> (дата обращения: 20.09.2025).
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
8. Гудков, Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // *Вестник Московского университета*. – Серия 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 106–117.
9. Нахимова, Е. А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах / Е. А. Нахимова // *Известия УрГПУ. Лингвистика*. – 2004. – Вып. 13. – С. 166–175.
10. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
11. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
12. Барышникова, Д. В. Поэтика и художественные стратегии П. П. Улитина в контексте литературы московского концептуализма 1960–1970-е гг. / Д. В. Барышникова // *Пригов и концептуализм*. – М. : НЛЮ, 2014. – С. 282–287.
13. Улитин, П. П. Макаров чешет затылок / П. П. Улитин. – М. : Новое издательство, 2004. – 174 с.
14. Сирин, Е. О страстях. Азбука веры. Православная библиотека / Е. Сирин. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/15 (дата обращения: 20.01.2026).
15. Болтянский, Г. М. Ленин и кино / Г. М. Болтянский. – М., 1925. – 96 с.

Кирякова Елена Маратовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: kiriakovaem@susu.ru. ORCID 0000-0002-6093-2091

Распаева Гульжан Джамбуловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: raspaevagd@susu.ru. ORCID 0000-0002-1922-9345

Поступила в редакцию 18 мая 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260310

BIBLICAL PRECEDENT PHENOMENA IN THE PROSE OF PAVEL ULITIN (BASED ON THE BOOK MAKAROV SCRATCHES THE BACK OF HIS HEAD)

E. M. Kiriakova, G. D. Raspaeva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article analyzes biblical precedent phenomena in the book *Makarov Scratches the Back of his Head* by Pavel Ulitin, one of the less studied writers. Using the theory of precedent and intertextuality, the authors analyze the transformations of biblical names, sayings, texts, and situations in Ulitin's associative and fragmented narrative. They identify all types of precedent phenomena originating from the Bible: precedent names (Pontius Pilate, the Virgin Mary, Belshazzar, Nebuchadnezzar, and others), texts (the Old and New Testaments), sayings, and situations that contribute to revealing the central theme of the book – the fate of the writer under persecution for ideas violating censorship. The analysis is based on descriptive methods, contextual analysis, and other methods. The study concludes that biblical precedent phenomena become an integral component of the associative and fragmented narrative. They are part of the cultural code and a mechanism for intercultural communication, linking readers to works of Russian

and foreign literature, and reflecting the theme of selfless dedication to art and the confrontation between the writer and the system. Thus, biblical precedents become an essential feature of the author's strategy, assisting the reader in better comprehending the author's intent.

Keywords: Pavel Ulitin, postmodernism, Christianity, precedent phenomena, the Bible.

References

1. Breck J. The Shape of Biblical Language: Chiasmus in the Scriptures and Beyond. New York: St. Vladimir's Seminary Press, 1994. 387 p.
2. Alter R. Canon and Creativity: Modern Writing and the Authority of Scripture. New Haven: Yale Univ. Pr., 2000. 198 p.
3. Phillips G. Biblical Studies and Intertextuality: Should the work of Genette and Eco broaden our horizons? // *The Intertextuality of the Epistles: Explorations of Theory and Practice*. Sheffield, 2006. P. 36–45.
4. Liptak R. Coming to Terms with Intertextuality: Methodology Behind Biblical Criticism Past and Present. Ph.D. Thesis. Pretoria: University of Pretoria, 2006.
5. Phillips G. Sign / Text / Difference. The Contribution of Intertextual Theory to Biblical Criticism // *Intertextuality*. New York: de Gruyter, 1991. P. 79–97.
6. Memorial'nyy sayt Ulitina v sostave Russkoy virtual'noy biblioteki [Memorial site of Ulitin in Russian online library]. URL: rvb.ru/ulitin/index.html (date of accessed: 20.09.2025).
7. Karaulov J.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Science, 1987. 261 p.
8. Gudkov D.B., Krasnykh V.V., Zakharenko I.V., Bagaeva D.V. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy [Some Peculiarities of Precedent Utterances Functioning] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 1997. № 4. P. 106–117.
9. Nakhimova E.A. O kriteriyakh vydeleniya pretsedentnykh fenomenov v politicheskikh tekstakh [On Criteria for Identifying Precedent Phenomena in Political Texts] // *Izvestiya UrGPU. Lingvistika*. 2004. T. 13. P. 166–175.
10. Gudkov D.B. Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii [Theory and Practice of Cross-Cultural Communication]. Moscow: Gnozis, 2003. 288 p.
11. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili realnost? ["Our Own" among "Strangers": Myth or Reality?]. Moscow, 2003. 375 p.
12. Baryshnikova D.V. Poetika i khudozhestvennye strategii P.P. Ulitina v kontekste literatury moskovskogo kontseptualizma 1960–1970-e gg. [Poetics and Artistic Strategies of P.P. Ulitin in the Context of Moscow Conceptualist Literature (1960s–1970s)] // *Prigov i kontseptualizm*. Moscow: NLR, 2014. P. 282–287.
13. Ulitin P.P. Makarov cheshet zatylok [Makarov Scratches His Head]. Moscow: New Publishing House, 2004. 174 p.
14. Sirin E. O strastyakh. Azbuka very. Pravoslavnaya biblioteka [On Passions. Alphabet of Faith. Orthodox Library]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Efrem_Sirin/tvorenia/15 (date of accessed: 20.01.2026).
15. Boltyansky G.M. Lenin i kino [Lenin and Cinema]. Moscow, 1925. 96 p.

Elena M. Kiriakova – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kiriakovaem@susu.ru

Gulzhan D. Raspaeva – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: raspaevagd@susu.ru

Received May 18, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кирякова, Е. М. Библейские прецедентные феномены в прозе Павла Улитина (на материале книги «Макаров чешет затылок») / Е. М. Кирякова, Г. Д. Распаева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 87–93. DOI: 10.14529/ssh260310

FOR CITATION

Kiriakova E. M., Raspaeva G. D. Biblical precedent phenomena in the prose of Pavel Ulitin (based on the book *Makarov scratches the back of his head*). Ser. *Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 87–93. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260310

СИМВОЛИКА ЧАЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»**В. В. Королева, Ю. С. Хворостянная***Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация*

В статье исследуется многогранный символический образ чая в романе Ф. М. Достоевского «Бесы», анализируются его функции. Утверждается, что образ чая играет важную роль в раскрытии идейного содержания и поэтики произведения, раскрывает характер персонажей, а также транслирует авторскую оценку. В основе методологии лежит комплексный анализ текста романа с привлечением работ литературоведов (И. В. Бурдин), философских концепций (Вяч. Иванов), а также историко-культурного контекста (словарь В. И. Даля, пословицы) и автобиографических материалов писателя.

В результате исследования выявлены ключевые функции символа чая: коммуникативная («приглашение к беседе»), характерологическая (индикатор напряженных отношений между героями, маркер их нравственного состояния), сюжетообразующая и мировоззренческая. Особое внимание уделяется тому, как температура напитка («горячий», «теплый», «холодный») становится своеобразным ключом к пониманию внутреннего мира персонажей, их душевного холода или духовного горения; проводятся параллели с библейской символикой (отвержение «теплого»). Делается вывод, что чай в «Бесах» – сложный полифункциональный символ, актуализирующий важнейшие мотивы романа: соблазна, пустоты, ложного единения и трагического распада связей. Предложенный в статье вектор анализа позволяет по-новому взглянуть на эволюцию символов в позднем творчестве Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», символ, чай, поэтика, художественная деталь, Кириллов, Ставрогин, интерпретация, мотив.

Введение

Современники Ф. М. Достоевского нередко критиковали его за идеализм и фантастичность текстов. На сегодняшний день в академической среде произведения писателя не определяют как чисто реалистические, появляется больше исследований, направленных на изучение символической составляющей романов. Роман Достоевского «Бесы» активно изучается, большое количество исследователей обращается к символизму романов классика, зачастую останавливаясь на их религиозной основе. Однако недостаточно изученными остаются символы вещественного мира, которые играют немаловажную роль в произведении. Поэтому в данном исследовании мы обратимся к символике чая, рассмотрим его функции в «Бесах».

Обзор литературы

В современном литературоведении символика романов Ф. М. Достоевского активно изучается. Уже в начале XX века Вячеслав Иванов [1] называет реализм Достоевского «онтологическим», проникающим «в чужое я», в другую, но существующую реальность, то есть реализмом, воспроизводящим внутренний мир через внешние события. В книге Вяч. Иванова «Достоевский: трагедия – миф – мистика» [1] можем найти определение «символический» реализм, понятие, отталкивающееся от определения самого классика: «реализм в высшем смысле». Р. Л. Шмараков [2] исследует символы в романе «Бесы», анализируя символику самозванства, апокалиптическую образность. Шмараков строит свое исследование, связывая поэтику Достоевского со средневековой

трактовкой символов. К символике романиста обращаются А. Закржевский [3], Л. И. Сараскина [4, 5], Н. О. Булгакова [6], С. М. Телегин [7]. Исследователь С. Л. Шараков [8] также подчёркивает важность не историчности, а вечной истины. У Достоевского герои, символика, по мнению исследователя, соотносятся с вечным, с верой, с истиной, поэтому произведение принимает внеисторическую форму.

Методы исследования

В процессе работы использованы биографический, сравнительный, архетипический, мифопоэтический подходы в анализе художественного произведения.

Результаты и дискуссия:

Значение символа «чай» глубоко уходит в историю русской литературы. Являясь выражением добродушия, отзывчивости, чай используется Гоголем. И. В. Бурдин [9] отмечает, что напиток в произведениях классика вписывается не только в экономический и гастрономический аспект, но и в сам сюжет. Исследователь приходит к выводу: «Ключевыми репрезентациями концепта в поэме являются следующие: «чай как элемент гостеприимства», «чай как атрибут дружеского общения», «чай как товар», «чай как элемент роскоши», «чай как часть алкогольной культуры». Чаепитие характеризует героев поэмы, атрибуты чайной трапезы становятся яркими деталями, иллюстрирующими быт того или иного помещика произведения» [9, с. 83]. Бурдин отмечает чай как характеристику быта, соотнося этот символ с мотивом дороги. Последний активно реализуется в романе «Бесы». Бур-

дин обращается к творчеству Достоевского, выделяя в его романах следующие функции чая: «чай как элемент быта», «чай как часть трапезы», «чай как атрибут дружбы и общения», «чай для размышлений», «чай как лекарство и источник силы» [10, с. 85]. С. А. Скуридина [11] также выделяет чаепитие как важный процесс в произведениях Достоевского. Исследователь, рассматривая повесть «Дядюшкин сон», приходит к выводу, что эта гастрономическая деталь не просто создает исторический колорит, но и помогает раскрыть образ персонажей, а также показать авторское отношение к ним.

Обратимся к самой личности автора: чай был важной составляющей быта для Достоевского. В письмах писателя к отцу, которые он писал из училища, автор просит отца о чае и сахаре, считая это необходимыми продуктами: «Это и без того необходимо, и необходимо не из одного приличия, а из нужды» [12]. О любви к этому напитку писала дочь Достоевского, Любовь Федоровна. Она отмечала, что чай был важным элементом быта писателя: «Отец любил сам разливать чай и всегда пил очень крепкий чай. Он выпивал два стакана и брал третий с собой в кабинет, где пил его во время работы небольшими глотками» [13, с. 146]. «Чай Федор Михайлович пил крепкий и сладкий, по несколько стаканов, сидя за своим письменным столом, ходя за каждым стаканом через залу в столовую, где стоял самовар и чайный прибор, и наливал его себе сам» [13, с. 284]. Чай стал необходимой частью существования Достоевского, поэтому он нередко появляется на страницах его произведений (в том числе в романе «Бесы»), зачастую выполняет функцию символа.

Заметим, что символ чая глубоко укоренен в русской культуре, народная мысль связывает его с началом беседы, добродушием, отзывчивостью. Это отражается в лексике. Обратимся к словарю В. Даля [14], чтобы на основе пословиц, поговорок и лексического значения сформировать функцию чая в понимании народа. «Чай – это деревце, чайное дерево или подсушенные листья и его самый настой этих листьев, напиток». В словаре приведены следующие возможные употребления слова: «На Руси еще никто чаем не подавился, когда попадает в чашку стебелек», «Где нам дуракам чай пить», «Вместе чай пить, в трактире купить, продать что, заключить обязательство», «Не просят на водку, а просят на чай» [14, с. 1277]. Итак, чай имеет положительную окраску, подразумевает общение, беседу близких людей, нередко означает заключение обязательств. Даль в словаре приводит пословицы, которые отражают значение чая для народа: «Вышей чайку – забудешь тоску» [14, с. 1277]. Есть пословицы, в которых чай дарит физическую силу: «Чай не пьешь – откуда силу возьмешь?», «Самовар, что море соловецкое. Пьем из него за здоровье молодецкое» [14, с. 1277]. Поэто-

му чай – не только показатель благодушия, но и источник «живой» силы, он обладает излечивающей функцией, помогает и душе, и телу. Чай по Далю выходит за пределы воздействия только на одну личность, приобретает масштабы влияния на целую нацию. поэтому зачастую в пословицах используется обобщение «Русь»: «Чаем на Руси никто не подавился» [14, с. 1277]. Таким образом, в народном сознании церемония чаепития представлялась как интимный, дружеский процесс, приносящий духовное равновесие и физическое здоровье.

Чай на страницах романа «Бесы» выполняет функцию символа, играет важную роль в раскрытии как образов персонажей, так и сюжета в целом. Герои романа пьют чай и предлагают его другим персонажам. Напиток подается в разном состоянии: теплом, горячем и холодном, а также в разное время суток: днем или ночью, что, несомненно, играет свою роль в трактовке тех или иных событий и персонажей.

Впервые напиток упоминается в первой главе. В этой сцене Дарья Павловна, недавно вернувшаяся из Швейцарии, разливает чай себе и Варваре Петровне. Ставрогина находится в смятении из-за слухов и анонимных писем, в которых Дарью обвиняют в тайных связях со Ставрогиным, сыном генеральши: «Утром, когда Дарья Павловна за чайным столиком разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально в нее всматривалась и, может быть в двадцатый раз со вчерашнего дня, с уверенностью произнесла про себя: – Все вздор!» [15, с. 77]. В этом фрагменте чай на первый взгляд может являться просто деталью быта, однако отметим, что чай указывает на начало беседы, на важные сюжетные перипетии. За чаем последует разговор о женитьбе Степана Трофимовича на Дарье Павловне, возможная помолвка стала причиной ссоры Ставрогиной и Верховенского. Позже, в этой же главе, разговаривая со Степаном Трофимовичем, Варвара Петровна просит его устроить «вечерний чай» [15, с. 88], чтобы на нем официально сделать предложение Шатовой. Таким образом, чай нередко сопровождает важные сюжетные повороты, раскрывая при этом отношения героев друг к другу (Варвара Петровна убеждается в невинности Даши, устраивает женитьбу Степана Трофимовича).

Отметим, что чай реализует мотив беседы, крайне важный для идеологических романов автора – через диалог, монолог герои сообщают читателю основы личной идеологии. Чай обладает символикой добродушия, люди приглашают к нему, показывая свое расположение. То, что Дарья Павловна разливает чай, подчеркивает положительные черты героини: именно в этой сцене Варвара Петровна убеждается, что слухи о Даше (об украденных деньгах и связи с ее сыном) не могут быть правдой. Таким образом, чай «разоб-

лачает» персонажей – подчёркивает положительные или отрицательные стороны.

Символ чая в «Бесах» связан с фигурой Кириллова Алексея Нилыча. «Я чай люблю...ночью; много, хожу и пью; до рассвета. За границей чай неудобно» [15, с. 77], – говорит о себе герой. Как и многими персонажами Достоевского, Кирилловым владеет идея: он размышляет на тему человека: «Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог» [15, с. 124]. Сделаться Творцом Кириллов надеется через самоубийство: «Кто смеет себя убить, тот Бог» [15, с. 124]. Об этом Кириллов размышляет ночами, поэтому это время суток для него – время размышлений, чай сопровождает этот процесс.

Примечательно, что «исповедь» персонажа, в которой он делится своим мировоззрением, в том числе упоминание о его любви к чаю, происходит во время второй встречи рассказчика и Алексея Нилыча, но не при первом знакомстве, в котором участвовал один из главных сплетников города Липутин. Автором описано, как Кириллов пил чай: «Баба скоро внесла чай, то есть большущий чайник горячей воды, маленький чайник с обильно заваренным чаем, две большие каменные, грубо разрисованные чашки, калач и целую глубокую тарелку колотого сахара» [15, с. 124].

Обратим внимание на отношение рассказчика к предложению Кириллова выпить чай. Он от него не отказывается, за этим следует интимная, близкая беседа еще мало знакомых людей. В этой сцене чай – особая степень сближения. На следующий день рассказчик посещает Шатова и, говоря о Кириллове, замечает: «Я у этого Алексея Нилыча вчера чай пил...» [15, с. 144]. Но фраза обозначает гораздо больше: он не просто пил чай, а знакомился с героем, его идеологией и личной трагедией. Он замечает в конце фразы: «Он, кажется, помешан на атеизме» [15, с. 144]. Чай – это символ беседы, в которой герой раскрывается для читателя.

Кириллова посещает Николай Ставрогин – центр романских конфликтов. Их встреча происходит в главе «Ночь», в той же квартире Кириллова. Описывая комнату, автор упоминает: «Сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, светил свет и слышался смех...» [15, с. 233]. Автор подчеркивает важность процесса в жизни героя, его фантастические размышления на страницах романа часто связаны с чаем. Опираясь на народные представления о чае, можем характеризовать героя как открытого к диалогу, отзывчивого, сопереживающего персонажа (для тех, кому он предлагает чай, напиток – своеобразное приглашение к беседе). Пристрастие к чаю, подчёркивающее связь Кириллова с этим миром, со счастливыми минутами жизни его и окружающих, выводит на первый план противоречивость его натуры: Алексей Нилыч испытывает радость жизни, он здоров и мо-

лод, однако «испорчен» идеей самоубийства, противоречащей религиозной философии Достоевского. Символ чая подчеркивает душевные разломы героя.

Символ чая играет важную роль в раскрытии образа Ставрогина: «Николай Всеволодович пошел на свет, но, не выходя, остановился на пороге. Чай был на столе» [15, с. 233]. Упоминание напитка, соседствующее с сообщением о вошедшем Ставрогине, намекает читателю на дальнейший диалог героев. Учитывая интерпретацию символики чая, очерченную выше, можем говорить о предпосылке к близкой, идеологической беседе Кириллова и гостя. Отметим, что на предложение Кириллова выпить чай Николай Всеволодович отвечает: «Очень не откажусь, если теплый» [15, с. 234]. К трактовке определения «теплый» в рамках характера Ставрогина обращались многие исследователи, сводившие его этимологию к внутреннему состоянию героя: он не горяч, не холоден – тепел. То есть находится посередине, не представляет собой нечто определенное, а только размытость, неоформленность. Это же можем подметить в этом фрагменте текста. Кириллов отвечает: «Теплый, горячий даже» [15, с. 234]. Расценивая состояние чая как характеристику героя, можем трактовать слова Алексея как отношение к Ставрогину: в его понимании он «горячий» – то есть носитель определенных идей, как мы узнаем позже, близких Кириллову. Оперирование определениями «горячий», «холодный», «теплый» приводит нас к словам из Священного Писания, Откровения Иоанна Богослова – «Апокалипсиса», семантикой которого пронизан роман: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 3, стих 15). Этот фрагмент из Библии много позже читает умирающему Степану Трофимовичу Софья Матвеевна, как бы проводя параллельные линии между героями и подводя итог их характеристике.

Иоанн Кронштадтский так трактует этот фрагмент Священного Писания: «Надобно, чтобы я был чем-нибудь определенным, а не тем, что называется хаосом, смесью, брожением, в котором все кое-как перемешано и бродит в беспорядке. Чего ожидать доброго от человека, который душою своей представляет беспорядочную смесь доброго с худым, который делает частью добро, но не прочь и от зла... Люди представляются как бы заключенными в Боге, Который одних вмещает в Себя, а других извергает из Себя. Праведники действительно некогда будут жить в Боге...» [16, с. 287]. Так теплый чай обнажает в Ставрогине принадлежность и к добру, и к злу. Его мировоззрение разделяет Кириллов, ведь он поглощен идеями Николая Всеволодовича, которые тот толковал ему за границей. Однако теперь Ставро-

гин поменял свои убеждения, стремлений Кириллова он не разделяет. Действие происходит в главе «Ночь», когда Ставрогин находится в поисках выхода, разрешения своих душевных мук. Но символ чая показывает, что он не сможет прийти к покаянию: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откровение ап. Иоанна Богослова, Глава 3, стих 15). Отметим, что Николай Всеволодович сам о себе такого мнения. Иван Шатов в горячке задает Ставрогину вопросы о его прошлой жизни: «Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастною, зверскою шуткой и каким угодно подвигом... Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения?» [15, с. 254]. Для героя нет граней добра и зла, все сливается в единственное желание удовольствия. Поэтому емким эпитетом для него будет «теплый».

Для Кириллова чай представляется лекарственным средством: он помогает думать, общаться с другими людьми. Беседуя со Ставрогиным после дуэли, Алексей говорит: «...вы не сильный человек. Приходите пить чай» [15, с. 287]. Последняя фраза может звучать как простое приглашение зайти в гости, но соседство предложений намекает на возможность развития ставрогинского характера: пить чай и сделаться «сильным», «горячим», но не в физическом, а духовном плане. Здесь чай выступает в качестве целительной силы, раскрывающейся через беседу, которая может помочь герою стать «сильнее».

В доме, где остановились Лебядкин и его сестра, капитан предлагает Ставрогину, пришедшему в ту же ночь, выпить чаю: «Не угодно ли будет чаю?» [15, с. 261]. Однако герой отказывается. Он не готов продолжать беседу с Лебядкиным, напиток выражает отношения между героями: Ставрогин разочарован, не заинтересован в разговоре с братом своей супруги. «Самовар кипел с восьмого часу, но...потух...как и все в мире» [15, с. 261], – говорит капитан. Самовар выступает символическим образом со схожей семантикой. Он ассоциируется с образом дома, семьи, а значит, тепла и добра. Однако он потух к приходу Ставрогина, и здесь же можно заметить, что «как и все рядом с ним», потому что герой разрушает окружающих: мысли Кириллова, Шатова, Верховенского младшего, усугубляет помешательство Хромоножки.

Символ чая помогает раскрыть мотив пути, сопровождая героя в дороге. В главе «Ночь» Ставрогин переходит из дома в дом, пьет чай у Кириллова, посещает Шатова, отказывается от чая у Лебядкина. Несмотря на то что у Кириллова Ставрогин обсуждал будущую дуэль – это была самая приятная из всех встреч той ночью. Они беседовали с Кириловым без споров, разговором заинтересованы обе стороны. И чай являлся символом

скрепления их планов. Николай Всеволодович доверял Алексею, он был одним из немногих, кто знал о его браке. Шатова Ставрогин предупредил о возможном убийстве Ивана, а также имел с ним неприятный разговор о прошлых мыслях Николая. У Лебядкина же разговор шел о жизни, ее продолжении – объявлении всем о настоящей жене героя. Таким образом, он словно проходит путь от смерти (дуэль) до жизни. Однако по существу все наоборот – для Ставрогина объявление о браке, вероятно, хуже смерти, это испытание душевных сил, возможность принять насмешки, раскаться, а дуэль – привычное дело, риск смерти его не пугал. И то, что Ставрогин пьет чай только у Кириллова, подтверждает эту мысль. Смирение и раскаяние – недоступные для него чувства, он к ним не готов. Поэтому обсуждение дуэли и разговор с самоубийцей для него привычнее, легче.

Дом Филиппова, где квартируют Кириллов и Шатов, часто становится местом конфликтов и различных идеологических бесед. Как было сказано ранее, чай – индикатор отношения Кириллова к остальным персонажам. Если мы будем учитывать позицию самого Достоевского к чаю – то есть его любовь – то можем предположить, что в этом реализуется авторская оценка. Когда Петр Степанович в главе «Перед праздником» в хлопотах забегал к Кириллову, «на столе лежал неприбранный утренний чай, уже холодный» [15, с. 363]. Таким образом характеризуется и разговор молодых людей – беседа пойдет о низменных вещах – планах Верховенского на самоубийство Кириллова. Алексей предлагает ему чай, только когда тот «действительно схватился было за чайник и искал порожней посуды» [15, с. 365]. Если с рассказчиком герой пил чай из каменных чашек, с Верховенским они пьют из обычных стаканов, что выступает показателем отношения Кириллова к Петру Степановичу. Для рассказчика Алексей Нилыч достал каменные чашки, но Верховенский пьет из простых стаканов. Отметим, что Верховенский пьет холодный чай. Кириллов упоминает и о том, что с Федором (каторжным) читает по ночам Апокалипсис «и чай», что также характеризует убийцу и грабителя как человека с более положительными качествами, чем у Петра Степановича. Кириллов говорит герою: «Пейте. Холодный чай хорошо» [15, с. 365]. Если Ставрогин просил себе «теплый» чай, о характеристике чего говорилось выше, Верховенский становится на другую от Кириллова сторону восприятия мира. Их стремления и идеалы противоположны.

Когда Петр Степанович приходит к Кириллову вместе с Липутиным, чтобы пятерка удостоверилась в надежности плана по убийству Шатова, Алексей Нилыч снова не предлагает ему чай первым, об этом просит сам Петруша: «А я бы не прочь и чаю» [15, с. 543]. Когда Кириллов предлагает чай и спутнику Верховенского, Липутин отка-

зывается: «Я у них не стану-с» [15, с. 543]. Таким образом, чай усиливает осуждение Липутиным дальнейшего плана Кириллова, хотя он, как будущий убийца, и готов «на все ради общего дела».

В главе «Наши», когда Ставрогин и Верховенский приходят к Виргинскому, хозяйка сразу спрашивает: «Ставрогин, будете чаю?» [15, с. 378]. Отметим, что сначала Виргинская обращается к Николаю Всеволодовичу, только потом к Верховенскому – так подчеркивается роль Ставрогина, на него все смотрят, как на солнце. На предложение выпить чай Петр Степанович отвечает: «Давайте, конечно, кто ж об этом гостей спрашивает? Да дайте сливок, у вас всегда такую мерзость дают вместо чаю...» [15, с. 378]. Характеристика подчеркивает настроение Петра Степановича, пришедшего играть роль предводителя революционного движения, то есть раздраженного и много требующего от собравшихся молодого человека. Однако можем трактовать символ как индикатор общества: если чай – двигатель беседы, по народным представлениям, символ добродушия, то именно «мерзостью» характеризуются все собравшиеся и предмет их беседы. Таким образом, чай, упоминающийся перед разговором, снова задает тон будущим сказанным словам и мыслям. Пришедший на собрание к «нашим» Шатов от чая отказался. Напиток снова выступает индикатором отношения персонажей друг к другу: Иван надеется поскорее от них отъединиться и разойтись с обществом, поэтому и чай у них не пьют.

Отношение Кириллова к Шатову проявляется в сцене с приездом жены Ивана: он вбегает к Алексею и проси помощи. «...чай горячий. Садитесь и пейте просто», – отвечает Кириллов, узнав о ситуации, добавляя: «А теперь берите со стола чайник. Горячий, самый горячий» [15, с. 547]. Возвращаясь к трактовке определения «горячий», заметим, что прибавляется и наречие «очень» – герой-самоубийца действительно рад приехавшей к Шатову жене. «Очень горячий чай» предназначается семье – важной ценности в жизни, рождение ребенка в этом эпизоде выступает как символ новой жизни.

В последнее посещение Кириллова Верховенским чай на столе оказывается холодным: «А впрочем, и чай холодный, – значит, все вверх дном» [15, с. 584]. Кириллов не пил чай, когда к нему пришел Петруша, скорее всего, не пил его давно, раз он успел остыть – то есть его мысли потеряли прежний ход, чем ближе он двигался к осуществлению своего плана. Он «холодел» и «остывал», поскольку идея его поглощала. Отметим, что Верховенский в этой сцене снова пьет холодный чай. Возвращаясь к библейской трактовке категории «холодный», можем сказать, что температура чая перед самоубийством характеризует Кириллова как человека, которым безвозвратно завладели

«дурные помыслы» в отношении своей жизни, напиток словно выносит герою приговор.

В середине романа молодежь из высшего (городского) света собирается в шумную компанию и устраивает шалости, иногда злые и коварные. Компания веселых, шальных людей отправляется к Степану Яковлевичу, юродивому, который был большим любителем чая, по замечанию рассказчика, ел только картофель в мундире и рыбу, «другого ничего и никогда не вкушал; пил только много чаю...» [15, с. 322]. Его отношение к напитку тесно связано с «пророчествами» и отношением к людям. Некоторых своих гостей он угощал напитком: «...обыкновенно указывая сам, кого из них осчастливить...Наливалось тоже разное, одним внакладку, другим вприкуску, а третьим и вовсе без сахара» [15, с. 323]. В это посещение «осчастливлены были захожий монашек со стаканом внакладку и старичок богомолец, которому дали вовсе без сахара» [15, с. 323]. Из группы молодежи свой стакан внакладку получил Маврикий Николаевич – жених Лизаветы Николаевны, который был осмеян за это. Здесь чай выполняет функцию пророчества. Маврикий за будущие невинные страдания получает стакан внакладку. Своеобразна и авторская позиция – печаль и тоска за героя. Герой предложит руку своей невесты Ставрогину, проведет ночь в саду Скворешников, пока Лизавета Николаевна будет вместе с Николаем Всеволодовичем. Чай в этой сцене – это символ чистоты душевных помыслов Маврикия, отметка положительного персонажа. Символический образ чая актуализирует мотив пророчества, являясь предостережением, предвестником будущих событий.

Выводы

Чай в романе Достоевского «Бесы» выступает как в роли художественной детали, подчеркивая социальную принадлежность героев, так и в качестве символического образа. В последнем случае его роль значительно расширяется. Можем выделить несколько функций чая как символического образа: «чай как приглашение к беседе» – температура напитка характеризует будущий разговор героев; «чай как индикатор отношения к персонажу» – предлагая чай, отказывая в нем, герои формулируют свое отношение к окружающим персонажам, что зачастую выполняет резонерскую функцию; у символа есть жизнестроительная функция – «чай как целительное средство для души и тела», чай выделяет положительные помыслы персонажей (разговоры со Ставрогиным), а также через противопоставление подчеркивает трагедию персонажей (за чаем Кириллов обдумывает свою деструктивную теорию и самоубийство). Отметим, что напиток проясняет раскрытие важных мотивов через напиток – «мотив пути», «мотив противоборства хаосу», мотив исцеления, мотив пророчества.

Литература

1. Иванов, Вяч. Достоевский: трагедия – миф – мистика // Вяч. Иванов // Собрание сочинений : в 4 т. – Брюссель, 1987. – Т. 4. – 517с.
2. Шмараков, Р. Л. Символический подтекст романа Ф. М. Достоевского «Бесы» : дис. ... канд. филол. наук / Р. Л. Шмараков. – М., 1999. – 266с.
3. Закржевский, А. К. Подполье: психологические параллели: Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Михаил Пантюхов / А. К. Закржевский. – Киев : Искусство и печатное дело, 1911. – 108 с.
4. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – М. : Советский писатель, 1990. – 480 с.
5. Сараскина, Л. И. «Бесы», или Русская трагедия «Бесы»: антология русской критики / Л. И. Сараскина. – М. : Согласие. 1996. – 461 с.
6. Булгакова, Н. О. «Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа» / Н. О. Булгакова, О. В. Седелникова // Вестник Томского университета, Филология. – 2018. – № 24. – С. 125–146.
7. Телегин, С. М. Жизнь мифа в художественном мире Ф. М. Достоевского и Н. С. Лескова : дис. ... д-ра филол. наук / С. М. Телегин. – М., 1996. – 427с.
8. Шараков, С. Л. Духовный символизм Достоевского / С. Л. Шараков. – М. : Проспект, 2022. – 460 с.
9. Бурдин, И. В. Концепт «чай» в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / И. В. Бурдин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 79–85.
10. Бурдин, И. В. Концепт «чай» в повести «Записки из Мертвого дома» и романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского / И. В. Бурдин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 81–88.
11. Скуридина, С. А. Гастрономическая деталь в повести «Дядюшкин сон» Ф. М. Достоевского / С. А. Скуридина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2024. – № 3(54). – С. 117–122.
12. Достоевский, Ф. М. Письмо Достоевскому М. А., 10 мая 1839 г. [Рукопись].
13. Достоевская, Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / Л. Ф. Достоевская ; пер. с нем. Е. С. Кибардиной ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. – СПб. : Андреев и сыновья, 1992. – 245 с.
14. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринт. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 2030 стб.
15. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 704 с.
16. Дневник / св. праведный Иоанн Кронштадтский. Т. 1: 1856. – М. : Булат, 2005. – 294 с. (Духовное наследие Русской православной церкви).

Королева Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир), e-mail: queenvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-7608-9772

Хворостянная Юлия Сергеевна – соискатель, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (Владимир), e-mail: breadwithpain@yandex.ru. ORCID 0009-0006-8718-4579

Поступила в редакцию 4 июня 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260311

THE SYMBOLISM OF TEA IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL DEMONS

V. V. Koroleva, Y. S. Khvorostyannaya

*Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir, Russian Federation*

The article examines the multifaceted symbolic representation of tea in F. M. Dostoevsky's novel *Demons*. The authors analyze the functions of this image to state the problem of its role in revealing the ideological content and poetics of the work. The methodology is based on a comprehensive analysis of the text of the novel, involving literary criticism (I. V. Burdin), philosophical thought (V. Solovyov, Viach. Ivanov), as well as historical and cultural contexts (V. I. Dahl's dictionary, folk proverbs) and autobiographical materials. The study employs mythopoetic, biographical, and comparative historical methods.

It reveals the key functions of the tea symbol: communicative (“invitation to conversation”), characterological (indicator of the relationship between the characters), plot-forming, and ideological. The authors focus on how the temperature of the drink (“hot”, “warm”, “cold”) serves as a key to understanding the inner world of the characters, drawing parallels with biblical symbolism. They conclude that tea in *Demons* is a complex, multifunctional symbol that actualizes the essential motives of the novel, such as temptation, emptiness, false unity, and the tragic disintegration of connections. The proposed analytical approach allows for a fresh perspective on the evolution of symbols in Dostoevsky’s later work.

Keywords: Dostoevsky, *Demons*, symbol, tea, poetics, artistic detail, Kirillov, Stavrogin, interpretation, motif.

References

1. Ivanov Viach. Dostoevskii: tragediia – mif – mistika [Dostoevsky: Tragedy – Myth – Mysticism] / Viach. Ivanov // *Sobranie sochinenii*: v 4 t. Brussels, 1987. T. 4. 517 p.
2. Shmarakov R.L. Simvolicheskii podtekst romana F.M. Dostoevskogo “Besy” [The Symbolic Subtext of F. M. Dostoevsky’s Novel “Demons”]: dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 1999. 266 p.
3. Zakrzhevskii A.K. Podpol’e: psikhologicheskie paralleli: Dostoevskii, Leonid Andreev, Fedor Sologub, Lev Shestov, Aleksei Remizov, Mikhail Pantiukhov [The Underground: Psychological Parallels: Dostoevsky, Leonid Andreev, Fyodor Sologub, Lev Shestov, Alexey Remizov, Mikhail Pantyukhov]. Kiev: Art and printing, 1911. 108 p.
4. Saraskina L.I. “Besy”: roman-preduprezhdenie [“Demons”: a warning novel]. Moscow: Soviet Writer, 1990. 480 p.
5. Saraskina L.I. “Besy”, ili Russkaia tragediia “Besy”: antologiiia russkoi kritiki [“The Demons”, or the Russian tragedy “The Demons”: an anthology of Russian criticism]. Moscow: Approval, 1996. 461 p.
6. Bulgakova N.O., Sedel’nikova O.V. Kontseptosfera romana F.M. Dostoevskogo “Besy”: k opredele-niiu bazovogo kontsepta i ego funktsii v poetike romana [The Conceptual Sphere of F.M. Dostoevsky’s Novel “Demons”: Towards the Definition of the Basic Concept and its Function in the Poetics of the Novel] // *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiya*. 2018. № 24. P. 125–146.
7. Telegin S.M. Zhizn’ mifa v khudozhestvennom mire F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova [The Life of Myth in the Artistic World of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov]: diss. ... d-ra filol. nauk: Moscow, 1996, 427 p.
8. Sharakov S.L. Dukhovnyi simbolizm Dostoevskogo [The Spiritual Symbolism of Dostoevsky]. Moscow: Prospect, 2022. 460 p.
9. Burdin I.V. Kontsept “chai” v poeme N.V. Gogolia “Mertvye dushi” [The concept of “tea” in N.V. Gogol’s poem “Dead Souls”] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2021. T. 13, № 3. P. 79–85.
10. Burdin I.V. Kontsept “chai” v povesti “Zapiski iz Mertvogo doma” i romane “Prestuplenie i nakazanie” F.M. Dostoevskogo [The Concept of “Tea” in the Story “Notes from the Dead House” and the Novel “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*. 2021. T. 13, № 2. P. 81–88.
11. Skuridina S.A. Gastronomicheskaiia detal’ v povesti “Diadiushkin son” F.M. Dostoevskogo [Gastro-nomic Detail in the Story “Uncle’s Dream” by F.M. Dostoevsky] // *Aktual’nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. 2024. № 3(54). P. 117–122.
12. Dostoevskii F.M. Pis’mo Dostoevskomu M.A., 10 maia 1839 g. [Letter to Dostoevsky M.A., May 10, 1839]. [Manuscript].
13. Dostoevskaiia L.F. Dostoevskii v izobrazhenii svoei docheri [Dostoevsky as Depicted by His Daughter]; per. s nem. E.S. Kibardinoy; vstup. st., podgot. teksta i primech. S.V. Belova. Saint Petersburg: Andreev and Son’s, 1992. 245 p.
14. Dal’ V.I. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: v 4 t.; pod red. I. A. Boduena de Kurtene. Reprint. vosproizvedenie izd. 1903–1909 gg. Moscow: Progress, Univers Publ., 1994. 2030 columns.
15. Dostoevskii F.M. Besy [Demons]. Saint Petersburg: Alphabet, Alphabet-Attikus, 2019. 704 p.
16. Ioann Kronshtadtskii, Sv. Dnevnik. T. 1: 1856 [Diary. Vol. 1: 1856]. Moscow: Bulat, 2005. 294 p. (Dukhovnoe nasledie Russkoi pravoslavnoi tserkvi).

Vera V. Koroleva – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Vladimir), e-mail: queenvera@yandex.ru

Yulia S. Khvorostyannaya – Applicant for the Degree of Cand. Sc., Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov (Vladimir), e-mail: breadwithpain@yandex.ru

Received June 4, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Королева, В. В. Символика чая в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / В. В. Королева, Ю. С. Хворостянная // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 94–101. DOI: 10.14529/ssh260311

FOR CITATION

Koroleva V. V., Khvorostyannaya Y. S. The symbolism of tea in F. M. Dostoevsky's novel *Demons*. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 94–101. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260311

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕДИАОБРАЗА ИНДУСТРИАЛЬНОГО РЕГИОНА В СМИ

**А. Б. Череднякова, Ю. В. Асташова, Л. К. Лободенко,
С. С. Качко, К. Д. Заболотнева**

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

В статье представлены результаты изучения особенностей репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ и контент-анализа его тематической структуры. Исследование проводилось на базе выборки медиатекстов (1370 ед.), отобранных из медиаконтента сетевого издания «КП-Челябинск» за 2025 г. Содержательно-тематический анализ эмпирической базы медиатекстов позволил выявить ключевые векторы формирования медиаобраза индустриального региона: политика, природные и географические особенности региона, история и культура, экономика и промышленный потенциал региона, социальная сфера (образование, медицина, спорт), туризм региона, охрана окружающей среды и экология. При этом наибольшее количество медиатекстов представлено по следующим тематическим разделам: социальная сфера (образование, медицина, спорт) – 34,22 %; экономика и промышленный потенциал – 24,67 %; история и культура – 17,07 %. Как показал анализ медиаконтента, образ мощного промышленного центра машиностроения и металлургии остается главным стержнем информационной повестки. В ходе экспертной оценки было установлено, что в заголовках медиатекстов, входящих в эмпирическую базу исследования, преобладает позитивная (46 %) и нейтральная (41 %) тональность. Наблюдается устойчивая тенденция изменения тематической структуры медиаобраза региона как высокотехнологичной и привлекательной для жизни территории.

Ключевые слова: медиаобраз, СМИ, индустриальный регион, тематическая структура, медиатекст.

Введение

В современных условиях интенсивного развития интернет-пространства и стремительной трансформации коммуникационной среды возрастает роль средств массовой информации в репрезентации медиаобраза региона. Это приобретает особую актуальность в связи с тем, что каждый субъект Российской Федерации стремится сформировать локальную идентичность в контексте общенациональных ценностей и интересов. Медиаобраз территории превращается в значимый нематериальный актив, влияющий на имидж, инвестиционную привлекательность и развитие человеческого капитала. Для общества медиареальность становится не столько отражением, сколько самой действительностью, в которой существует человек, что обуславливает актуальность исследования репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ. При этом необходимо отметить недостаточную изученность данной темы. Целью исследования является анализ особенностей тематической структуры медиаобраза индустриального региона.

Обзор литературы

Вопросы исследования медиаобраза нашли отражение в научном дискурсе медиалингвистики, психологии, культурологии, маркетинга и теории коммуникаций, а также ряда междисциплинарных исследований, что обусловило широту подходов к определению понятия «медиаобраз». У. Липпман [1] утверждал, что люди не могут воспринимать мир напрямую во всей полноте, поэтому СМИ со-

здают упрощённые «образы-стереотипы», управляющие поведением масс. Ж. Бодрийяр [2] подчёркивал, что медиаобраз становится «симулякром» – копией без оригинала в реальности, переходя в гиперреальность. В этом контексте медиаобраз выполняет не только отражательную, но и конструирующую функцию, формируя у аудитории ту реальность, которая начинает восприниматься как единственно возможная. Л. В. Хочунская [3] предлагает рассматривать медиаобраз как отражение видимого мира, процесс интерпретации, восприятия и оценки реципиентом данного мира. Т. Н. Галинская [4] приписывает медиаобразу характеристику медиадискурсивной детерминированности: медиаобраз определяется особенностями медиадискурса и объективируется в СМИ через медиатексты с заложенными мировоззренческими, ценностными установками.

Эффективность воздействия повышают новизна и подкрепление сообщений; медиаобраз тем сильнее изменяет знания об объективном бытии, чем изолированное находится референт. Иными словами, чем менее доступен объект для непосредственного опыта аудитории, тем более податливой становится эта аудитория к медийному конструированию образа.

Влияние СМИ на формирование общественного мнения, картины мира отдельного человека находит подтверждение в исследованиях российских и зарубежных ученых (М. МакКомбс, Э. Максвелл, Д. Шоу) [5], Д. А. Шейфеле и Д. Тьюксбери [6], Ч. Ляо [7], Дж. Калдвелл [8], Х. Дженкинс [9] и др.).

Применительно к региону медиаобраз неразрывно связан с имиджем территории в целом, представляя собой совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ. Ученые [10, 11] рассматривают медиаобраз региона как совокупность когнитивных представлений об этом регионе в отдельном медиатексте или группе медиатекстов, объединенных на том или ином основании (ограниченных тематически, временными рамками, определенными источниками; внешних или внутренних по отношению к региону и т. д.)

В свою очередь, В. Альпатова и А. Двинская [12] считают, что при изучении формирования медиаобраза региона важно брать во внимание несколько факторов, таких как восприятие информации о территории аудиторией и риторика СМИ при освещении событий или фактов, касающихся того или иного государства или территории.

Ряд исследователей [3] считает, что медиаобраз характеризуется мозаичностью или фрагментарностью, т. е. собирается из отдельных информационных «пазлов» – новостных сюжетов, цитат, видеофрагментов и фотографий). Применительно к региону выделяют также тематическую структуру медиаобраза региона.

Действительно, репрезентация региона в СМИ не может ограничиваться только одной тематикой – она должна интегрировать социальные, экологические, экономические и инфраструктурные аспекты. В теории и практике распространено множество подходов к классификации тематической структуры медиаобраза региона.

Ю. С. Сабаева [13], исследуя культурно-просветительские радиoproграммы, предлагает следующую тематическую структуру медиаобраза Сибири: природные объекты; города, этносы, достопримечательности; история; наука и образование.

Более комплексный подход [14, 15] предполагает выделение следующих составляющих медиаобраза региона:

- политический и административный вектор: освещение работы органов власти, выборов, реализации национальных проектов, а также оценка инвестиционной привлекательности и управленческих решений;
- социально-экономический вектор: динамика промышленности, сельского хозяйства, уровень жизни, состояние рынка труда, индустриальная специфика;
- туристический и культурно-исторический вектор: историческое наследие, природные достопримечательности, событийный туризм и архитектурный облик;
- экологический вектор: освещение вопросов охраны природы, экологической обстановки, промышленных выбросов и реализации «зеленых» инициатив;

– событийный вектор: трансляция информации о форумах, фестивалях, спортивных соревнованиях, которые повышают узнаваемость территории;

– криминальный вектор и происшествия (события): оперативная информация о чрезвычайных происшествиях, авариях, преступлениях. Этот вектор формирует событийную повестку дня и часто является фактором снижения эмоциональной привлекательности;

– вектор «Человеческий капитал»: трансляция рассказов об известных земляках, волонтерах, особенностях менталитета, а также о социальных достижениях местных жителей.

Соотношение этих векторов или тематических разделов образует уникальный медиаобраз региона. Изменение этих характеристик, а также представлений о них в социуме может как происходить стихийно, так и меняться целенаправленно в процессе реализации имиджевой политики региона. Для промышленного региона, где имидж тесно переплетён с восприятием экологической ситуации, уровня жизни и перспектив занятости, это свойство приобретает критическое значение. Как указывает О. В. Морозова [16], образ, создаваемый медиа в кооперации с разными сферами духовного творчества, является выразителем общественного сознания и определяется в качестве медиаобраза, что подчёркивает социальную значимость его анализа применительно к индустриальным территориям.

Различие подходов к конструированию медиаобраза, а также мультидисциплинарность современных исследований в данной области обуславливают необходимость дальнейших исследований влияния его тематической структуры на формирование имиджа индустриального региона.

Методы исследования.

В работе применялся комплекс методов анализа информационной повестки, таких как контент-анализ, экспертная оценка медиаконтента, методы анализа, синтеза и статистической обработки данных. Для мониторинга СМИ также использовалась российская информационно-поисковая система «АПИ-Мониторинг» (<https://www.api-monitoring.ru/>).

Базу исследования составили медиатексты (1370 ед.), опубликованные в сетевом издании «КП-Челябинск» (<http://chel.kp.ru/>) в 2025 году. Издание «Сайт КП-Челябинск» – это общественно-политическое региональное СМИ Челябинской области, которое выходит ежедневно и публикует статьи, отличающиеся от статей печатной газеты более расширенным объемом материала. Следует отметить, что на первоначальном этапе база включала более широкий массив материалов. Однако в процессе предварительной фильтрации часть публикаций была исключена из анализа, поскольку не соответствовала задачам исследования. В частности, из выборки были отсеяны материалы

с признаками рекламного или коммерчески ориентированного характера, публикации криминальной хроники, а также оперативные информационные сообщения, связанные с погодными условиями и метеорологической обстановкой.

Результаты и дискуссия

На основе анализа теоретических подходов к тематической структуре медиаобраза региона и содержательно-тематического анализа выборки медиатекстов (1370 ед.) было выделено 7 разделов: политика, природные и географические особенности региона; история и культура; экономика и промышленный потенциал региона; социальная сфера (образование, медицина, спорт); туризм региона; охрана окружающей среды и экология.

Результаты содержательно-тематического анализа публикаций представлены в табл. 1.

Таблица 1
Распределение публикаций по тематическим разделам
Table 1
Distribution of publications by thematic sections

Рубрика	Кол-во, ед.	Доля, %
1. Политика	149	10,88
2. Природные и географические особенности региона	4	0,29
3. История и культура	234	17,07
4. Экономика и промышленный потенциал региона	338	24,67
5. Социальная сфера (образование, медицина, спорт)	469	34,22
6. Туризм региона	65	4,74
7. Охрана окружающей среды. Экология	111	8,10
Всего	1370	100,0

Количественный анализ показал, что тематическая структура массива имеет выраженную неравномерность: основная часть публикаций сосредоточена в нескольких крупных блоках, связанных с социальной сферой, экономикой, промышленным потенциалом, историей и культурой региона (рис. 1).

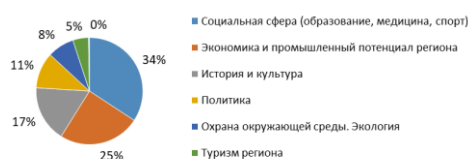

Рис. 1. Распределение материалов интернет-издания «КП-Челябинск» по тематическим разделам (в порядке убывания)
Fig. 1. Content distribution of the KP-Chelyabinsk online publication by thematic sections (in descending order)

Наиболее представленным разделом стал раздел «Социальная сфера (образование, медицина, спорт)» – 469 публикаций (34,22 %). Такой результат свидетельствует о высокой значимости социально ориентированной проблематики в региональной повестке СМИ. Внутри данной категории наиболее заметное место занимает спортивная тематика: публикации, связанные с физической

культурой и спортом, составляют 271 материал (19,78 %). Особенно выделяется рубрика «Хоккей» – 69 публикаций (5,04 %). Существенную представленность также имеют материалы о спортивных соревнованиях в регионе – 37 публикаций, баскетболе – 31 публикация, единоборствах – 22 публикации, футболе – 21 публикация, а также спортивных достижениях региона – 21 публикация. Это позволяет говорить о том, что спорт выступает как один из наиболее устойчивых тематических компонентов медиарепрезентации региона.

Вторым по объёму тематическим блоком стал раздел «Экономика и промышленный потенциал региона» – 338 публикаций (24,67 %). Данная тематика занимает важное место в структуре публикаций, что закономерно для медиарепрезентации индустриального региона. Внутри экономического блока наиболее часто встречаются материалы, отнесённые к рубрике «Экономика городов региона» – 86 публикаций (6,28 %). Далее следуют публикации по теме «Экономика промышленности региона» – 61 материал (4,45 %), а также «Экономика труда региона» – 43 публикации. «Преступления в сфере экономической деятельности региона» – 41 публикация, «Общие вопросы региональной экономики» – 38 публикаций, «Демография региона» – 36 публикаций, «Производственная мощность предприятий» – 33 публикации. Такое распределение показывает, что экономическая повестка представлена не только через промышленность как базовый маркер региона, но и через городское развитие, трудовые отношения, демографические процессы и проблемные аспекты экономической деятельности.

Раздел «Политика» представлен 149 публикациями (10,88 %). Наиболее заметной является рубрика «Внутренняя региональная политика» – 99 публикаций (7,23 %). Значительно меньшую долю занимают материалы о политических партиях, общественно-политических организациях и движениях региона – 23 публикации, о внешней политике региона и международных отношениях – 17 публикаций, а также избирательной системе и электоральном поведении – 10 публикаций. Это указывает на то, что политическая проблематика преимущественно раскрывается через региональное управление и внутреннюю политическую повестку, тогда как электоральные и внешнеполитические аспекты представлены менее интенсивно.

Значимую долю в контенте занимают медиатексты раздела «Охрана окружающей среды. Экология» – 111 публикаций (8,10 %). Наиболее часто встречаются материалы, связанные с охраной атмосферы, водных объектов (38 публикаций), стихийными бедствиями и катастрофами антропогенного происхождения (27 публикаций). Экологическая тематика в базе связана прежде всего с проблемными и рискориентированными сюжетами, включая загрязнение окружающей среды, состоя-

ние атмосферного воздуха и водных объектов, а также чрезвычайные ситуации.

Раздел «Туризм региона» представлен 65 публикациями (4,74 %). Внутри раздела наиболее заметны рубрики, связанные с экономикой, организацией и управлением рекреации и туризма – 21 публикация, а также инфраструктурой и организацией туристического обслуживания – 20 публикаций. В меньшем количестве представлены туристские маршруты и экскурсионное обслуживание – 9 публикаций, горнолыжный туризм – 6 публикаций, детский туризм – 5 публикаций, промышленный туризм – 3 публикации и культурно-познавательный туризм – 1 публикация. Туристическая тематика в исследуемой базе занимает периферийное положение и чаще раскрывается через организационно-инфраструктурные аспекты, чем через освещение конкретных маршрутов или видов туризма.

Экспертный анализ тональности заголовков публикаций (рис. 2) позволяет сделать вывод о преобладании позитивных и нейтральных публикаций, заголовки негативной тональности составляют лишь 13 % от всей совокупности текстов.

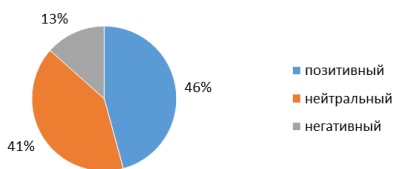

Рис. 2. Распределение материалов интернет-издания «КП-Челябинск» по тональности заголовка
Fig. 2. Content distribution of the KP-Chelyabinsk online publication by headline tone

Анализ тональности заголовков по тематическим разделам (рис. 3) показал, что наибольший вклад в негативную повестку вносят публикации по теме «Охрана окружающей среды и экология» (доля негативных заголовков 47 %), а в публикациях из тематического раздела «Политика», явно преобладают нейтральные заголовки (59 %).

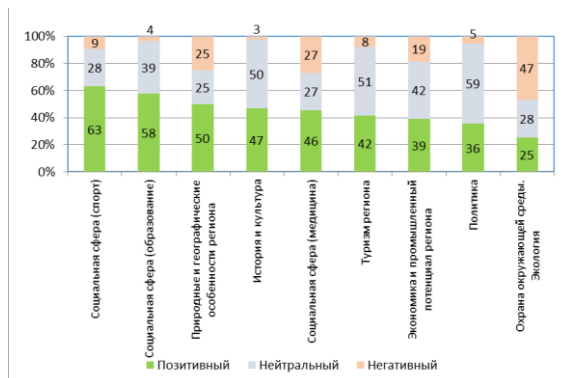

Рис. 3. Распределение материалов интернет-издания «КП-Челябинск» по тональности заголовка с учетом тематических разделов
Fig. 3. Content distribution of the KP-Chelyabinsk online publication by headline tone, accounting for thematic sections

Также анализ показал, что к наиболее позитивным темам относятся разделы «Социальная сфера: спорт», «Социальная сфера: образование», а также «Природные и географические особенности региона», в рамках которых доля позитивных заголовков составляет 50 % и более.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить тематическую структуру медиаобраза индустриального региона, включающую такие разделы, как политика, природные и географические особенности региона, история и культура, экономика и промышленный потенциал региона, социальная сфера (образование, медицина, спорт), туризм региона, охрана окружающей среды и экология. Тематическая структура медиаобраза индустриального региона формируется как динамичная система, в которой традиционный статус «опорного края державы» мощного промышленного центра постепенно переплетается с новыми перспективными векторами развития: образование, медицина, спорт, культура и туризм. В информационной повестке стремительно растет количество публикаций о цифровизации всех сфер деятельности, о развитии робототехники и креативной индустрии, о строительстве межуниверситетского кампуса и спортивной инфраструктуры и др. Публикации об уникальных природных особенностях, историко-культурных объектах представляют область как центр активного отдыха и туризма. В заголовках публикаций, входящих в эмпирическую базу исследования, преобладала позитивная (46 %) и нейтральная (41 %) тональность, что установлено в ходе экспертной оценки. Новые контуры медиаобраза, транслируемые СМИ, заметно меняют восприятие индустриального региона, добавляя черты высокотехнологичной и привлекательной для жизни территории.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 26-18-20066, <https://rscf.ru/project/26-18-20066/>) «Медиаобраз промышленного региона в СМИ, социальных медиа и его воздействие на молодежную аудиторию: нейромаркетинговые исследования»

Литература

1. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Т. В. Барчуновой ; ред. пер. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
2. Арчугова, А. С. «Симулякры и симуляция» Жан Бодрийяр / А. С. Арчугова // Английский язык в вузе: современные тенденции в методике преподавания. – М., 2016. – С. 134–137.
3. Хочунская, Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // Вестник Российского университета дружбы

народов. Серия: литературоведение, журналистика. – 2013. – № 2. – С. 91–95.

4. Галинская, Т. Н. Корпусный подход в реконструкции медиаобраза языковой личности политика / Т. Н. Галинская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 114–124.

5. McCombs, M. E. The Agenda-Setting Function of Mass Media / M. E. McCombs, D. L. Shaw // The Public Opinion Quarterly. – 1972. – V. 36. – № 2. – P. 176–187. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2747787> (дата обращения: 10.06.2026).

6. Scheufele, D. A. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models / D. A. Scheufele, D. Tewksbury // Journal of Communication. – 2007. – № 57. – P. 9–20. – URL: <https://doi.org/10.1111/j.0021-9916.2007.00326.x> (дата обращения: 10.06.2026).

7. Liao, C. H. Exploring the Influence of Public Perception of Mass Media Usage and Attitudes towards Mass Media News on Altruistic Behavior / C. H. Liao // Behavioral Sciences. – 2023. – Т. 13. – № 8. – 621 p.

8. Caldwell, J. New Media: Theories and Practices of Digitextuality (Afi Filmreaders) / J. Caldwell, A. Everett, (Eds.) // Routledge. – 2003. – 304 p.

9. Jenkins, H. Spreadable Media: Creating Meaning and Value in a Networked Culture / H. Jenkins, S. Ford, J. Green. New York: New York University Press. – 2013. – 352 p.

10. Ильина, Е. Н. Медиаобраз регионов в «Сказовой карте России» / Е. Н. Ильина, Ю. Н. Драчева // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 9–21.

11. Симакова, С. И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона / С. И. Симакова, Д. И. Кваша // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 28–38.

12. Алпатова, В. Понятие, виды и критерии медиаобраза / В. Алпатова, А. Дивинская // Век Информации. – 2022. – Т. 6, № 1(18). – С. 70–86. – URL: <https://ojs.age-info.com/index.php/ai/article/view/175> (дата обращения: 10.06.2026).

13. Сабаева, Ю. С. Языковая репрезентация медиаобраза Сибири в региональном просветительском радиодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Сабаева. – Томск, 2019. – 23 с.

14. Макаров, А. М. Изучение медиаобраза как фактора социально-экономического развития региона / А. М. Макаров, А. Н. Лашкарёв, С. А. Стерхова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2025. – Т. 35. – Вып. 2. – С. 260–266. – URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2025-35-2-260-266> (дата обращения: 10.06.2026).

15. Чувакова, С. Г. Имидж региона и теоретические подходы к его классификации / С. Г. Чувакова, М. В. Сбусина // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 17. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-regiona-i-teoreticheskie-podhody-k-ego-klassifikatsii> (дата обращения: 14.06.2026).

16. Морозова, О. В. Речевые способы формирования медиаобраза России в российских и американских СМИ : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Морозова. – Саратов, 2017.

Череднякова Анна Борисовна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru. ORCID 0000-0002-5681-8800

Асташова Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: astashovayv@susu.ru. ORCID 0000-0001-8854-2266

Лободенко Лидия Камиловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: lobodenkolk@susu.ru. ORCID 0000-0002-0809-1686

Качко Сергей Сергеевич – аспирант кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), email: kachkos@susu.ru

Заболотнева Ксения Денисовна – преподаватель кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: zabolotnevakd@susu.ru

Поступила в редакцию 22 июня 2026 г.

FEATURES OF REPRESENTING A MEDIA IMAGE OF AN INDUSTRIAL REGION IN THE MASS MEDIA

A. B. Cheredniakova, Y. V. Astashova, L. K. Lobodenko,
S. S. Kachko, K. D. Zabolotneva

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article explores the representation of an industrial region in the mass media and provides a content analysis of its thematic structure. The study is based on a sample of media texts (1,370 items) selected from the media content of the *KP-Chelyabinsk* online publication in 2025. The content and thematic analysis of these media texts reveals several key factors shaping the media image of an industrial region: politics; regional natural and geographical features; history and culture; regional economy and industrial potential; social sphere (education, healthcare, sports); regional tourism; and environmental protection. Most media texts focus on the following topics: social sphere (education, healthcare, sports) – 34,22 %; economy and industrial potential – 24,67 %; history and culture – 17,07 %. The analysis of media content suggests that the image of a powerful industrial center for mechanical engineering and metallurgy continues to be a major focus of the news agenda. Data analysis shows that most headlines in the media texts included in the empirical database of the study have a positive (46 %) or neutral (41 %) tone. However, there is a clear trend towards a shift in the overall image of the region, focusing on the high-tech aspect and its attractiveness for living.

Keywords: media image, mass media, industrial region, thematic structure, media text.

References

1. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion]; per. s angl. T.V. Barchunovoy; red. per. K.A. Levinson, K.V. Petrenko. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004. 384 p.
2. Archugova A.S. “Simulyakry i simulyatsiya” Zhan Bodriyyar [“Simulacra and Simulation” by Zhan Bodriyyar] // *Angliyskiy yazyk v vuze: sovremennyye tendentsii v metodike prepodavaniya*. Moscow, 2016. P. 134–137.
3. Khochunskaya L.V. Fenomen mediaobraza: sotsial’no-psikhologicheskii aspekt [The Phenomenon of Media Image: Socio-Psychological Aspect] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: literaturovedenie, zhurnalistika*. 2013. № 2. P. 91–95.
4. Galinskaya T.N. Korpusnyy podkhod v rekonstruktsii mediaobraza yazykovoy lichnosti politika [The Corpus Approach in the Reconstruction of the Media Image of a Politician’s Linguistic Personality] // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeni. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2 (30). P. 114–124.
5. McCombs M.E., Shaw D.L. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *The Public Opinion Quarterly*. 1972. V. 36. № 2. P. 176–187. URL: <http://www.jstor.org/stable/2747787> (date of accessed: 10.06.2026).
6. Scheufele D.A., Tewksbury D. Framing, Agenda Setting, and Priming: The Evolution of Three Media Effects Models // *Journal of Communication*. 2007. № 57. P. 9–20. URL: <https://doi.org/10.1111/j.0021-9916.2007.00326.x> (date of accessed: 10.06.2026).
7. Liao C.H. Exploring the Influence of Public Perception of Mass Media Usage and Attitudes towards Mass Media News on Altruistic Behavior // *Behavioral Sciences*. 2023. T. 13, № 8. 621 p.
8. Caldwell J., Everett A. *New Media: Theories and Practices of Digitextuality* (Afi Filmreaders) // Routledge. 2003. 304 p.
9. Jenkins H., Ford S., Green J. *Spreadable Media: Creating Meaning and Value in a Networked Culture*. New York: New York University Press. 2013. 352 p.
10. Il’ina E.N., Dracheva Y.N. Mediaobraz regionov v “Skazochnoy karte Rossii” [Media Image of Regions in the «Fabulous Map of Russia»] // *Filologicheskii klass*. 2023. T. 28, № 2. P. 9–21.
11. Simakova S.I. Mediaobraz kak odna iz sostavlyayushchikh formirovaniya mediaesteticheskogo koda regiona [The Media Image as One of the Components of the Formation of the Media Aesthetic Code of the Region] // *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. 2023. T. 29, № 1. P. 28–38.
12. Alpatova V., Divinskaya A. Ponyatie, vidy i kriterii mediaobraza. Vek Informatsii [The Concept, Types and Criteria of a Media Image. The Age of Information]. 2022. T. 6, № 1(18). P. 70–86. URL: <https://ojs.age-info.com/index.php/ai/article/view/175> (date of accessed: 10.06.2026).
13. Sabaeva Y.S. Yazykovaya reprezentatsiya mediaobraza Sibiri v regional’nom prosvetitel’skom

radiodiskurse [Linguistic Representation of the Siberian Media Image in the Regional Educational Radio Discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2019. 23 p.

14. Makarov A.M., Lashkarev A.N., Sterkhova S.A. Izuchenie mediaobraza kak faktora sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [The Study of the Media Image as a Factor of Socio-Economic Development of the Region] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*. 2025. T. 35. № 2. P. 260–266. URL: <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2025-35-2-260-266> (date of accessed: 10.06.2026).

15. Chuvakova S.G., Sbusina M.V. Imidzh regiona i teoreticheskie podkhody k ego klassifikatsii [The image of the region and theoretical approaches to its classification] // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2011. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-regiona-i-teoreticheskie-podhody-k-ego-klassifikatsii> (date of accessed: 14.06.2026).

16. Morozova O.V. Rechevye sposoby formirovaniya mediaobraza Rossii v rossiyskikh i amerikanskikh SMI [Speech Methods of Forming the Media Image of Russia in Russian and American Media]: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2017.

Anna B. Cheredniakova – D. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Yuliya V. Astashova – Cand. Sc. (Economic), Associate Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: astashovayv@susu.ru

Lidiya K. Lobodenko – D. Sc. (Philology), Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: lobodenkolk@susu.ru

Sergey S. Kachko – Postgraduate Student of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: kachkos@susu.ru

Ksenia D. Zabolotneva – Lecturer of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: zabolotnevakd@susu.ru

Received June 22, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Особенности репрезентации медиаобраза индустриального региона в СМИ / А. Б. Черediaкова, Ю. В. Асташова, Л. К. Лободенко и др. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 102–108. DOI: 10.14529/ssh260312

FOR CITATION

Cheredniakova A. B., Astashova Y. V., Lobodenko L. K., Kachko S. S., Zabolotneva K. D. Features of representing a media image of an industrial region in the mass media. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 102–108. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260312

ВОЕННАЯ КИНОДОКУМЕНТАЛИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНТРПРОПАГАНДЫ: ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

А. Н. Ященко^{1,2}

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

²Кинокомпания «ПУТЬ СЕРДЦА», г. Москва, Российская Федерация

В статье исследуются исторические и современные аспекты функционирования отечественной военной кинодокументалистики как инструмента контрпропаганды в условиях информационного противоборства. Рассматриваются основные контрпропагандистские стратегии, реализуемые средствами документального кино: разоблачение через факт, аргумент и эмоциональное воздействие. Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных авторов в области документального кино, медиакommunikации, пропаганды и контрпропаганды. Методологическая база включает в себя структурно-тематический, нарративный, дискурсивный и сравнительно-исторический анализ. Эмпирический материал представлен документальными фильмами, посвящёнными Великой Отечественной войне, Афганской войне, контртеррористической операции на Северном Кавказе и специальной военной операции. Особое внимание уделяется анализу способов репрезентации вооружённых конфликтов и механизмов формирования медианарративов в документальном кино. Выявлены особенности трансформации контрпропагандистских практик в разные исторические периоды и показана устойчивость ключевых стратегий аудиовизуального воздействия. Делается вывод о том, что военная кинодокументалистика выполняет функции опровержения пропагандистских нарративов, формирования альтернативных интерпретаций событий и воздействия на массовое сознание, сохраняя значимую роль в системе современной медиакommunikации.

Ключевые слова: документальное кино, военная кинодокументалистика, специальная военная операция, контрпропаганда.

Введение

Документальное кино в современной медиасреде занимает особое положение, находясь на пересечении художественного и журналистского типов высказывания. Для отечественных исследователей медиа и кино – это «вид кинематографа, в центре внимания которого находятся реальные люди в реальном мире» [1, с. 58]. Подход западных ученых во многом созвучен: «документальный фильм обращается к ситуациям и событиям, связанным с реальными людьми, которые представлены в определённой интерпретационной рамке» [2, р. 7].

В условиях современных вооружённых конфликтов медиaprостранство становится не только средой освещения событий, но и самостоятельным полем противоборства, что позволяет рассматривать его в логике информационной войны. Информационные потоки, интерпретации событий и медиарепрезентации выступают в качестве инструментов воздействия на массовое сознание и формирования общественного мнения как внутри страны, так и на международной арене [3–5]. В таких условиях военная кинодокументалистика приобретает особое значение, поскольку она способна сочетать фактологическую основу с аналитическим и эмоциональным осмыслением действительности, формируя конкурирующие нарративы и воздействуя на психоэмоциональное восприятие аудитории.

Как отмечает В. В. Смирнова, «в широком медиополе документальный жанр становится все

более популярным» [6, с. 66]. При этом документальное кино традиционно рассматривается исследователями как средство политической коммуникации, в том числе пропагандистского воздействия [7]. Показательным примером является голливудская киноиндустрия, которая в научной литературе нередко интерпретируется как инструмент публичной дипломатии и мягкой силы [8].

В структуре документального кинематографа военная документалистика представляет собой специализированное направление, предметом которого является репрезентация вооружённых конфликтов, деятельности вооружённых сил и опыта их участников с использованием документальных свидетельств, хроники и интервью. В отличие от военной журналистики, ориентированной преимущественно на оперативную передачу информации, военная кинодокументалистика формирует целостные аудиовизуальные высказывания, в которых фактический материал подвергается монтажной и драматургической организации.

В рамках данного исследования под военной документалистикой понимается направление документального кинематографа и аудиовизуальной журналистики, ориентированное на отражение и интерпретацию событий вооружённых конфликтов, при которой документальные свидетельства используются как средство формирования определённых представлений о происходящем.

Обращение к военной документалистике как к инструменту медиакommunikации в условиях ин-

формационной войны обуславливает необходимость анализа её функций и способов воздействия на аудиторию, что требует рассмотрения существующих научных подходов к изучению документального кино, пропаганды и контрпропаганды.

Обзор литературы

В отечественной научной традиции документальное кино рассматривается не только как форма художественно-экранного творчества, но и как особый тип медиакommunikации, обладающий значительным идеологическим и социальным потенциалом. Так, по мнению Г. С. Прожико, документальный кадр выступает своеобразным экраным свидетельством реальности и формирует у зрителя высокий уровень доверия к транслируемому дискурсу, поскольку воспринимается как фиксация подлинных событий [9]. В западной исследовательской традиции также подчеркивается риторическая природа документалистики: как отмечает М. Ренов, современное документальное кино смещается от претензии на абсолютную объективность к практике субъективного авторского высказывания, где убедительность аргументации строится через визуальную и эмоциональную достоверность экранного повествования [10].

В контексте изучения военной кинодокументалистики исследователи выделяют ряд её ключевых функций, включая художественно-творческую, историческую, морально-ценностную, а также *пропагандистскую* и *контрпропагандистскую* [11]. Последняя приобретает особую значимость в условиях информационного противоборства, что требует обращения к теоретическим подходам к изучению пропаганды и контрпропаганды.

Феномен пропаганды получил широкое освещение в научной литературе. В классическом определении Г. Д. Лассуэлла пропаганда трактуется как «война идей по поводу идей» [12, с. 57], тогда как Э. Бернейс рассматривает её как систематическую деятельность «по созданию или трактовке событий с целью повлиять на отношение масс к тому или иному предприятию, идее или части населения» [13, с. 24]. В отечественной науке акцент делается на её идеологической и ценностной направленности: «Систематическая деятельность, направленная на распространение идей, взглядов, систем норм и ценностей в интересах организованной группы, имеющая целью изменение установок и мнений ее целевой аудитории с помощью различных способов, методов и инструментов» [14, с. 168].

Термин «контрпропаганда» возник в период контрреформации в ответ на распространение протестантизма и использовался членами ордена иезуитов как новый способ продвижения католической веры [15, с. 270]. Современные исследователи подчеркивают роль контрпропаганды в облачении аргументов и стратегий противобор-

ствующей стороны [16], а также в снижении влияния враждебных нарративов на общественное мнение [17]. В современном медиапространстве контрпропаганда определяется как «система информационно-коммуникационных мероприятий, направленных на противодействие негативному воздействию пропаганды на общественное мнение и формирование альтернативного взгляда на события и процессы, происходящие в стране и за её пределами» [18, с. 220].

Методы исследования

В работе применён комплекс методов, характерных для медиа- и киноисследований. Основным является структурно-тематический анализ документальных фильмов, посвящённых различным вооружённым конфликтам, направленный на выявление и систематизацию контрпропагандистских стратегий.

Для анализа способов репрезентации и интерпретации событий использовался нарративный анализ, позволяющий проследить особенности построения экранного повествования, логику аргументации и механизмы эмоционального воздействия на аудиторию. Дискурсивный анализ применялся с целью выявления доминирующих смысловых конструкций, идеологических установок и риторических стратегий, формирующих восприятие вооружённых конфликтов.

Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить особенности военной кинодокументалистики в различные исторические периоды и выявить трансформацию контрпропагандистских практик в зависимости от медиасреды и социокультурного контекста.

Эмпирическую базу исследования составили документальные фильмы, посвящённые Великой Отечественной войне, Афганской войне, контртеррористической операции на Северном Кавказе и специальной военной операции. Отбор материалов осуществлялся по принципу тематической релевантности и репрезентативности, что позволило обеспечить сопоставимость анализируемых кейсов.

Результаты и дискуссия

Результаты проведённого анализа документальных фильмов, посвящённых различным вооружённым конфликтам XX–XXI вв., позволяют рассмотреть военную кинодокументалистику как важный инструмент медиакommunikации, выполняющий контрпропагандистскую функцию. Исследование показало, что в условиях информационного противоборства документальное кино используется не только для фиксации событий и сохранения исторической памяти, но и для формирования определённых интерпретаций происходящего, направленных на опровержение пропагандистских нарративов противоборствующей стороны.

В связи с этим представляется целесообразным уточнить содержание понятия **контрпропа-**

ганды, которое выступает ключевой категорией данного исследования. В рамках настоящей работы *под контрпропагандой понимается системное воздействие на ценностные и мировоззренческие установки целевых групп с целью противодействия информационному влиянию противоборствующей стороны и убеждения аудитории в достоверности собственной интерпретации событий*. Исходя из предложенного определения, можно выделить несколько ключевых задач контрпропаганды:

- критика доводов и аргументов противника;
- разоблачение фейковой и недостоверной информации;
- объяснение механизмов манипулятивного воздействия;
- формирование аргументации, подтверждающей достоверность собственной позиции. К числу основных контрпропагандистских стратегий относятся: **разоблачение через факт, разоблачение через аргумент и разоблачение через эмоцию.**

Советскому Союзу во время Великой Отечественной войны пришлось противостоять пропагандистской машине Третьего Рейха. В своих документальных картинах фашистская Германия продвигала несколько ключевых тезисов и эмоциональных посылов, которые должны были оправдать в глазах населения страны и международного сообщества обоснованность вторжения на территорию Советского Союза и внедрить идею несокрушимости своих вооруженных сил.

Советская кинематография вынуждена была отвечать на эти вызовы. В первые месяцы войны, когда Красная Армия несла большие потери и отступала, необходимо было мобилизовать население страны и вооруженные силы на борьбу с противником. Одним из наиболее значимых документальных фильмов начального периода войны стала картина «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» Леонида Варламова и Ильи Копалина. Фильм использует хроникальные съемки боевых действий, разрушенных населенных пунктов и свидетельств мирного населения, создавая убедительную визуальную аргументацию. Монтажное сопоставление кадров боёв, отступления противника и последствий оккупации формирует эмоционально насыщенный нарратив, направленный на опровержение тезисов нацистской пропаганды о непобедимости германской армии. Фильм был показан во всех странах антигитлеровской коалиции, для западного проката был перемонтирован и переозвучен, получил новое название – «Москва наносит ответный удар». Национальным советом кинокритиков США за 1942 году картина была признана лучшим документальным фильмом, в этой же номинации фильм получил «Оскар» в 1943 году [19]. «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» сочетает в себе сразу несколько контрпропагандистских стратегий, раз-

венчивая миф о несокрушимости нацистских войск через факты, например, показывая бегство немцев под Москвой или картины нацистского варварства – виселицу на площади и повешенных на ней комсомольцев. Разоблачая пропагандистские тезисы Германии о том, что Москву некому защищать, через аргумент – показывая, как горожане строят укрепления, – все это усиливается музыкой и дикторским голосом, который заявляет, что город превращен в гигантскую крепость, а улицы в форты. Разоблачение через эмоцию происходит на всем протяжении фильма: создатели картины апеллируют к патриотическим чувствам, демонстрируя кадры подготовки к обороне Москвы, или вызывают гнев, показывая военные преступления вермахта. Все это усиливается визуальным рядом: кадрами боев, сожженных деревень и поселков, погибших мирных жителей.

Другим ярким примером применения документального кино как контрпропагандистского инструмента является картина «Ленинград в борьбе». Фильм разоблачал тезисы нацистской пропаганды о том, что город почти пал и там не осталось защитников, наглядно демонстрируя блокадные будни. Пример стратегии разоблачения через факт, когда диктор за кадром произносит, что сто шестьдесят тысяч жителей вступили в ополчение для защиты Ленинграда. Кадр для подобных картин является не только художественным средством, но и средством дополнительной аргументации, воздействия не только на разум, но и эмоции. Особо можно выделить эпизоды, где жители города везут на санках гробы с погибшими родными – эти кадры до сих пор задевают за живое, а в условиях Великой Отечественной войны вызвали чувство ненависти к врагу и побуждали бороться с ним до конца.

Следующий важный этап, когда активно применялась контрпропагандистская функция документального кино, относится к периоду Афганской войны. Данный период характеризовался противоречивой информационной политикой СССР, начиная от общих фраз об исполнении интернационального долга при Л. И. Брежнев, «скрытой и спрятанной войны» [20, с. 14–15] в период перестройки, до «несвященной и ненародной» [21, с. 290] при М. С. Горбачеве, что существенно ограничивало возможности документалистов в репрезентации реальных боевых действий.

Афганская война сопровождалась активной информационной кампанией западных СМИ, что усиливало значение контрпропагандистских медийных практик. Информационная политика СССР предполагала жесткие ограничения на освещение боевых действий, что существенно сужало возможности документального кино как инструмента контрпропаганды: «Если верить советским газетам и СМИ того времени, советские солдаты в Афганистане только тем и занимались, что сажали де-

ревья, строили школы, больницы и мечети для афганцев» [22, с. 137].

Одной из первых документальных работ об афганском конфликте стала картина «Два дня в апреле. Репортаж о революции» журналиста-международника Фарида Сейфуль-Мулюкова, которая вышла в эфир в 1978 году и была посвящена революции в Афганистане. Картина разоблачала тезисы западной пропаганды о том, что Советский Союз вторгся на территорию независимой страны, систематически нарушает права человека и совершает военные преступления против гражданских. В фильме Фарида Сейфуль-Мулюкова подчеркивается исключительная миротворческая миссия советских солдат, а преступниками показаны предыдущие власти страны, в частности, есть эпизод с тюрьмой, где держали политических заключенных, которых освободили новые коммунистические власти.

В 1980 году вышел новый документальный фильм Фарида Сейфуль-Мулюкова, посвященный этим событиям, – «Афганистан... Жаркая зима», в нем речь шла о борьбе афганского народа с контрреволюцией. Советские солдаты в Афганистане показаны в этом репортаже за мирной работой по разгрузке продовольствия для местных жителей. «Такие сцены можно увидеть повсеместно, не ради забавы они отложили оружие и помогают в совместной мирной работе афганским гражданам». Этот фильм также использует сразу несколько контрпропагандистских стратегий: разоблачая через факт – рассказывая о миротворческих операциях вооруженных сил СССР, использует аргументы, которые подчеркивают сугубо гуманитарную помощь советских солдат.

Жесткие цензурные ограничения не позволяли внятно сформулировать и донести до населения СССР причины и необходимость нахождения советского военного контингента на территории Афганской демократической республики. В обществе росло недовольство и критика проводимой операции, которые были активно поддержаны западными СМИ. В случае с Афганской войной потенциал военной кинодокументалистики, да и в целом журналистики как инструмента контрпропаганды, по оценке исследователей, был использован неэффективно: «Ореол секретности вокруг боевых действий <...> безусловно, играл против советских интересов в глобальной пропагандистской войне: замалчивая множество аспектов вооруженного конфликта, советская сторона лишала себя возможности адекватного ответа на частые публикации американских СМИ относительно боевых действий в Афганистане и на попытки выставить военнослужащих СССР преступниками» [23, с. 63].

Новый этап применения военной кинодокументалистики в качестве инструмента контрпропаганды можно проследить на примере контртеррористической операции на Северном Кавказе. В это

время страна переживала серьезный экономический и политический кризис. Главное отличие данного этапа от периода Великой Отечественной и Афганской войны заключается в том, что нужно было не противодействовать пропаганде запада, а бороться с противоречиями внутри российского общества.

Освещение Чеченских кампаний происходило в условиях трансформации российской медиасистемы и утраты государством монополии на распространение информации. Этот вооруженный конфликт поставил перед редакциями и военными журналистами новые задачи, обострил проблемы формирования стандартов поведения журналистов, изменил правила взаимоотношений с законом, властями и аудиторией [24, 25].

В условиях информационного плюрализма документальное кино становилось одним из инструментов формирования различных интерпретаций происходящих событий. По мере развития конфликта доступ представителей СМИ в зону боевых действий начал ограничиваться, что влияло на характер и источники документальных свидетельств. При этом медиапространство сохраняло высокую степень дискуссионности: «В прессе и на телевидении появлялись оппозиционные правительственной политике публикации, вплоть до призывов примирения с боевиками Д. Дудаева, высказывалась критика действий российского военного командования. Таким образом, моральные и политические обоснования военной кампании в Чечне подверглись в российском обществе сомнению. Война за общественное мнение была проиграна» [26, с. 19].

К началу Второй чеченской кампании была пересмотрена информационная политика. Военным корреспондентам была предоставлена возможность работать в подразделениях при координации пресс-службы Северо-Кавказского военного округа, что сопровождалось усилением институционального контроля над распространением информации. Представители СМИ размещались на военной базе Ханкала вблизи Грозного, а в Москве функционировал информационный центр под руководством помощника президента С. В. Ястржембского, где проводились регулярные брифинги для российских и зарубежных журналистов. После завершения активной фазы боевых действий взаимодействие со СМИ осуществлялось пресс-службой ФСБ. Формирование системы централизованного информирования, сочетающей работу корреспондентов в зоне конфликта и официальные каналы коммуникации, позволило существенно структурировать медиапространство вокруг освещения войны [27].

Говоря о документалистике периода контртеррористической операции на Северном Кавказе, следует отметить, что авторские позиции в значительной степени различались. В документальных фильмах того времени можно выделить несколько

нарративных моделей интерпретации конфликта, отражающих разные точки зрения на происходящие события. При этом общая интонация и способы репрезентации войны во многом продолжали тенденции, сформировавшиеся в отечественной документалистике после Афганского конфликта. Характерным примером документального осмысления конфликта является фильм «Прокляты и забыты» режиссера Сергея Говорухина. В картине акцентируется внимание на повседневной реальности войны: недостатке снабжения, раненых и погибших военнослужащих, а также контрасте между фронтовой действительностью и жизнью мирных городов. Подобная интонация отражала общий характер медиадискуссий вокруг Первой чеченской кампании, когда освещение конфликта нередко сопровождалось критическими оценками происходящего.

Вместе с тем контрпропагандистская функция документального кино сохранялась. В работах военного корреспондента ВГТРК Александра Сладкова используются различные стратегии аудиовизуальной аргументации. Так, в фильме «Дорога в ад» демонстрируются кадры военной техники и прибытия подкреплений, что выступает в качестве визуального опровержения распространявшихся в медиапространстве утверждений о нехватке бронетехники и личного состава. Одновременно фильм фиксирует разрушения города и потери среди военнослужащих, формируя сложную эмоциональную структуру повествования.

С февраля 2022 г. российское медиапространство оказалось в условиях интенсивного информационного противостояния. Крупные международные медиа и цифровые платформы в значительной степени транслировали украинскую и западную интерпретацию происходящих событий, что актуализировало роль документального кино как инструмента медиакommunikации и контрпропаганды. Современные российские документальные фильмы, снятые в зоне боевых действий, фиксируют события конфликта и предлагают альтернативную интерпретацию происходящего, формируя образ участников боевых действий и сохраняя память о них.

Основная часть документальных проектов о специальной военной операции создается крупными государственными медиахолдингами и телеканалами, среди которых RT, ВГТРК, Первый канал, Рен-ТВ и др. Во многом это связано с действующим режимом аккредитации для работы в зоне боевых действий, установленным Министерством обороны Российской Федерации. Возможность проведения съёмок, как правило, предоставляется журналистам крупных медиаструктур, что ограничивает участие независимых авторов и частных студий. При этом значительная часть документальных материалов создаётся на основе личных договорённостей с командирами подразделений, а не при официальном содействии департаментов военного ведомства.

Отсутствие закреплённого в законодательстве статуса военного кинодокументалиста формирует правовую неопределённость в организации подобной работы. Данная проблема неоднократно обсуждалась на профессиональных встречах представителей кинодокументалистики и государственных структур, в том числе при участии Министерства культуры Российской Федерации.

Рассматривая современную военную кинодокументалистику через призму её контрпропагандистской функции, можно выделить несколько характерных стратегий репрезентации конфликта. Во многом современные фильмы опираются на традиции документалистики периода Великой Отечественной войны, используя методы разоблачения пропагандистских нарративов через факт, аргумент и эмоциональное воздействие.

Так, фильм «У края бездны» режиссера Максима Фадеева демонстрирует реальные эпизоды боевых действий и свидетельства гражданского населения. Использование документальных кадров и рассказов очевидцев формирует стратегию разоблачения через факт. Нарративное объяснение предпосылок конфликта, представленное в воспоминаниях жителей Донбасса и комментариях участников боевых действий, реализует стратегию разоблачения через аргумент. Эмоциональное воздействие достигается за счёт визуального ряда, музыкального сопровождения и драматургии фильма, демонстрирующих условия жизни мирного населения в зоне боевых действий.

В медиапространстве данный фильм часто сопоставляется с картиной «20 дней в Мариуполе» украинского журналиста Мстислава Чернова, получившей премию Оскар. В этой работе события представлены преимущественно в рамках интерпретационной модели, характерной для ряда западных медиа, где основной акцент делается на образе Украины как жертвы конфликта. При этом социально-политические предпосылки противостояния, включая события на Донбассе предшествующих лет, в фильме затрагиваются ограниченно.

Эти работы демонстрируют различные модели медиарепрезентации одних и тех же событий. В фильме Чернова основной акцент сделан на гуманитарных последствиях боевых действий и переживаниях гражданского населения. В свою очередь, картина Фадеева реализует ряд контрпропагандистских стратегий, направленных на расширение контекста происходящего. К ним относятся демонстрация документальных кадров боевых действий и свидетельств очевидцев (стратегия разоблачения через факт), включение в повествование рассказов жителей Донбасса о предпосылках конфликта (стратегия аргументации), а также использование выразительных средств аудиовизуального повествования – монтажа, музыкального сопровождения и визуальной драматургии (стратегия эмоционального воздействия). Сопоставление

этих фильмов позволяет рассматривать их как примеры конкурирующих медианарративов, формирующих различные интерпретации событий в международном информационном пространстве.

Другим примером реализации контрпропагандистских стратегий в современной военной документалистике является фильм «Я иду домой» режиссера Владислава Рыткова. В картине сочетаются кадры боевых действий, снятые на переднем крае, и свидетельства мирных жителей, длительное время находившихся в зоне обстрелов. Использование подобных визуальных и интервью-материалов формирует стратегию разоблачения через факт, демонстрируя восприятие происходя-

щих событий населением освобождённых территорий. Нарративное объяснение причин конфликта, представленное в комментариях военных и рассказах жителей Донбасса, реализует стратегию разоблачения через аргумент. Эмоциональное воздействие достигается посредством аудиовизуальных средств – демонстрации последствий боевых действий, сцен оказания помощи раненым и общей драматургии повествования. Таким образом, визуальный ряд и монтажная структура фильма выступают как инструмент усиления контрпропагандистских стратегий, воздействуя как на рациональное, так и на эмоциональное восприятие зрителя.

Таблица
Контрпропагандистские стратегии в отечественной военной кинодокументалистике в разные исторические периоды
Table

Counter-propaganda strategies in Russian military documentary films during different historical periods				
Период	Военные конфликты	Основные контрпропагандистские стратегии	Примеры документальных фильмов	Особенности применения
1941–1945	Великая Отечественная война	Разоблачение через факт, через аргумент, через эмоцию	«Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», «Ленинград в борьбе»	Фокус на мобилизации населения, патриотических чувствах, разоблачении мифа о непобедимости Германии
1979–1989	Афганская война	Разоблачение через факт, через аргумент	«Два дня в апреле», «Афганистан... Жаркая зима»	Ограничения цензуры, акцент на миротворческой миссии, идеологическая подача событий
1994–2009	Чеченская кампания	Разоблачение через факт, через аргумент, через эмоцию	«Прокляты и забыты» (С. Говорухин), «Дорога в ад» (А. Сладков)	Контрпропаганда внутри страны, борьба с оппозиционными нарративами, конфликт между федеральными и независимыми СМИ
2022 – н. в.	Специальная военная операция	Разоблачение через факт, через аргумент, через эмоцию	«У края бездны» (М. Фадеев), «Я иду домой» (В. Рытков)	Акцент на международную аудиторию, противодействие западной и украинской пропаганде, сложные условия съемок, ограничения для независимых авторов

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о том, что документальное кино в условиях вооружённых конфликтов и информационных войн сохраняет важную коммуникативную функцию. Использование документальных свидетельств, интервью и визуальных материалов позволяет опровергать распространяемые в медиапространстве интерпретации событий, формируя у аудитории более комплексное представление о происходящем. При этом аудиовизуальная природа документального кино усиливает воздействие подобных материалов как на рациональное, так и на эмоциональное восприятие зрителей.

Таким образом, контрпропагандистскую документалистику можно рассматривать как *особое направление медиапроизводства, ориентированное на создание документальных фильмов, основанных на фактических данных и направленных на опровержение манипулятивных медианарративов в условиях информационного противостояния.*

В этом контексте документальное кино выполняет несколько ключевых функций:

- разоблачение аргументов пропаганды противоборствующей стороны;
- демонстрация документальных свидетельств происходящих событий;
- формирование альтернативных интерпретаций конфликта;
- объяснение механизмов информационного воздействия.

Анализ показывает, что основные контрпропагандистские стратегии, используемые в документальном кино, остаются относительно устойчивыми на протяжении длительного времени. Начиная с периода Великой Отечественной войны и до современности, ключевыми остаются стратегии разоблачения через факт, аргумент и эмоциональное воздействие. При этом визуальный кадр выступает как центральное выразительное средство, усиливающее эффективность данных стратегий в структуре аудиовизуального повествования.

Вместе с тем развитие современной военной кинодокументалистики сталкивается с рядом институциональных ограничений. Одной из актуальных проблем остаётся отсутствие чётко закреплённого

правового статуса военных кинодокументалистов и регламентированных механизмов взаимодействия между государственными структурами и независимыми производителями документальных фильмов. В связи с этим перспективными направлениями дальнейшего развития отрасли могут стать:

- определение правового статуса военных документалистов;
- разработка механизмов взаимодействия государственных структур с независимыми продюсерами и студиями;
- поддержка дистрибуции документальных фильмов о современных вооружённых конфликтах на телевизионных и цифровых платформах.

Литература

1. Мясникова, М. А. Документальное кино в телепрограмме: проблемы и перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 1 (110). – С. 56–63.
2. Nichols, B. Introduction to Documentary / B. Nichols. – 2nd ed. – Bloomington : Indiana University Press, 2010.
3. Castells, M. Communication Power / M. Castells. – Oxford : Oxford University Press, 2009.
4. Nye, J. S. Soft Power: the Means to Success in World Politics / J. S. Nye. – New York : PublicAffairs, 2004.
5. Taylor, P. M. Munitions of the Mind: a History of Propaganda from the Ancient World to the Present Era / Taylor, P. M. – 4th ed. – Manchester : Manchester University Press, 2013.
6. Смирнова, В. В. Документальное кино в системе массовой коммуникации / В. В. Смирнова, // Коммуникология. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 66–72.
7. Коробов, А. А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху / А. А. Коробов, С. А. Серебряков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 212–217.
8. Артамонова, У. З. Американский кинематограф как инструмент публичной дипломатии США / У. З. Артамонова // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 2. – С. 110–122.
9. Прожико, Г. С. Художественный и исторический потенциал экранного документа / Г. С. Прожико // Вестник архивиста. – 2017. – № 4. – С. 274–285.
10. Renov, M. The Subject of Documentary / M. Renov. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2004.
11. Яценко, А. Н. Российская военная кинодокументалистика: функции и особенности современного этапа развития / А. Н. Яценко // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 3 (57). – С. 107–115.
12. Лассуэлл, Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Д. Лассуэлл. – М. : ИНИОН РАН, 2022. – 252 с.
13. Бернейс, Э. Пропаганда / Э. Бернейс. – М. : АСТ, 2025. – 192 с.
14. Дорцева, Е. В. Феномены пропаганды и контрпропаганды в системе социологического знания / Е. В. Дорцева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2024. – № 1. – С. 165–192.
15. Калл, Н. Дж. Контрпропаганда: примеры публичной дипломатии США и не только / Н. Дж. Калл // Пропаганда и конфликтная война: СМИ и формирование двадцатого века ; под ред. М. Коннелли, Дж. Фокс, С. Гебеля, У. Шмидта. – Нью-Йорк : Bloomsbury Academic, 2019. – С. 269–284.
16. Иванов, В. Н. Социология пропаганды: некоторые аспекты содержания / В. Н. Иванов // Социологические исследования. – 1983. – № 3.
17. Литвиненко, А. Н. Инструменты оборонительной контрпропаганды как элемент учебно-воспитательного процесса / А. Н. Литвиненко, Ю. А. Лозина, А. В. Грачев // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 3. – С. 280–285.
18. Уртаева, Э. Б. Инструменты контрпропаганды в условиях гибридного внешнеполитического противоборства / Э. Б. Уртаева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 217–223.
19. Родионова, О. В. Образ Великой Отечественной войны в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации / О. В. Родионова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (768). – С. 146–171.
20. Боровик, А. Г. Спрятанная война : повести / А. Г. Боровик. – Киев : Заповит-Трамвай, 1994. – 321 с.
21. Кича, М. В. Афганистан: подлинная история страны-легенды / М. В. Кича. – М. : Бомбора, 2023. – 464 с.
22. Пак, А. В. Освещение и трактовка событий Афганской войны 1979–1989 гг. в советской телевизионной публицистике / А. В. Пак // Историческая психология и социология истории. – 2024. – № 1. – С. 131–157.
23. Рабуш, Т. В. «Пропагандистская война» США и СССР вокруг вопроса о боевых действиях в Афганистане (1979–1989 гг.) / Т. В. Рабуш // Вестник ННГУ. – 2017. – № 3. – С. 58–65.
24. Калоева, И. Э. Особенности освещения в СМИ вооружённых конфликтов: Чеченская Республика, 1994–2004 гг. : автореф. дис. ... канд. полит. наук / И. Э. Калоева. – СПб., 2004. – 21 с.
25. Цветкова, В. Ф. Чеченский конфликт в отечественной периодической печати : дис. ... канд. ист. наук / В. Ф. Цветкова. – СПб., 2007.
26. Бринюк, Н. Ю. Солдаты информационной войны: появление и развитие института военных корреспондентов в России / Н. Ю. Бринюк, Е. Л. Коршунов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 6. – С. 15–20.
27. Коновалов, И. П. Военная тележурналистика

Ященко Андрей Николаевич – соискатель ученой степени кандидата наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), генеральный директор кинокомпании «ПУТЬ СЕРДЦА» (Москва), e-mail: putsedcafilm@yandex.ru. ORCID 0009-0000-9535-4722

Поступила в редакцию 25 июня 2026 г.

DOI: 10.14529/ssh260313

WAR DOCUMENTARIES AS A COUNTER-PROPAGANDA TOOL: BASIC REPRESENTATION TECHNIQUES

A. N. Yashchenko^{1,2}

¹*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation*

²*PUT' SERDCA (Path of the Heart) Film Company, Moscow, Russian Federation*

This article examines the historical and contemporary development of Russian military documentaries as a counter-propaganda tool in the context of information confrontation. It analyzes the main counter-propaganda strategies used in documentary filmmaking, including exposure through factual evidence, rational argumentation, and emotional impact. The theoretical framework of this study is based on the works of Russian and foreign scholars in the fields of documentary films, media communication, propaganda, and counter-propaganda. The methodological framework combines structural-thematic, narrative, discourse, and comparative-historical methods of analysis. Empirical materials include documentaries about the Great Patriotic War, the Afghan War, counterterrorism operations in the North Caucasus, and the current special military operation. Attention is paid to how armed conflicts are represented and how media narratives are constructed in these documentaries. The study identifies the transformation of counter-propaganda practices throughout different historical periods and highlights the continuity of key audiovisual influence strategies. The author concludes that military documentaries serve to refute propagandistic narratives, construct alternative interpretations of events, and influence mass consciousness, while maintaining an essential role in the modern media communication system.

Keywords: documentaries, military documentaries, special military operation, counter-propaganda.

References

1. Myasnikova M.A. Dokumental'noe kino v teleprogramme: problemy i perspektivy [Documentary Film in Television Programming: Problems and Prospects] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2013. № 1 (110). P. 56–63.
2. Nichols B. Introduction to Documentary. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2010.
3. Castells M. Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009.
4. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004.
5. Taylor P.M. Munitions of the Mind: A History of Propaganda from the Ancient World to the Present Era. 4th ed. Manchester: Manchester University Press, 2013.
6. Smirnova V.V. Dokumental'noe kino v sisteme massovoy kommunikacii [Documentary Film in the System of Mass Communication] // *Kommunikologiya*. 2019. T. 4, № 1. P. 66–72.
7. Korobov A.A., Serebryakov S.A. Dokumental'noe kino kak sredstvo politicheskoy propagandy: klassicheskie i innovacionnye podhody v cifrovuyu epohu [Documentary Film as a Means of Political Propaganda: Classical and Innovative Approaches in the Digital Era] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2019. T. 19, vyp. 2. P. 212–217.
8. Artamonova U.Z. Amerikanskiy kinematograf kak instrument publichnoy diplomatii SShA [American Cinema as an Instrument of U.S. Public Diplomacy] // *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. 2020. № 2. P. 110–122.
9. Prozhiko G.S. Hudozhestvennyy i istoricheskiy potencial ekrannogo dokumenta [Artistic and Historical Potential of Screen Documentary] // *Vestnik arhivista*. 2017. № 4. P. 274–285.

10. Renov M. The Subject of Documentary. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004.
11. Yashchenko A.N. Rossiyskaya voennaya kinodokumentalistika: funktsii i osobennosti sovremennogo etapa razvitiya [Russian Military Documentary Cinema: Functions and Features of the Current Stage] // *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2025. № 3 (57). P. 107–115.
12. Lasswell H.D. Tekhnika propagandy v mirovoy voyne [Propaganda Technique in the World War]. Moscow: ISSS RAS, 2022. 252 p.
13. Bernays E. Propaganda [Propaganda]. Moscow: AST, 2025. 192 p.
14. Dorceva E.V. Fenomeny propagandy i kontrpropagandy v sisteme sociologicheskogo znaniya [Phenomena of Propaganda and Counter-Propaganda in Sociological Knowledge] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. 2024. № 1. P. 165–192.
15. Cull N.J. Counter-Propaganda: Examples of U.S. Public Diplomacy and Beyond // *Propaganda and Conflict: War, Media and Shaping the Twentieth Century*; ed. by M. Connelly, J. Fox, S. Goebel, U. Schmidt. New York: Bloomsbury Academic, 2019. P. 269–284.
16. Ivanov V.N. Sociologiya propagandy: nekotorye aspekty soderzhaniya [Sociology of Propaganda: Some Aspects of Content] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 1983. № 3.
17. Litvinenko A.N., Lozina Y.A., Grachev A.V. Instrumenty oboronitel'noy kontrpropagandy kak element uchebno-vospitatel'nogo processa [Defensive Counter-Propaganda Tools as an Element of the Educational Process] // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2022. № 3. P. 280–285.
18. Urtaeva E.B. Instrumenty kontrpropagandy v usloviyakh gibridnogo vneshnepoliticheskogo protivoborstva [Counter-Propaganda Tools in Hybrid Foreign Policy Confrontation] // *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2024. № 1. P. 217–223.
19. Rodionova O.V. Obraz Velikoy Otechestvennoy vojny v kinematographe kak otazhenie kul'turno-istoricheskoy pamyati [The Image of the Great Patriotic War in Cinema as a Reflection of Cultural Memory] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2017. № 1 (768). P. 146–171.
20. Borovik A.G. Spryatannaya vojna: povesti [Hidden War: Stories]. Kiev: Zapovit-Tram, 1994. 321 p.
21. Kicha M.V. Afganistan: podlinnaya istoriya strany-legendy [Afghanistan: The True History of a Legendary Country]. Moscow: Bombora, 2023. 464 p.
22. Pak A.V. Osveshchenie i traktovka sobytiy Afganskoy vojny 1979–1989 gg. v sovetskoy televizionnoy publicistike [Coverage and Interpretation of the Afghan War (1979–1989) in Soviet TV Journalism] // *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*. 2024. № 1. P. 131–157.
23. Rabush T.V. “Propagandistskaya vojna” SShA i SSSR vokrug voprosa o boevykh deystviyakh v Afganistane (1979–1989 gg.) [“Propaganda War” between the USA and the USSR over the Afghan War] // *Vestnik NNGU*. 2017. № 3. P. 58–65.
24. Kaloeva I.E. Osobennosti osveshcheniya v SMI vooruzhennykh konfliktov: Chechenskaya Respublika, 1994–2004 gg. [Media Coverage of Armed Conflicts: Chechen Republic, 1994–2004]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Saint Petersburg, 2004. 21 p.
25. Tsvetkova V.F. Chechenskiy konflikt v otechestvennoy periodicheskoy pechati [The Chechen Conflict in Russian Periodical Press]: dis. ... kand. ist. nauk. Saint Petersburg, 2007.
26. Brinyuk N.Y., Korshunov E.L. Soldaty informatsionnoy vojny: poyavlenie i razvitiye instituta voennykh korrespondentov v Rossii [Soldiers of Information War: The Emergence and Development of War Correspondents in Russia] // *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 2015. № 6. P. 15–20.
27. Konovalov I.P. Voennaya telezhurnalistika: osobennosti zhanra [Military TV Journalism: Genre Features] // *Sovremennaya rossiyskaya voennaya zhurnalistika: opyt, problemy, perspektivy*; ed. by M. Pogorelyj, I. Safranchuk. Moscow: Gendal'f, 2002. P. 40–59.

Andrey N. Iashchenko – Applicant for the Degree of Cand. Sc., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg), General Director of PUT' SERDCA (Path of the Heart) Film Company (Moscow), e-mail: putsedcafilm@yandex.ru

Received June 25, 2026

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Ященко, А. Н. Военная кинодокументалистика как инструмент контрпропаганды: основные приемы репрезентации / А. Н. Ященко // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 3. – С. 109–117. DOI: 10.14529/ssh260313

FOR CITATION

Iashchenko A. N. War documentaries as a counter-propaganda tool: basic representation techniques. *Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 109–117. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260313

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Журнал основан в 2001 году. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57373 выдано 24 марта 2014 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет).

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.3. Археология (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика, 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, 5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства).

Журнал включен в Реферативный журнал и базы данных ВИНТИ. Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписной индекс 29076 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Адрес редакции, 454080, г. Челябинск, ул. С. Кривой, 79, Издательский центр ЮУрГУ, каб. 2.

Адрес издателя: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ Microsoft Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, звание и должность для всех авторов работы, сроки обучения в аспирантуре для аспирантов), контактная информация ответственного за подготовку рукописи (адрес, телефон, e-mail).

2. Структура статьи: УДК, название, список авторов, ORCID (Open Researcher and Contributor ID) каждого автора, аннотация (200—250 слов), список ключевых слов, текст работы, литература (в порядке упоминания, ГОСТ 7.1-2003), сведения об авторах. После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов, список литературы и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: верхнее — 30, нижнее — 30, левое — 30, правое — 30 мм. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Отступ красной строки 0,7 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал — полуторный. Рисунки и схемы должны быть сгруппированы и иметь названия.

4. Адрес редакционной коллегии научного журнала «Вестник ЮУрГУ» серия «Социально-гуманитарные науки»: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76, главный корпус, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, дирекция ИМСГН, 435/1. Тел./факс (351) 267-90-29. E-mail: shesterkinalp@susul.ru, главный редактор — профессор Шестеркина Людмила Петровна, ответственный секретарь — доцент Салганова Елена Ивановна.

5. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта журнала <http://vestnik.susu.ru/humanities>.

6. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия
«СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»
2026 Том 26, № 3

16+

Главный редактор *Шестеркина Л. П.*
Компьютерная верстка: *Выборнова Л. В.*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 20.07.2026. Дата выхода в свет 29.07.2026. Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ 181/199. Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.